

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ
КРЕСТОСЕВ

МОСКВА
ВАГРИУС
2000

УДК 882-94
ББК 63.3(2)
Я 47

Оформление
студия «ДИЗАЙНБОКС»

В основе книги Александра Яковлева новые шокирующие факты о большевистской технологии истребления миллионов людей в годы строительства социализма в СССР.

*Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
запрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.*

ISBN 5-264-00046-8

© Издательство «ВАГРИУС», 1999
© А. Яковлев, автор, 1999

«Они, засучив рукава, с топором в
руках рубили головы...

Как скот, по списку отправляли:
быков столько-то, коров столько-то, овец
столько-то...

Если бы народ только знал, что у
них с пальцев капает невинная кровь, то
встречал бы их не аплодисментами, а
камнями».

Маршал Г.К. Жуков

К ЧИТАТЕЛЮ

Волею судьбы уже на склоне лет я принял сильное участие в продвижении моей страны к свободе. Лично на мою долю выпало тяжелейшее бремя — возглавлять Комиссию, сначала политбюро ЦК КПСС, а потом и Президента России, по реабилитации жертв политических репрессий.

Должен признаться, уважаемый читатель, — тяжкое это дело. Когда спускаешься шаг за шагом в подземелье по лестнице длиной в 70 лет большевистской власти, полное человеческих костей и застывшей крови, то вся твоя вера в человека улечучивается как дым на ветру.

Рукописи не горят. Это верно. Горят люди. Очередные кровавые свитки на моем столе. Из архива президента и Лубянки. Сгори папка — воскресни человек! Нет, не воскреснет человек. А вечные летописи бесконечных страданий продолжают жечь пыточным огнем. Малограмотные чекистские сочинения и доносы «доброжелателей» — самое страшное, что мне привелось и до сей поры приходится читать. Пора бы привыкнуть. Не получается. Жалость, горечь, негодование и разочарование.

...Когда молод, знаешь мало, душа до краев наполнена романтикой, все люди кажутся добрыми и порядочными, восторженно веришь каждому слову

старших и не допускаешь даже мысли, что люди могут лгать, обманывать, лицемерить.

Но сомнения, проклятые сомнения... Они подкрадываются потихоньку. В мою мальчишескую душу они начали просачиваться очень рано. Первые тревожные колокольчики зазвенели еще в годы Второй мировой войны, которую я ненавижу всем своим существом, она убила миллионы мальчишек — моих сверстников, а я останусь до конца дней своих инвалидом. Хорошо помню, как штабное начальство постоянно упрашивало увеличить список отличившихся в бою, а также назвать хотя бы одного труса. А командир минометной батареи поддержки, мой сосед по лесным землянкам, постоянно просил подтвердить, что его мины попали в цель, а в обмен совал пару-тройку котелков со спиртом.

Да мало ли чего еще было. Героизм и ложь шагали рядом. И сколько бы ни славословили генералы послевоенной поры о нашем, участников войны, героизме, патриотизме и прочем в этом же роде, у меня от войны в душе продолжают, особенно по ночам, копошиться грязь, кровь, пьяные истерические атаки, вши и мертвые товарищи.

Послевоенное время вспахивало все новые и новые борозды сомнений. Я помню железнодорожную станцию Всполье, что в Ярославле. Первый послевоенный год. По городу пронесся слух, что через станцию из немецкого плена везут наших солдат и офицеров. Я еще ходил на костылях, но тоже отправился, как и многие другие, посмотреть, что там происходит. А там состав, маленькие окна в решетках, за ними худые, бледные и растерянные лица. А на перроне — ревущие бабы. Из окон летят бумажки-трубочки, там адреса и просьбы сообщить, что жив, мол. А бабы бегали от вагона к вагону, искали своих родных — мужей, братьев, возлюбленных, просто знакомых. Охрана не осмелилась отогнать силой ревущую толпу, но потом подобные составы стали ходить по ночам.

Люди на перроне еще долго чего-то ждали. Они

никак не могли понять, почему же этих ребят из гитлеровских лагерей повезли на Урал и в Сибирь, как преступников. Я помню возбужденные лица. Не только у меня, но и у многих других было полное непонимание происходящего. Однако покричали да поплакали, и на том все закончилось. Действительному прозрению мешали восторг от победы над гитлеризмом и продолжающаяся вера в правоту сталинских деяний. К сожалению, значительно позднее люди поняли, что тогда, после войны, убийцы уничтожали в лагерях и тюрьмах солдат, которых обманули, ибо боялись их.

Потом, расследуя события, связанные с преступлениями против советских военнопленных, я не раз вспоминал ту жуткую, зловещую картину на станции Всполие.

Рубежом для страны стал XX съезд КПСС. После него пошли шарахания и кульбиты — вверх-вниз, влево-вправо, мороз — оттепель, заморозки — оттепель, надежды — разочарования. Разогревшиеся общественные страсти постоянно рождали новые взгляды. Общество начало медленный поворот к правде. Те, кто еще не потеряли реального ощущения жизни, явственно видели, что система большевизма стремительно катится к банкротству, что, кроме новых бед, она ничего не способна породить.

Не так уж много осталось в живых тех, кто непосредственно слушал «секретный доклад» Хрущева. По масштабности, кардинальности и опасности для самой системы доклад был таков, что его опубликовали у нас в стране только через 30 с лишним лет, уже в годы перестройки.

Я был на этом съезде.

Но еще до него, в октябре 1954 года, будучи в командировке в Приморском крае, я слушал выступление Никиты Сергеевича перед местным партийно-хозяйственным активом.

Хрущев возвращался из Китая. В основной речи и репликах Хрущева было всякое и разное. Например, Хрущев пришел в неистовство, кричал и сы-

пал угрозы, когда капитаны рыболовных судов рассказывали о безобразиях, творящихся в рыбной промышленности. Они порой по 4—5 раз заполняли сейнеры рыбой, но на берегу ее не принимали из-за нехватки перерабатывающих производств. Рыбу выбрасывали в море и снова ловили. Так и шла путина за путиной.

Вот оно, плановое хозяйство! — буйствовал Хрущев. Отчитал присутствовавшего здесь же Микояна, позвонил в Москву Маленкову, дал указание закупить оборудование для переработки рыбы, специальные корабли, кажется, в Дании. Энергия выплескивалась через край. Капитаны — в восторге. Потом, вернувшись в Москву, я поинтересовался, что же было выполнено из его указаний. Оказалось, ровным счетом ничего.

Под большим подозрением у Хрущева было китайское руководство. Он не исключал, что лидеры Китая будут стремиться к гегемонии в комдвижении, выдвинут территориальные претензии к СССР, пойдут на сближение с Америкой.

Все это было тревожно — и бесхозяйственность внутри страны, и перспектива ссоры с Китаем. Но больше всего я был ошарашен крайне нелестными характеристиками эпохи Сталина. Я записал тогда несколько фраз из них. Эту запись храню до сих пор.

Вот что сказал Хрущев еще задолго до XX съезда КПСС:

«Мы очень расточительно расходует накопленный капитал доверия народа к партии. Нельзя эксплуатировать без конца доверие народа. Мы, коммунисты, должны каждый, как пчелка, растить доверие народа.

Мы уподобились попам-проповедникам: обещаем царство небесное на небе, а сейчас картошки нет. И только наш многотерпеливый русский народ терпит, но на этом терпении дальше ехать нельзя. А мы не попы, а коммунисты, и мы должны это счастье дать на земле.

Я был рабочим, социализма не было, а картошка была, а сейчас социализм построили, а картошки нет».

Вернувшись в Москву, я боялся рассказывать об этих высказываниях даже своим товарищам по работе, разве что шепнул на ушко нескольким друзьям.

Я работал в ЦК еще только полтора года. Смотрел на события открытыми и наивными глазами провинциала. Продолжал верить, что всё или почти всё делается по правде и честно. А тут такие слова лидера партии и государства. Удар по голове кувалдой. Я даже предположить не мог, что вскоре, всего через полтора года, произойдет общественное землетрясение, начало которому положат XX съезд КПСС и доклад на нем Никиты Хрущева.

Он состоялся 25 февраля 1956 года, в последний день работы съезда, вне повестки дня. Доклад назывался «О культе личности и его последствиях». В нем прозвучали слова о тех злодеяниях и преступлениях против советского народа, которые были совершены Сталиным, слова, практически провозгласившие наступление новой эпохи в отечественной и мировой истории.

Услышанное повергло меня в глубокое уныние, если не в отчаяние. Все казалось нереальным, даже то, что я здесь, в Кремле, слушаю слова, которые уничтожают все, чем я жил, кромсают смысл былого, переворачивают душу. Все разлеталось на мелкие кусочки, собрать которые вместе в прежнем виде оказалось уже невозможным.

Я сидел на балконе. В зале стояла глубокая тишина. Не слышно было ни скрипа кресел, ни кашля, ни шепота. Никто не смотрел друг на друга — то ли от неожиданности происходящего, то ли страха, который, казалось, уже навечно поселился в психологии советского человека, стал его образом жизни. А Хрущев приводил факт за фактом, один страшнее другого. Говорил долго, горячо, часто отрывался от текста, видно было, что волнуется.

Я был настолько растерян, что даже не помню, были аплодисменты или нет. По-моему, не было. Уходили с заседания, низко опустив головы. Шок был невообразимо глубоким. Особенно оттого, что на этот раз нам официально сообщили о преступлениях «самого» Сталина. Все молчали. Иногда слышалось: «да-а-а».

Лично я был раздавлен, не знал, кому верить. Или Сталину, с именем которого поколение за поколением связывало свою жизнь и надежды. Или новому вождю, который так страстно и убежденно говорил о преступлениях своего учителя, в команде которого работал, служил ему безоглядно и преданно. Новому лидеру с ходу верить не хотелось — надо было перепрыгнуть сразу через океан веры в старого. Но и отбросить все сказанное я не мог, ибо понимал, что ложь о Сталине была бы политическим самоубийством для Хрущева. Где-то в душе шевелилось ощущение, что Хрущев говорил правду, но я боялся ее.

Нечто подобное произошло еще в детстве, когда я жил в деревне. У нас в 1937 году арестовали конюха и колхозного бригадира. Я спросил отца о случившемся. Он строго наказал мне никого не спрашивать об этом.

И все же червь сомнений грыз меня беспощадно, мучительные размышления разрывали меня на части. Стал пропадать рабочий энтузиазм, временами наступала апатия ко всему происходящему. Тем не менее начал гораздо внимательнее прислушиваться к речам начальства, но уже с критических позиций, обнаруживая в них массу благоглупостей, вранья, притворства. Постепенно начала спадать пелена веры в начальственное слово. Гораздо зорче стал поглядывать по сторонам и все отчетливее видеть карьеризм, беспринципность, подхалимаж, интриганство. Это были горькие открытия.

Я пытался разобраться в самом себе. Прежде всего ответить на вопрос: почему именно на меня слова Хрущева произвели столь тяжкое впечатление? Что

сыграло тут решающую роль? Может быть, падение на грешную землю великой звезды веры? Может быть, провинциальная наивность в убеждениях? Может быть, оскорбленное чувство ограбленной души? Может быть, еще что-то — таинственное, непознанное, скрытое от самого себя?

Одно я понял на всю оставшуюся жизнь: общественное устройство, основанное на крови, должно быть сметено с исторической арены, ибо оно, это устройство, исповедовало дьявольскую религию зла.

Я был честен в прежней вере, я столь же честен и в отрицании ее. Я возненавидел Сталина — это чудовище, жестоко обманувшее меня и растоптавшее мой романтический мир надежд. С тех пор я и посвятил себя поиску путей ликвидации античеловеческой системы — надо было только не ошибиться в новом выборе. Конечно, это были всего лишь мечты, а не действия, но в одном я был твердо уверен уже тогда — этот новый путь должен быть исключительно ненасильственным, только он и может привести к свободе человека.

Я жил, в сущности, двойной жизнью, стал рабом мучительного притворства. Приспосабливался, лукавил, но все же старался не потерять самого себя, не опоганиться. В ЦК работать расхотелось. Я искал выход. И нашел его. Скорее интуицией, чем разумом. Почувствовал необходимость переучиться, заново прочитать все, что я читал прежде, обратиться к первоисточникам — Марксу, Энгельсу, Ленину, немецким философам, французским социалистам, британским экономистам, то есть к теоретическим источникам сложившихся у меня убеждений.

Сразу же после XX съезда я обратился в ЦК с заявлением направить меня на учебу в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Два раза отказали. После третьего заявления просьбу удовлетворили, но при условии, что пойду учиться на кафедре истории КПСС. Только после неоднократных бесед мне удалось убедить начальство в целесообразности другого решения. Руководство Академии долго не

могло понять, почему я не хочу идти на кафедру истории КПСС, что было бы для работника ЦК, да еще историка, вполне естественно. Но после XX съезда я просто не мог лезть в эти мутные воды. Я выбрал международную кафедру.

Учился жадно, читал много, сдавал экзамены, писал рефераты. Получал одни «пятерки». Только по политэкономии однажды схватил «четверку», поскольку отказался снять абзац из своего реферата о том, что абсолютного обнищания рабочего класса при капитализме быть просто не может. Ни с научной точки зрения, ни с практической. Милейший профессор Лапин долго уговаривал меня убрать этот абзац, но я стоял на своем, и ему пришлось снизить мне оценку. Профессор испугался.

Я благодарен Академии, очень благодарен. Там была хорошая творческая обстановка. Меня часто спрашивают, когда точно произошел заметный, ощутимый перелом в моем сознании, когда я начал всерьез пересматривать свои взгляды на марксизм? За точность ручаться не могу. В одночасье подобного не бывает. Процесс этот долгий и мучительный. Но именно в Академии, штудирова первоисточники, я понял по большому счету всю пустоту и нежизненность марксизма-ленинизма, его бесчеловечность, его искусственность, корневую противоречивость, демагогичность и прогностический обман. Эти и многие другие выводы весьма успешно лечили меня от ран XX съезда. Я начал осознавать, что Хрущев был прав, хотя пока и не понимал, почему он, в сущности, замахнулся на самую идеологию построения нового общества. И чем глубже я влезал в теоретические бредни «классиков марксизма», тем обнаженнее становились истоки того тупика, в котором оказалась страна.

Начал понимать и еще одну особенность марксизма применительно к событиям в России. Практический наследник утопических прогнозов Маркса Ленин, будучи мастером перевода разного рода теоретических схем на политический язык, вычленил

из крайне противоречивых марксистских построений лишь те, которые отвечали главной его мечте — захвату власти.

Об этих своих противоречиях и концептуальных прозрениях я рассказал в книге «Обвал».

Хотел бы обратить внимание еще на одно обстоятельство, весьма загадочное для тех, кто был мало посвящен в политические игры того времени. Доклад Хрущева, как я уже говорил, оставался секретным еще три десятилетия.

Кто-то передал его на Запад в первые же недели после съезда, а вот от советского народа доклад скрывали. Скрывали по очень простой причине — руководство страны боялось выходить с идеями десталинизации за пределы партийной элиты, оно хорошо понимало взрывную силу этого процесса для всей системы.

Я помню длительный спор, который разгорелся в 1957 году вокруг постановления ЦК о культуре личности. Борьба шла за каждое слово, за каждую формулировку, особенно за то, чтобы не дать в обиду сложившуюся систему, оставить в неприкосновенности коренные постулаты удобной, податливой для начальства и жестокой для всех остальных идеологии. Уже тогда, несмотря на XX съезд, начала пробиваться тенденция не только замалчивать беззакония и произвол и их жертвы, но и обелить самого Сталина. Впрочем, она, эта тенденция, и не умирала, а лишь временно притупилась.

Высшее руководство партии все еще пугало жесткими мерами тех членов партии, которые отваживались сказать что-то новое в общественной науке или по-своему интерпретировать содержание хрущевского доклада. Партийное руководство особенно боялось касаться проблем репрессий.

И все это происходило на моих глазах и живет в моей памяти.

Вскоре после XX съезда политбюро распространило в партийных организациях несколько писем, в которых содержались грозные требования усилить

борьбу с антипартийными и антисоветскими настроениями, а также с теми членами КПСС, которые заостряют внимание на репрессиях. Эти письма убедительно свидетельствуют о том, что аппарат начал последовательную борьбу против решений XX съезда.

Уже в начале апреля 1956 года, то есть практически через месяц после антисталинского съезда, Центральный комитет обратился с закрытым письмом ко всем членам партии, в котором предупреждал об ответственности за критику, выходящую за рамки дозволенной. Дело в том, что на собраниях люди стали называть, кроме Сталина, и других членов президиума ЦК, ответственных за репрессии. Главный глашатай сталинизма газета «Правда», пересказывая это письмо, призывала к борьбе против «демагогов» и «гнилых элементов», которые под видом обличения культа личности и репрессий критикуют линию партии.

Письмо не оказало ожидаемого влияния на развитие политической ситуации в стране. В моей памяти осталось ощущение, что оно как бы затерялось, утонуло в опасных для власти дискуссиях. Поняв складывающуюся ситуацию, ЦК в июле 1956 года направил второе письмо, в котором сообщалось о репрессивных партийных мерах — привлечении к ответственности отдельных коммунистов и роспуске парторганизации теплотехнической лаборатории АН СССР за «неправильное» обсуждение решений XX съезда.

Но и это не помогло. Стихийная, вышедшая из-под контроля партийных комитетов десталинизация, несмотря на партийные громы и молнии, мало-помалу овладевала массами, прежде всего образованной частью общества. Особой активностью отличалась писательская среда.

Движение за демократию нарастало не только в Советском Союзе, но и в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В октябре 1956 года вспыхнуло народное восстание в Венгрии. Для его

подавления в страну были введены советские войска. Угроза использования военной силы была реальной и в Польше.

Венгерские события довели президиум ЦК КПСС до истерики. 19 декабря 1956 года было решено направить новое письмо в партийные организации. Оно называлось так: «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». Материалы для президиума ЦК готовила комиссия во главе с Брежневым. В нее входили Маленков, Аристов, Беляев, Серов и Руденко.

Письмо было сугубо сталинистское по духу, грубое, полное угроз, за которыми явно виделся страх. Оно заканчивалось словами:

«ЦК КПСС с особой силой подчеркивает, что в отношении вражеского охвостья у нас не может быть двух мнений по поводу того, как с ним бороться. Диктатура пролетариата по отношению к антисоветским элементам должна быть беспощадной. Коммунисты, работающие в органах прокуратуры, суда и государственной безопасности, должны зорко стоять на страже интересов нашего социалистического государства, быть бдительными к проискам враждебных элементов и, в соответствии с законами Советской власти, своевременно пресекать преступные действия».

По стране прокатилась волна арестов и приговоров судов, по которым коммунисты и беспартийные лишались свободы за «клевету на советскую действительность» и «ревизионизм». Только в первые месяцы 1957 года к уголовной ответственности было привлечено несколько сот человек. Тысячи людей, поверивших Хрущеву и как-то проявивших себя сторонниками обновления общества, были брошены в лагеря.

ЦК КПСС ужесточил контроль за деятельностью идеологических учреждений, творческих союзов, научных центров, средств массовой информации. В специальных постановлениях резко осуждалась

позиция тех газет и журналов, которые подпали под влияние идей доклада Хрущева. И на этот раз практика середины 50-х годов показала, что насилие и репрессии продолжали использоваться руководством партии для защиты и упрочения своей власти.

От своих друзей в аппарате знаю, что руководство ЦК находилось тогда в крайне нервном состоянии, что от рядовых работников ЦК требовали усилить контроль и бдительность. Но и в самом аппарате не было единства.

В воспоминаниях Хрущева есть слова, в определенной мере раскрывающие его позицию по отношению к событиям после смерти Сталина и XX съезда. Он пишет: «...мы не смогли разорвать с прошлым, мы не могли набраться мужества, внутренней потребности приоткрыть полог и заглянуть, что же там, за этой ширмой. Что кроется за тем, что было при Сталине... Мы сами, видимо, были скованы своей деятельностью под руководством Сталина, еще не освободившись от его давления».

Все это было сущей правдой. Как-то в разговоре со мной заведующий отделом науки ЦК КПСС Сергей Трапезников сказал: «Что же будет с марксизмом, когда мы умрем?» Он объяснял мне, что марксизм из революционного учения под натиском враждебных ревизионистских сил может превратиться в оппортунистическое, если ЦК КПСС будет и дальше недооценивать эту угрозу. Ему же принадлежит занятная фраза из его книги по аграрному вопросу. Над ней долго смеялись в Москве. Она звучит так: «Волчья стая ревизионистов свила осиное гнездо».

Почему же Хрущев начал сворачивать процесс десталинизации?

Прежде всего, как мне представляется, потому, что, сказав правду о конкретных преступлениях Сталина, он испугался последствий своего исторического деяния, поскольку в обществе началась дискуссия о характере самой системы. Помнил и о своей личной вине. Но об этом позже.

Когда я говорю об историческом подвиге Хрущева, то отношу к нему лично: во-первых, избавление миллионов людей от ГУЛАГа, развенчание культа личности Сталина, возвращение целых народов из ссылки; во-вторых, освобождение крестьян от крепостничества, барщины, ликвидацию сельских «зон оседлости», выдачу крестьянам паспортов, введение единого для всех трудового законодательства; в-третьих, поиск возможностей взаимопонимания и сотрудничества с другими странами, появление первых дыр в «железном занавесе».

История любит парадоксы. Сначала Хрущев хоронил Сталина физически, он был председателем похоронной комиссии. Потом исторически — на XX съезде. На похоронах Сталина он поочередно предоставлял слово Маленкову, Берии, Молотову. Еще за 2—3 часа до смерти Сталина верхушка перераспределила власть. Маленков — предсовмина, Берия и Молотов — первые заместители. А Хрущеву велено было сосредоточиться на ЦК КПСС, который отныне должен заниматься только идеологией и учетом кадров, но не экономикой.

Но, боже мой, такие прожженные византийцы, а совершили столь глупую ошибку. Они грубо просчитались, когда поверили, что Хрущев останется всего лишь марионеткой триумvirата. Впрочем, психологически трудно было не ошибиться. Это был Хрущев, который по желанию Сталина, обливаясь потом и тяжело дыша, плясал гопака на даче в Волынском, а все дружно хлопали в ладошки и смеялись. Сам Сталин смеялся до слез. Представление скомороха. Однако надежда на то, что Хрущев столь же послушно будет плясать под дудку новых вождей, не оправдалась.

В этой связи особо хочу сказать об июньском пленуме ЦК КПСС 1957 года. И тогда, и, тем более, сегодня совершенно очевидно, что на нем решалась судьба страны. В течение года после XX съезда Хрущев уже сделал серьезные уступки ортодоксальным сталинистам в политбюро. Оправив-

шись от шока, они начали готовить реванш. Кризис внутри политбюро нарастал.

Тогда я еще учился в Академии общественных наук, но до нас, аспирантов, доходила информация — отрывочная, малыми дозами — о том, что вот-вот освободят Хрущева. Но кто будет снимать — сторонники десталинизации или ее противники, так и не прояснилось до самых последних дней пленума. Москва жила слухами. У нас, аспирантов, были другие заботы — весна, экзамены. Да и устали от политики. Совсем недавно хоронили Сталина, поплакали, хотя и не все. Потом — расстрел Берии. Одобрили. Сняли Маленкова. Снова одобрили. Потом XX съезд — опять одобрили. А теперь какая-то новая склока. Надоело.

Собрался президиум ЦК. Неприятности для Хрущева начались сразу же после того, как члены президиума расселись по своим местам. (В порядке справки: стенограмма этого заседания не велась, о деталях случившегося рассказали его участники на созванном затем пленуме ЦК.) Итак, на самом заседании большинство потребовало, чтобы его вел Николай Булганин — предсовмина.

Президиум заседал четыре дня. В итоге большинство его членов (Булганин, Ворошилов — председатель Верховного Совета, Молотов и Каганович — первые заместители предсовмина, Маленков, Первухин, Сабуров — заместители председателя предсовмина) семью голосами против четырех проголосовали за освобождение Хрущева от должности. Над страной нависла прямая угроза возвращения к сталинизму и новым репрессиям.

Положение сложилось явно критическое. И в этот момент Хрущев показал себя безусловно талантливым организатором и смелым человеком. По его указанию Иван Серов, возглавлявший КГБ, самолетами военно-транспортной авиации доставил в Москву несколько наиболее влиятельных первых секретарей из провинции — членов ЦК КПСС. Они решительно вмешались в работу президиума.

Антихрущевское ядро спасовало, испугалось. В результате с обсуждения был снят вопрос о смещении Хрущева, а также принято решение о созыве пленума.

Внеочередной пленум ЦК открылся 22 июня и продолжался семь дней. Время для выступлений не ограничивалось. В этом отношении замысел Хрущева был довольно прозрачен. Первым слово давали его явным сторонникам в расчете на то, что они создадут благодатную для него политическую атмосферу, а остальное уже не имело значения. У Хрущева, видимо, были опасения, что найдутся сторонники, может быть, личные друзья у его противников. Суслов, который вел пленум, аккуратно отрежиссировал прения. В результате противников Хрущева в зале заседаний не нашлось, номенклатура привыкла ориентироваться на того, кто силен в данный момент.

Почему я подробно рассказываю об этом пленуме? Да потому, что в основе политических расхождений был вопрос о сталинизме и его преступлениях. Сместив Хрущева, сталинисты планировали взять реванш. Так же, как сегодня, сталинисты из КПРФ, требуя смещения Ельцина, хотят решить проблему реставрации. Тактика та же.

Прения открыл маршал Жуков. Огласил документы, которые обличали Молотова, Кагановича, Маленкова в совершении преступлений. Они были названы как главные виновники политических репрессий, арестов и расстрелов партийных и советских кадров. На следующих страницах я расскажу об этом подробнее.

Жуков, спасая Хрущева, в то же время своим прямым и честным выступлением подписал себе политический приговор, обрек себя на скорую расправу, которая и не замедлила наступить уже в октябре того же года. Он не ограничился только обличением участников так называемой антипартийной группы. Жуков поставил вопрос о необходимости тщательного изучения массовых репресс-

сий и наказания всех виновных в этих преступлениях. Настаивал на том, чтобы эти преступления были переведены из политических в уголовные. Однако партийные динозавры были куда осторожнее Жукова. Пункт резолюции, в котором говорилось о персональной ответственности Маленкова, Кагановича и Молотова за массовые репрессии, был принят в секретном порядке, без публикации в печати. Предложение члена ЦК Шереметьева издать закрытым письмом документы, которые цитировались Жуковым, было отвергнуто. Боялись дальнейших разоблачений, ибо вопрос-то решали сами преступники.

Главную ответственность за геноцид, а вернее, демоцид в России и Советском Союзе несет большевизм, организационной формой которого выступали под разными названиями коммунистические организации. Эти преступления совершались под непосредственным руководством Ульянова (Ленина) и Джугашвили (Сталина), при активнейшем участии Бронштейна (Троцкого), Розенфельда (Каменева), Алфельбаума (Зиновьева), Дзержинского.

Владимир Ильич Ульянов (Ленин). Председатель первого Советского правительства после насильственного захвата власти в 1917 году. Сторонник массового террора, насилия, диктатуры пролетариата, классовой борьбы и других геноцидных античеловеческих концепций. Организатор братоубийственной гражданской войны в России, концлагерей, в том числе для детей. Постоянно требовал расстрелов, повешений, арестов. Лично виновен в гибели миллионов граждан России. По всем нормам международного права подлежит посмертному суду за преступления против человечности.

Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин). Организатор массовых репрессий, повлекших за собой миллионы невинных жертв. Автор созданной системы ГУЛАГа, послужившей тотальному уничтожению людей. Продолжил преступное дело Ленина по физическому уничтожению крестьян, интеллигенции, духовенства, всех «классово чуждых элементов», изобре-

татель сословия «врагов народа», подлежащих уничтожению вместе с семьями, прямой виновник неподготовленности страны к войне против нацистской Германии, в результате чего погибло около 30 млн. человек. Вместе с Лениным виновен в расколе народов России на враждебные лагеря, что породило постоянную гражданскую войну. Организатор демоцида русского и других народов СССР. По всем нормам международного права подлежит посмертному суду за преступления против человечности.

С конца 20-х до начала 60-х годов главными идеологами и руководителями тотального человекоубийства, кроме Ленина и Сталина, являлись Молотов, Каганович, Берия, Ворошилов, Жданов, Маленков, Микоян, Хрущев, Булганин, Андреев, Косиор, Суслов, Ягода, Ежов, Абакумов, Вышинский, Ульрих.

Вячеслав Михайлович Скрябин (Молотов). Председатель Совета народных комиссаров СССР (с 1930 по 1941 год). На его ответственности — уничтожение главным образом работников государственного аппарата. Многие из них арестованы и физически уничтожены по его личной инициативе. Из 28 человек, составляющих Совет народных комиссаров в начале 1938 года, были репрессированы 20 человек. В живых остались лишь Микоян, Ворошилов, Каганович, Андреев, Литвинов и сам Молотов. Только за полгода, с октября 1936 года по март 1937 года, было арестовано около двух тысяч работников наркоматов СССР (без учета наркоматов обороны, внутренних и иностранных дел). Сталин постоянно подстегивал его. В одном из писем Сталин рекомендовал ему «основательно прочистить аппарат» Наркомфина и Госбанка, для чего «обязательно расстрелять десятка два-три вредителей из этих аппаратов, в том числе десятка кассиров всякого рода...». Были случаи, когда вместо предложенных НКВД санкций на тюремное заключение Молотов ставил рядом с некоторыми фамилиями отметки «ВМН», что означало высшую меру наказания. Одной этой поправки было достаточно для расстрела.

В 1949 году Молотов санкционировал аресты по сфальсифицированным делам советских и иностранных граждан, обвинявшихся в шпионаже и антисоветской деятельности.

Лазарь Моисеевич Каганович. Весь его путь политика связан с репрессиями. Известны последствия его деятельности в годы коллективизации на Украине, в Воронежской области, на Северном Кавказе, в Западной Сибири. Особенно зловещую роль сыграл Каганович во время массовых репрессий 1935—1939 годов. Еще в 1933 году на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Каганович гневался: «Мы мало расстреливаем». С санкции Кагановича арестованы тысячи и тысячи работников железнодорожного транспорта и тяжелой промышленности, которых затем приговорили к высшей мере наказания и длительным срокам тюремного заключения. Списки и дела «врагов народа» из работников железнодорожного транспорта в 1937—1939 годах, санкции на арест которых подписаны лично Кагановичем, составляют 5 томов. Для подхлестывания массовых репрессий Каганович выезжал в Челябинскую, Ярославскую, Ивановскую области, Донбасс.

Андрей Александрович Жданов. Длительное время фактически выполнял обязанности второго секретаря ЦК ВКП(б), несет прямую ответственность за массовые репрессии. В сентябре 1936 года в телеграмме с юга он вместе со Сталиным требовал усиления репрессий. По их предложению НКВД возглавил Ежов. По инициативе Жданова еще до войны в Ленинграде было репрессировано более 68 тысяч человек. Для проведения и расширения массовых репрессий Жданов выезжал в Башкирскую, Татарскую и Оренбургскую партийные организации. В Оренбургской области за 6 месяцев (с апреля по сентябрь 1937 года) репрессировали 3655 человек, из них половину приговорили к высшей мере наказания. И тем не менее Жданов, прибыв в начале сентября 1937 года в Оренбург, нашел эти репрессии недостаточными, были репрессированы еще 598 человек. После «чистки», осуществленной Ждановым в Татарской парторганизации, были дополнительно арестованы 232 человека, в Башкирии — 342 человека. Почти все расстреляны.

Активную роль сыграл Жданов в расправе над руководством ЦК комсомола в 1938 году. Выступая от имени политбюро, он охарактеризовал секретарей ЦК комсомола как «предателей Родины, террористов, шпионов, фашистов, политически прогнивших насквозь врагов народа, проводивших вражескую линию в комсомоле», как «контрреволюционную банду».

Идеологические погромы литературы, кино, театрального и музыкального искусств в 1946—1948 годах целиком лежат на совести Жданова. Он был одним из организаторов августовской (1948 год) сессии ВАСХНИЛ (Всесоюзной сельскохозяйственной академии). В докладной записке на имя Сталина от 10 июля 1948 года он сформулировал предложения, которые положили начало травле большой группы ученых-биологов.

Климент Ефремович Ворошилов. С его санкции организовано уничтожение высших военачальников и политических работников Красной Армии. В 30-е годы были уничтожены из 5 маршалов — 3, из 16 командующих армиями — 15, из 67 командиров корпусов — 60, из 199 командиров дивизий — 136, из 4 флагманов флота — 4, из 6 флагманов первого ранга — 6, из 15 флагманов второго ранга — 9. Расстреляны все 17 армейских комиссаров первого и второго ранга, а также 25 из 29 корпусных комиссаров. В бытность Ворошилова наркомом обороны в Красной Армии только за 1936—1940 годы репрессированы свыше 36 тысяч человек среднего и высшего командного состава. В архиве ФСБ выявлено более 300 санкций Ворошилова на арест видных армейских военачальников. Фактически перед Второй мировой войной вооруженные силы страны были обезглавлены.

Никита Сергеевич Хрущев. Имеются документальные материалы, свидетельствующие об организации Хрущевым массовых репрессий в Москве, Московской области и на Украине в предвоенные годы. Он, в частности, сам направлял документы с предложениями об арестах руководящих работников Моссовета, Московского обкома партии. Всего за 1936—1937 годы в Москве были репрессированы 55 тысяч 741 человек. С января 1938 года возглавлял партийную организацию Украины. В том же году на Украине были арестованы более 106 тысяч человек, в следующем — 12 тысяч, в 1940 году — 50 тысяч человек.

Анастас Иванович Микоян. С его санкции арестованы сотни работников народных комиссариатов пищевой промышленности и внешней торговли. Микоян не только давал санкции на арест, но и сам выступал их инициатором. Так, в письме на имя Ежова от 15 июля 1937 года он предлагал осуществить реп-

рессии в отношении работников Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии. Аналогичные представления делались и в отношении работников Внешторга. Осенью 1937 года Микоян выезжал в Армению для проведения «чистки» партийных и государственных органов республики от «врагов народа». В результате погибли тысячи людей. Микоян вместе с Ежовым был докладчиком на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года по делу Бухарина.

Георгий Максимилианович Маленков имел непосредственное отношение к большинству акций, которые предпринимались НКВД в отношении руководящих работников в центре и на местах. Он неоднократно выезжал на места для осуществления массовых репрессий. Так, Маленков вместе с Ежовым съездил в 1937 году в Белоруссию, где было учинено настоящее побоище. С той же целью он посетил Тульскую, Ярославскую, Саратовскую, Омскую, Тамбовскую области, Татарию. Было немало случаев, когда Маленков лично присутствовал на допросах и пытках арестованных. Именно таким путем он вместе с Берией сфабриковал дело о «контрреволюционной организации» в Армении. Установлена преступная роль Маленкова в фабрикации так называемого ленинградского дела.

Андрей Андреевич Андреев, будучи членом политбюро и секретарем ЦК ВКП(б), лично участвовал в организации репрессий в республиканских партийных организациях Средней Азии, в частности Узбекистане и Таджикистане, а также в Поволжье и на Северном Кавказе. По результатам его поездок Сталиным, Молотовым и другими был санкционирован расстрел 430 руководящих работников Саратовской области, 440 — Узбекистана, 344 — Таджикистана.

Михаил Андреевич Суслов. Участник массовых репрессий в бытность свою секретарем Ростовского обкома партии. Став первым секретарем Орджоникидзевого крайкома партии, он не только резко возражал против освобождения ряда невинно осужденных лиц, но и настаивал на новых арестах. Комиссия НКВД в июле 1939 года докладывала Берии, что Суслов недоволен работой краевого управления НКВД, так как оно прояв-

ляет «благодарные». Сулов сам перечислил людей, которых, по его мнению, необходимо арестовать, что и было сделано. Как председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Литве он несет прямую ответственность за депортацию тысяч людей из Прибалтики. Он был организатором преследований и травли многих видных представителей советской творческой и научной интеллигенции, расправы над Еврейским антифашистским комитетом.

Отдельно следует сказать о **Михаиле Ивановиче Калинин**, человеке жалком и безвольным. Будучи председателем ЦИК СССР, подписал подготовленное Сталиным и Енукидзе постановление «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» от 1 декабря 1934 года. Теперь стало возможным рассматривать дела без участия сторон, без права подачи ходатайств о помиловании. Были предусмотрены приговоры к высшей мере наказания по той же процедуре. Возглавляя с 1931 по 1946 год Комиссию ЦИК по расследованию и разрешению судебных дел с точки зрения возможного изменения приговора, Калинин потворствовал практике беззакония и массового террора, ни одно прошение о помиловании удовлетворено не было. Как и Молотов, он рабски смирился с тем, что его жена была посажена в тюрьму по сфабрикованному политическому обвинению.

Таковы были наши вожди. Все они подлежат суду за содеянные преступления против человечности.

Полагаю необходимым сказать еще об одном обстоятельстве. В сознании какой-то части людей еще гнездится миф, что массовые репрессии — дело рук только Сталина и его подручных. При жизни Ленина их не было, говорят одни. Или они носили случайный, вынужденный характер, утверждают другие.

Увы, подобные утверждения не отвечают фактам. На самом-то деле Сталин в своей карательной практике не придумал ничего такого, чего не было бы при Ленине: расстрелы, заложники, концлагеря и все остальное.

Уже в январе 1918 года, всего через два месяца после контрреволюционного переворота, Ленин написал в весьма поощрительном тоне: «В одном ме-

сте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — народ, до их исправления, надзирает над ними, как за *вредными* людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти (выделено мною. — А.Я.), виновных в тунеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств».

Роковая формула — «один из десяти». Потом она полюбилась и Гитлеру, когда эсэсовцы расстреливали заложников — мирных советских граждан. Почерк, увы, одинаков. Много похожего в действиях нелюдей.

После убийства 21 июня 1918 года Володарского (председателя Петроградской ЧК) Ленин пишет Зиновьеву: «Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не лично Вы, а питерские цекисты или пекисты) удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя... *тормозим* революционную инициативу масс, вполне правильную. Это не-воз-мож-но! Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное. *Надо поощрять энергию и массовидность террора* против контрреволюционеров, особенно в Питере, пример коего *решает*» (выделено мною. — А.Я.).

Призыв Ленина поощрять «массовидность террора» действительно вылился в массовую практику. В ответ на убийство Урицкого (тоже председателя Петроградской ЧК) было расстреляно 500 заложников. 9 августа 1918 года Ленин посылает две телеграммы — одна чудовищнее другой:

Федорову — в Нижний. «Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов (Вас, Маркина и др.), *навести тотчас массовый террор* (выделено мною. — А.Я.), расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п. Ни минуты промедления... Надо действовать вовсю: массо-

вые обыски. Расстрелы за хранение оружия. Массовый вывоз меньшевиков и ненадежных».

В тот же день Бошу — в Пензу. «Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, *провести беспощадный массовый террор* (выделено мною. — А.Я.) против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города».

На другой день — в ту же Пензу. «Товарищам Кураеву, Бош, Минкину и др. пензенским коммунистам. Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к *беспощадному* подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь везде «последний решительный бой» с кулачем. Образец надо иметь.

1. Повесить (неприменно повесить, дабы *народ видел*) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.

2. Опубликовать их имена.

3. Отнять у них *весь* хлеб.

4. Назначить заложников — согласно вчерашней телеграммы. Сделать так, чтобы на сотни верст народ видел, трепетал...

Телеграфируйте получение и *исполнение* (выделено мною. — А.Я.).

Ваш Ленин.

P. S. Найдите людей потверже».

Самое трагическое и самое гнусное в нашей человеческой истории заключается в том, что «людей потверже» находилось великое множество.

А вот еще инструкции вождя. Ливны — исполкому. «Необходимо... конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, *повесить* (выделено мною. — А.Я.) зачинщиков из кулаков, мобилизовать и вооружить бедноту при надежных вождях из нашего отряда, арестовать заложников из богачей и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны в их волости все излишки хлеба».

«...Покончить с Юденичем (именно покончить —

добить) нам дьявольски важно. Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади их пулеметы, *расстрелять несколько сот* и добиться настоящего массового напора на Юденича» (выделено мною. — А.Я.).

И дело тут не только в Ленине, хотя его личная роль в убийстве миллионов граждан России, особенно в гражданскую войну, очевидна. Суть в системе, которую он начал создавать. В системе, основанной на идеологии насилия.

Когда в лютую стужу января 1924 года рабочие заступами и ломami рыли котлован под Мавзолей для Ленина, то пробили канализационную трубу. Пробойна замерзла. Весной же Мавзолей залило нечистотами. Узнав об этом, Патриарх Тихон сказал: «По мощам и елей!» Патриарх знал, что говорил.

Человекоистребление — самое древнее греховное ремесло. XX век сотворил неокаинизм. Демоцид. Истребление народа и народов. Создал целую отрасль индустрии — демоцидную, конвейерно-безостановочную, человекоистребляющую. В Освенциме — за принадлежность «к неполноценным расам». В тюрьмах и лагерях ГУЛАГа — «за классовую неполноценность».

Две стороны одной и той же медали неокаинизма: счет пошел на нации, на классы. Будь ты самим Эйнштейном, но поскольку еврей — в газовую камеру. Будь ты Вавиловым или Гумилевым — «кара за ум». Долгое пыточное уморение голодом Вавилова, расстрел — для Гумилева.

Ленин, Сталин, Гитлер — тройка создателей неокаинизма. Главные преступники века. Века Каина... Погубил этот век Россию. Поменяла она свою тысячелетнюю модель развития. Была крестьянской — стала люмпенской, была православной — стала атеистической. Была устремленной вперед — стала ползущей назад. До мозга костей пропиталась трупным ядом люмпенства. Поделом презираема нормальными людьми. За что уважать? За лень, за

пьянку, зависть к достатку соседа, за халявоманию? Вот уж действительно, на все способен русский народ. Пушкина и Гоголя, Циолковского и Вернадского родить может. На все способен, но особенно на пьянство и пьяное пиршество лени. Нищенствует, а потеть не желает. Деньги на земле лежат, истоптаны, а нагнуться, чтобы их поднять — лень не позволяет. Тем же, кто не ленится, житья на Руси нет. То революции, то грабежи правителей.

Только на покаяние не хватает ни мужества, ни совести, ни времени.

Пропала православная Русь. Сгинула. Быдло люмпенское все поломало, храмы поизничтожило. Сгнило все во лжи. Помутился разум, очерствела душа. Ложь дьявольская правила и правит вместо правды, ибо правда, по мнению люмпена, физически увечит людей — колет глаза и режет уши. Вредна правда человеку — вот и живет власть ложью.

Двумя революциями (1905 и февраля 1917-го) дошла Россия до конституционной монархии, а затем и до демократической республики. Октябрьская контрреволюция отбросила страну к отсталости, затем сталинскими коллективизациями-индустриализациями — еще дальше, в средневековую инквизицию.

Сталин, другие большевики лгали, что Россия Толстого и Столыпина отстала от Запада на сто лет. Она выравнивалась. Не Россия отстала, большевики ей ноги перебили, мозги вышибли, назад завернули. Тотальной инквизицией, когда по разряду ведьм пошел весь цвет нации — дворянство, купечество, офицерство, профессура и прочие, а если употребить слова Ленина, то «интеллигентское говно». Семидесятилетний шабаш уголовников и фанатиков. Концлагерь с надписью «социализм».

Забыли? Да, забыли жизнь в «стране радости»: купил бутылку водки — радость, кусок колбасы — еще радостней, а по поводу покупки женских сапог или холодильника — бурные пьяные застолья. Забыли, что без очередей за тухлым мясом и гнилой

картошкой жить не могли. Равно как и без родных стукачей и разоблачительных дебатов на парткомах-профкомах относительно того, с чьей женой кто и как... Маршалу Жукову и режиссеру Товстоногову «слушачей» и в спальнях наставили. Любознательные были власти, жадные до знаний.

Реформация в СССР и России оказалась тяжелейшим процессом — и политически, и экономически, и особенно психологически. Пытаясь реформировать страну, мы, в том числе и я, многое недооценили, прежде всего психологическое состояние общества, оказавшееся более инертным, равнодушным и иждивенческим, чем представлялось. Многие люди до сих пор все свои надежды связывают с кумирами и грезят о рабстве и «людях потверже». Вот она, «загадочность» русской души. А на самом-то деле всего-навсего рабская психология.

Конечно, не все так просто в жизни. Десятки миллионов людей прожили в этой системе всю свою жизнь: учились, работали, воспитывали детей, страдали и радовались. Им трудно примириться с мыслью, что жизнь пролетела как бы напрасно, зазря. Но это удел всех уходящих поколений. Когда жизнь уходит, на душе становится особенно тоскливо.

Молодость в нашей памяти всегда прекрасна — до слез и щемящей боли в сердце. Все кругом замечательно, солнечно, полно любви и надежд.

Уходящее поколение можно и нужно понять. Оно не хочет расставаться с прошлым. Особенно ненавистна мысль, что вместо надежд на спокойную старость приходится задумываться над тем, где же взять средства на похороны.

Все случившееся после октября 1917 года — немыслимая драма страны и ее народов, каждого человека. Бесконечная череда страданий одних и преступлений других.

И все же тоталитарный режим — еще далеко не вся жизнь, большевизм был только частью жизни, хотя частью предельно гнусной. Но время требует честного ответа на самый главный вопрос: как могло

случиться, что по прихоти небольшой группы стоявших у власти преступников миллионы ни в чем не повинных людей были уничтожены, а еще миллионы — обречены на беспредельные мучения, оказавшись изгоями общества, жертвами бесчеловечной государственной машины?

Конечно, сыграло свою роль то, что народ России, измученный тысячелетней нищетой, бесконечными унижениями, был одурманен и сбит с толку обещаниями скорого земного рая, оказался глухим к собственным сомнениям, поверил в ложь — ему всего важнее было достичь лучшей жизни во что бы то ни стало. На этом и сыграла марксистско-ленинская люмпенская идеология, сыграла беспредельно подло.

Да и сегодня она не исчезла. Разве прекратилось добровольное доносительство, которое, правда, осуществляется теперь не только через «письма трудящихся», но открыто — через телевидение, газеты и митинговые трибуны, через разного рода компроматы? Разве меньше воруют, дают и берут взятки? Разве меньше лгут и лицемерят? Разве не звучат призывы к расправам, суду и преданию смерти тех, кто поднял руку на большевизм? Разве не в нашей стране выходит более сотни откровенно фашистских газет? Разве не мы расклеиваем на заборах антисемитские листовки? Разве не у нас многие судьи и прокуроры, верно служившие большевистскому бесправию, активно помогают ползучей Реставрации, оправдывая в судах антиконституционную деятельность нацистов?

Практика массовых репрессий нанесла неисчислимый урон всем народам России, обескровила общество, обусловила его нравственный надлом. За 70 лет большевизма менялись формы репрессий, но причины и суть произвола оставались неизменными. Режим, лидеры господствующей верхушки шли на любые преступления против человечности во имя укрепления моновласти, моноидеологии и монособственности, во имя создания послушного стада, но с психологией «людей на баррикадах».

И сегодня большевики (нынешние коммунисты, национал-патриоты и прочие русофобствующие, антипатриотические группы) еще способны превратить демократическое развитие страны и снова бросить ее в яму с нечистотами. Лично я убежден: только последовательная дебольшевизация государства и общества спасет наш народ от окончательной гибели — физической и духовной.

Подходит к концу XX век. Для России — самый страшный, самый кровавый, исполненный ненависти и нетерпимости. Кажется, пора бы одуматься и покаяться, попросить прощения у еще оставшихся в живых лагерников, преклонить колена перед могилами миллионов расстрелянных, умерших от голода и понять наконец, что все мы жили в преступном государстве, помогая ему поработать нас — всех вместе и каждого в отдельности.

В основном на прозрении 1956 года и пришла в 1985 году перестройка — эпоха Реформации, с опозданием, но пришла. Наверное, всем нам, свидетелям этого перелома, придется, пока живы, не один раз возвращаться к запутанному лабиринту общественной и собственной жизни, анализировать случившееся, гордиться содеянным и каяться в грехах и ошибках.

Гулаговский крестосев... Безграничный пространством, хотя и недавний по времени. Самое большое кладбище — и на планете, и в истории. Неухоженное, запущенное, замусоренное доносками, загаженное радиоактивными и химическими отбросами, постоянно оскверняемое беспамятствующими недоумками с портретами Ленина и Сталина. Кладбище человеческих надежд. Вечная печать позора на нашей горемычной земле.

СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫЕ ДЕТИ

Именем детей судит сегодня История злодеяния большевизма. Преступлениям против детства не может быть прощения. Не может быть прощения тому, о чем гласит оперативный приказ Ежова № 00486 от 15 августа 1937 года. Вот несколько его разделов. Привожу в первоизданном виде, стилистика идет от первоисточника. Итак:

«Подготовка операции. Она начинается с тщательной проверки каждой семьи, намеченной к репрессированию. Собираются дополнительные компрометирующие материалы. Затем на их основании составляются:

- а) общая справка на семью;
- б) отдельная краткая справка на социально-опасных и способных к антисоветским действиям детей старше 15-летнего возраста;
- в) именные списки детей до 15 лет отдельно дошкольного и школьного возраста.

Справки рассматриваются наркомками внутренних дел республик и начальниками управлений НКВД краев и областей.

Последние:

- а) дают санкции на арест и обыск жен изменников родины;

б) определяют мероприятия в отношении детей арестуемой.

Производство арестов и обысков. Аресту подлежат жены, состоящие в юридическом или фактическом браке с осужденным в момент его ареста.

Аресту подлежат также и жены, хотя и состоявшие с осужденным к моменту его ареста в разводе, но причастные к контрреволюционной деятельности осужденного, укрывавшие его, знавшие о контрреволюционной деятельности, но не сообщившие об этом органам власти.

После производства ареста и обыска арестованные жены осужденных конвоируются в тюрьму. Одновременно, порядком указанным ниже, вывозятся дети.

Порядок оформления дел. На каждую арестованную и на каждого социально опасного ребенка старше 15-летнего возраста заводится следственное дело. Они направляются на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР.

Рассмотрение дел и меры наказания. Особое совещание рассматривает дела на жен изменников родины и тех их детей, старше 15-летнего возраста, которые являются социально опасными и способными к совершению антисоветских действий.

Социально опасные дети осужденных, в зависимости от их возраста, степени опасности и возможности исправления, подлежат заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД, или выдворению в детские дома особого режима Наркомпросов республик.

Порядок приведения приговоров в исполнение. Осужденные социально опасные дети направляются в лагеря, исправительно-трудовые колонии НКВД или в дома особого режима Наркомпросов республик по персональным нарядам ГУЛАГа НКВД для первой и второй групп и АХУ НКВД СССР — для третьей группы.

Размещение детей осужденных. Всех оставшихся после осуждения детей-сирот размещать:

а) детей в возрасте от 1—1,5 лет до 3-х полных лет в детских домах и яслях Наркомздравов республик в пунктах жительства осужденных;

б) детей в возрасте от 3-х полных лет и до 15 лет — в детских домах Наркомпросов других республик, краев и областей (согласно установленной дислокации) и вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Минска, приморских и пограничных городов.

В отношении детей старше 15 лет вопрос решать индивидуально.

Грудные дети направляются вместе с их осужденными матерями в лагеря, откуда по достижению возраста 1—1,5 лет передаются в детские дома и ясли Наркомздравов республик.

В том случае, если сирот пожелают взять родственники (не репресслируемые) на свое полное иждивение, — этому не препятствовать.

Подготовка к приему и распределению детей. В каждом городе, в котором производится операция, специально оборудуются:

а) приемно-распределительные пункты, в которые будут доставляться дети тотчас же после ареста их матерей и откуда дети будут направляться затем по детским домам.

Начальники органов НКВД, пунктов, где расположены детские дома Наркомпросов, совместно с заведывающими (так в тексте. — А.Я.) или представителями ОБЛОНО производят проверку персонала домов и лиц, политически неустойчивых, антисоветски настроенных и разложившихся — увольняют. Взамен уволенного персонала домов доукомплектовывается проверенным, политически надежным составом, могущим вести учебно-воспитательную работу с прибывающими к ним детьми.

Порядок отправки детей в детские дома. Детей на приемно-распределительном пункте принимает заведывающий (так в тексте. — А.Я.) или начальник детского приемника и специально выделенный спецработник (работница) УГБ.

Каждый принятый ребенок записывается в специальную книгу, а документы его запечатываются в отдельный конверт.

Затем дети группируются по местам назначения и в сопровождении специально подобранных работников отправляются группами по детским домам Наркомпросов, где и сдаются вместе с их документами заведующему под личную расписку.

Дети до трех лет сдаются лично заведывающим (так в тексте. — А.Я.) детскими домами или яслями Наркомздравов под их личную расписку. Вместе с ребенком сдается и его свидетельство о рождении.

Наблюдение за детьми осужденных. Наблюдение за политическими настроениями детей осужденных, за их учебой и воспитательной жизнью возлагается на наркомов внутренних дел республик, начальников управлений НКВД краев и областей»¹.

В очередной раз я перечитываю эти ежово-сталинские строки и каждый раз впадаю в растерянность и сомнение: уж не фальсификация ли, не подделка ли все это? Не могут же эти вурдалаковы песни сочинять правители государства, у которых тоже были дети. Одно из двух — или они, кровью пишущие, безумны, или я, читатель, сошел с ума.

Увы, все это было, и совсем не так уж давно. Вот почему вызывают гнев люди, вышагивающие марши на нашей земле и заявляющие, что Сталин «недогнул», а потому и не завершил свою очистительную миссию. А ведь и верно — уничтожил всего 60—70 миллионов. Всех не успел. Отправился в ад, перед дьяволом отчитаться.

Не приведи Господь пережить нашим внукам и правнукам то, что пережили дети, за которыми коммунистический режим закрепил политический ярлык: «дети врагов народа». В официальных документах для них существовала специальная аббревиатура — ЧСИР, что означало «член семьи измен-

¹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., «Республика», 1993, с.86—93.

ника Родины». Это был изнуряющий крест, который детям предстояло нести всю свою жизнь.

Дети всегда дети. Они всегда нуждаются в заботе взрослых. Понятно, что большевистские «тройки», «особые совещания» формально судили родителей, а не детей. Взрослых родителей, а не беспомощных малолеток приговаривали к расстрелам, отправляли в тюремные лагеря, в ссылки, на спецпоселения. Но трагедия родителей и детей неразделима. На всех вокзалах и полустанках их жизни, на всем пути страданий, унижений и оскорблений им, детям, приходилось труднее всего. Ленинско-сталинская машина политических репрессий вырвала с корнем из светлого мира семьи миллионы детских душ, оставила их один на один с карателями, лишила всего — отчего крова, а нередко и своих имен и фамилий, поскольку малыши, передаваемые органами НКВД в детские дома, своих имен запомнить не могли, отняли будущее. Об этом страшно думать. Еще невыносимее поверить, что все это было на самом деле.

Сегодня многие из лагерных детей уже в преклонном возрасте. Они уже ветераны, пенсионеры. Их родители не дожили до перемен, которыми живет демократическая Россия. И недалеко то время, когда бывшие «сталинские сироты» останутся единственными живыми свидетелями трагических событий и преступлений фашистского режима. А потом и они уйдут.

В Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте России, которую я возглавляю, немало писем от бывших маленьких узников. Они пишут, что и по сей день им снятся по ночам кошмары ГУЛАГа, что и по сей день они ищут своих родителей. Они живут и помнят. Воспоминания — их пожизненный крест.

«Мне было пять лет, когда в 1930 году наша семья была раскулачена, — пишет Виктор Иванович Панков из Тюменской области. — Наша семья состояла из 7 человек. Мы были высланы в Тобольск. Потом нас

определили во вновь организованный за болотами поселок Советский, что в 70 км западнее Тобольска. Жили в бараках. Очень много раскулаченных, особенно детей и стариков, умерло от голода и холода. Мы не видели детства и юности, голодали, ели мох и липовый лист, ходили в лаптях и в домотканой одежде»¹.

Отношение к детям — лакмусовая бумажка для любой власти, в какие бы цветастые наряды эта власть ни рядилась. Да, был в Советском Союзе солнечный Артек, которому отводилась роль визитной карточки счастливого детства, были пионерские лагеря и пионерские маршруты, куда выезжали по дешевым, со скидкой, путевкам, но были и лагеря гулаговские, и маршруты ссыльных переселенцев, и путевки из ведомства Ягоды—Ежова—Берия.

Репрессии в отношении детей — верх человеческого падения большевистского фашизма. Нет большей подлости, когда власть воюет с детишками всей мощью карательного аппарата.

Большевики создали особую и целостную систему «опального детства». Она включала в себя указания политбюро ЦК, лично Ленина и Сталина, законодательные акты высших органов государства, циркуляры и приказы НКВД о правилах размещения и содержания детей «изменников родины», о постоянном наблюдении за их поведением. Эта система имела в своем распоряжении мобильные приемо-распределительные пункты, специальные детские дома и ясли, детские лагеря и колонии. Дети должны были забыть, кто они, откуда родом, кто и где их родители.

Сталин элементарно лицемерил, говоря, что сын за отца не ответчик. Эта ложь началась не в 1937-м, а сразу же после прихода большевиков к власти. Если обратиться к самым первым именам и фамилиям в детском расстрельном реестре, то начинать надо с царской семьи, с расстрела в ночь

¹ Письмо находится на хранении в архиве Управления Президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан.

с 16 на 17 июля 1918 года царя Николая II и его семьи в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. Как известно, вместе с царем были расстреляны царица Александра Федоровна, а также их дети — Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и царевич Алексей, которому еще не исполнилось и 14 лет.

Расстрел царя и его детей одобрило правительство Ленина. Потом оно одобрит еще миллионы расстрелов. Узнав от Свердлова о расстреле царской семьи, Троцкий спросил: «Кто решал?» Свердлов ответил: «Мы здесь решили. Ильич считал, что нельзя оставлять им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях»¹.

За детьми Николая II (жуткое возмездие судьбы!) последовали в разные годы дети тех, о ком Свердлов сказал: «Мы тут решили». Были расстреляны два сына М.Рютина, сын Г.Зиновьева, два сына Л.Каменева, убиты сыновья Л.Троцкого, бесследно исчезли два сына Ю.Пятакова. Отцы расстрелянных были подельниками Ленина и Сталина по преступлениям и пожинали то, что посеяли.

Посевы были зловещими: это массовый террор; концлагеря; заложничество, когда расстреливали матерей, жен и детей за то, что их отцы, сыновья и мужья отказывались сотрудничать с властью авантюристов. Число заложников измеряется тысячами. Уже в 1918 году по постановлению Петроградской ЧК было расстреляно 500 заложников². В следующем году опять же в Петрограде расстреляли родственников офицеров 86-го пехотного полка, перешедшего к белым, в том числе и детей. В мае 1920 года газеты сообщили о расстреле в Елисаветграде четырех девочек 3—7 лет и старухи матери одного из офицеров, который тоже отказался служить пролетарской власти. «Городом мертвых» называли в 1920 году Архангельск, где чекисты расстреливали детей 12—16 лет.

¹ Троцкий Л. Дневники и письма. Нью-Йорк, 1986, с.101.

² Еженедельник ЧК. М., 1918, №1, с.11.

Практика шантажа через детей-заложников активно использовалась большевиками в борьбе против крестьян, пытавшихся оказать сопротивление аграрно-крестьянской политике режима в 1918—1922 годах. С осени 1918 года началось создание концентрационных лагерей, большинство узников которых на первых порах составляли члены семей «бунтовщиков», взятые в качестве заложников, включая женщин с грудными детьми.

В протоколе заседания комиссии по делам о содержании детей-заложников в концлагерях Тамбовской губернии от 27 июня 1921 года отмечался большой наплыв «в концентрационно-полевые лагеря» малолетних, начиная с грудных детей, а также говорилось о непригодности этих лагерей к длительному содержанию детей, последствием чего явились заболевания желудочного и простудного характера. Комиссией предлагалось детей-заложников до 15-летнего возраста включительно содержать отдельно от взрослых в особых помещениях, по возможности в черте лагеря. В крайних случаях, с согласия местных органов особого отдела, дети могут содержаться в прилегающих к лагерю строениях, «обязательно охраняемых стражей»¹. Документы свидетельствуют, что в той же Тамбовской губернии даже после проведенной кампании по «разгрузке» концлагерей в июле 1921 года там все еще находилось свыше 450 детей-заложников в возрасте от 1 до 10 лет².

Достаточно точен в оценке кровавого «изобретения» большевиков, то есть детского заложничества, известный теоретик анархизма князь Кропоткин. В декабре 1920 года он в письме Ленину отмечал, что приказы большевистских вожakov брать заложников, равно как и массовые расстрелы, — все это недостойно людей, взявшихся созидать будущее об-

¹ ГАРФ, ф.8415, оп.1, д.114. л.62.

² Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. («антоновщина»). Документы и материалы. Тамбов, 1994, с.246.

щество. Князь считал, что его голос будет услышан. Но Ленин начертал резолюцию: «В архив...»

Обращался к властям по поводу заложничества Патриарх Московский и всея Руси Тихон. Он предостерегал: «Мы содрогаемся, что возможны такие явления, когда при военных действиях один лагерь защищает свои ряды заложниками из жен и детей противного лагеря. Мы содрогаемся варварству нашего времени...»

По оценкам специалистов, общее число раскулаченных крестьянских хозяйств по всей стране в 30—40-е годы достигло почти 7 миллионов. С учетом того, что крестьянские семьи состояли в среднем из 5—7 человек, среди которых половина были дети, можно представить масштабы преступлений режима против детей. Основная масса крестьянских семей в полном составе выселялась в отдаленные районы страны на спецпоселение или трудпоселение (иначе это называлось «кулацкой ссылкой» или «трудссылкой»).

Миллионы людей везли и гнали на север и восток, как скот. В письме М. Калинин у о высылке семей из Украины и Курска говорилось следующее: *«...Отправляли их в ужасные морозы — грудных детей, беременных женщин, которые ехали в телячьих вагонах друг на друге, и тут же женщины рожали своих детей (это ли не издевательство); потом выкидывали их из вагонов, как собак, а затем разместили в церквях и грязных, холодных сараях, во вшах, холоде и голоде, и здесь находятся тысячи, брошенных на произвол судьбы, как собаки, на которых никто не хочет обращать внимания...»*

Оказываясь в гиблых местах, непригодных для жизни, спецпереселенцы были обречены на вымирание. Дело доходило до того, что наиболее ретивые начальники заранее готовили гробы для переселенцев и ставили их на виду у тех, для кого они предназначались.

Сохранился документ, рассказывающий о том, как жили люди в Алданском районе, в спецпоселке

«Бушуйка» в 1930—1931 годах. Документ был представлен в комиссию по спецпереселенцам, созданную по решению политбюро в 1931 году для руководства работой «по выселению и расселению кулаков». В комиссию входили Андреев, Ягода, Постышев. В нем говорилось: в поселке насчитывается 3306 человек, из них — 1415 детей в возрасте до 14 лет. На почве скверного питания в «Бушуйке» в течение восьми месяцев умерло 184 малыша в возрасте до 5 лет. Поселок перенес эпидемию сыпного и брюшного тифа. Наибольшие месяцы смертности, скупое констатирует докладная записка, это — июнь и июль (81 и 99 человек). Никакой помощи во время эпидемии поселок не получал. Так называемый детдом, в котором жило изолированно от родителей большинство детей, также представлял собой барак с двойными нарами.

В местах ссылок от болезней, голода и каторжного труда люди умирали многими тысячами. Особенно велика была детская смертность. В докладной записке Г. Ягоды от 26 октября 1931 года председателю ЦКК ВКП(б) Я. Рудзутаку отмечалось, что заболеваемость и смертность среди переселенцев велики. Месячная смертность равна 1,3% — в Северном Казахстане и 0,8% — в Нарымском крае. В числе умерших особенно много детей младших групп. Так, в возрасте до 3-х лет умирает в месяц 8—12% этой группы, а в Магнитогорске еще более — до 15% в месяц. Обычным явлением в «кулацкой ссылке» была детская беспризорность. Только в трудпоселках «Западлеса» в конце 1934 года было установлено 2850 детей-беспризорников, родители которых умерли или бежали.

Приведу еще несколько леденящих душу писем о трагической судьбе малолетних «членов крестьянских дворов», ставших жертвами режима. Вот что пишет Мария Базих:

«В 1931 г. 12 апреля арестовали моего мужа... 14 мая меня выслали... Ничего не дали с собою. Голых и босых, голодных, с детьми малыми. Отправили в

Нарым 6 ребятишек и беременная сама 8 месяцев. На север, Нарымский край, Нововосюганский район, по Восюгану на баржах. Выгрузили в болото, не было никакой постройки. Там дети и люди гибли как мухи от голода и холода. Там и мои дети погибли. За что, а кто даст на этот вопрос ответ...»¹.

О судьбе своей семьи пишет Анастасия Лавровская:

«Нашу семью 9 человек (старшая сестра вышла замуж и в ссылку не попала) сослали... Жили в спецпоселках Копанка, после в Косолманке. За период с 1931 по 1934 год фактически семьи не стало, отец умер в 1931 году, потом пять моих сестер и братьев. Меня в 1933 году от больной мамы увезли в детдом города Верхонутье. Вся семья погибла от голода. Эта участь ждала и меня, если бы не увезли в д/дом. Я до сих пор не могу понять за что, за какие грехи погибли мои родные, только за то, что имели свое хозяйство, сами себя могли кормить? Это же так дико, несправедливо»².

Столь же трагичны судьбы детей из репрессированных крестьянских семей, «раскулаченных по третьей категории», но не лишившихся своего имущества. Рассказывает один из семьи Андохиных, репрессированной в 30-е годы:

«... В феврале 1932 года наших родителей... и всю нашу семью раскулачили — исключили из с/х коммуны, лишили избирательных прав, выгнали из дома, лишили всех средств к существованию.

Нас куда-то не ссылали, хотя отец много раз просил начальство выслать нас, как всех кулаков в места спецпоселения. Там будет предоставлено право работать, зарабатывать, а стало быть, как-то жить. Но повторяем, нашу семью куда-то не выслали.

Видимо, была и такая форма классовой борьбы, как оставление жертвы в местах постоянного проживания на каждодневное глумление, травлю и террор местных жителей и начальства...

¹ Письмо находится на хранении в архиве Управления Президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан.

² Там же.

Семье, огромной семье негде было жить, нечего было есть, никуда ни на какую работу не брали... Промучились до весны, по теплу вырыли на подворье яму, и в этой яме жила вся семья.

Уже весной 1932 г. нам был преподнесен план посева зерновых. Разумеется, тот, кто преподносил этот план, хорошо знал, что выполнен он не будет, и не потому, что мы не захотели его выполнять, а потому, что нет тягла, нет плуга, нет семян.

Осенью за невыполнение плана поставки хлеба государству отца осудили на 2,5 года заключения. А еще раньше, той же осенью, осудили на 10 лет заключения нашу мать за то, что она насобирала на поле, где пасся скот, по разрешению бригадира 5 фунтов (так было в приговоре) колосков.

Местные активисты сознательно вели к гибели всей семьи. Мы это хорошо усвоили на примере нашей тяжелой гиблой жизни. У нас отбирали собранные малолетними детьми подаяния «ради Христа», отбирали любой инструмент, которым можно было бы хоть что-то заработать... Нас не пускали в школу, да мы туда и не стремились голодные и голые. Никто из нас после раскулачивания не окончил даже начальных классов»¹.

И таких писем сотни и тысячи.

К концу 30-х годов резко возросла детская преступность. В декабре 1934 года политбюро создает комиссию по детской беспризорности под председательством Калинина. Более подлого лицемерия придумать было невозможно, ибо виноватыми снова оказались дети. Уголовное законодательство в отношении детей в очередной раз ужесточилось.

Я полагаю, что одним из толчков к ужесточению уголовного законодательства по отношению к подросткам стало письмо наркома обороны Ворошилова от 19 марта 1935 года, направленное на имя Сталина, Молотова и председателя комиссии по детской беспризорности Калинина.

¹ Там же.

Поводом для ворошиловского «возмущения» послужил факт нападения с ножом 9-летнего подростка на сына заместителя прокурора Москвы Кобленца, о чем сообщила московская пресса. Вместе с письмом Ворошилов отправил Сталину вырезку из газеты, иллюстрирующую, по его словам, «с одной стороны, те чудовищные формы, в которые у нас в Москве выливается хулиганство подростков, а с другой — почти благодушное отношение судебных органов к этим фактам (смягчение приговоров наполовину и т. д.)». Ворошилов недоумевал: почему бы подобных мерзавцев не расстрелять?

Через некоторое время (8 апреля 1935 года), словно откликаясь на просьбу Ворошилова о расстреле «подобных мерзавцев», газеты опубликовали постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». В нем было сказано: «Несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания»¹.

В связи с этим на местах возник вопрос о применении к детям высшей меры наказания — расстрела. Раньше по отношению к детям и подросткам, не достигшим 18 лет, расстрел не применялся. Ответом стало секретное разъяснение политбюро от 20 апреля 1935 года. Оно предназначалось для органов суда и прокуратуры и подтверждало, что к числу мер уголовного наказания, предусмотренного первой статьей указанного постановления, относится также и высшая мера уголовного наказания (расстрел). То есть судьи могли приговаривать подростков к расстрелу начиная с 12-летнего возраста.

Дети так называемых врагов народа активно использовались и как способ давления на арестованных. О том, как это делалось, говорят документы, воспоминания самих детей, многих из которых уже нет в живых.

Сына командира Якира — Петю Якира — арес-

¹ СЗ СССР, 1935, №19, с. 155.

товали в 1937 году, когда ему было 14 лет. На фотографии — паренек в кепке и курточке, из-под которой видна белая рубашка, застегнутая доверху на пуговицы. Ему объявили: «Вы обвиняетесь в организации анархической конной банды, ставящей целью действовать в тылу Красной Армии во время будущей войны, а также в пропаганде анархических идей Бакунина—Карелина—Кропоткина среди учащихся школы».

Мальчишка... и конная банда в тылу Красной Армии во время будущей войны?.. Сегодня это кажется вульгарной чушью, выдумкой психически ненормальных людей, но тогда, в сталинские годы, эти бредни оборачивались трагедиями. Петю — иначе мальчишку не назовешь — не расстреляли, его отправили в астраханскую тюрьму, о чем он рассказал в своей книге «Детство в тюрьме».

В 16 лет он принял участие в голодовке сокамерников. Оказался в четверке, которую тюремщики выдернули из камеры на расправу, чтобы узнать, кто инициатор.

«Я пытался объяснить, что никаких инициаторов нет, — пишет Петр Якир, — просто в камере невыносимые условия. Меня еще раз ударили и, не добившись ответа, положили под крик начальства в соседнюю комнату:

— Сейчас после рубашки язык развяжется!

В соседней комнате на меня напялили брезентовую рубаху, длиной больше моего роста, с длинными рукавами; свалили на пол лицом вниз; рукава связали на спине, завернули руки за спину; соединили их с подолом рубашки; прицепили этот узел к веревке, которая проходила через блок, привешенный к потолку... И, пиная ногами по ребрам, начали небольшими рывками подтягивать меня вверх. Сначала я прогнулся, живот еще оставался на полу. Было безумно больно. В тот момент, когда я отрывался от пола, я терял сознание... Процедуру с подтягиванием повторили еще два раза»¹.

¹ Детство в тюрьме: Мемуары Петра Якира. Лондон, 1972. С. 84—85.

Расстрельный по отношению к детям закон заставил содрогнуться даже тех на Западе, кто, к сожалению, весьма лояльно относился к опыту так называемого социалистического строительства. В 30-е годы иллюзии у «друзей страны Советов» потихоньку начинают рассеиваться. Они никак не могли понять, почему советские руководители жестоко преследуют детей.

В Советском Союзе побывало немало западных писателей, среди них Анри Барбюс, Бернард Шоу, Лион Фейхтвангер и другие. Они хотели видеть все своими глазами. В середине лета 1935 года в СССР по приглашению Горького приехал Ромен Роллан. 28 июня он был принят в Кремле Сталиным. Состоялась беседа, которую спустя некоторое время Р.Роллан как бы продолжил в своих письмах Сталину. Одно из таких писем — от 28 декабря 1935 года. В нем писатель замечает, что среди части французской интеллигенции — профессоров, учительства, честной мелкой буржуазии (разночинства) — растет охлаждение к СССР. «Они взволнованы и растеряны оттого, что не могут добиться ответов на многие смущающие вопросы», — делится со Сталиным писатель. Среди «смущающих» вопросов на первое место в письме поставлен «закон о каре против детей с 12-летнего возраста». Ромен Роллан пишет:

«Я предвидел волнение, которое он возбудит в западных странах. Это волнение превосходит все мои ожидания. Распространяются самые ужасные слухи. Мне пришлось написать с дюжину писем различным друзьям, чтобы успокоить их. Их волнение не улеглось, и волна протестов растет. Все это на руку врагам СССР. Очень известный и, к сожалению, пользующийся уважением церковный сановник, монсеньор д'Эривильи, читает в Бельгии и во Франции, в провинции, ряд лекций, в которых он договорился до того, что, будто бы, по закону от 7 апреля с. г. двенадцатилетние дети караются смертной казнью за «религиозное упорствование»! Нужно ответить. Я не

могу сделать это словами нашей беседы: мне замыкают рот. Но, так или иначе, ответ необходим. Не раскрывая настоящих мотивов, вызвавших этот закон, нет ли способов задушить такие постыдные клеветнические слухи? И первым делом надо бы объявить, что (как Вы утверждали мне в конце июня) ни один ребенок не был к этому числу казнен!»¹

Во время беседы со Сталиным 28 июня 1935 года Р. Роллан уже поднимал вопрос о карательных мерах против детей. В частности, он говорил: «Недавно был опубликован закон о наказании малолетних преступников старше 12 лет. Текст этого закона недостаточно известен. И даже если он известен, он вызывает серьезные сомнения. Получается впечатление, что над этими детьми нависла смертная казнь!»

Сталин не стал уходить от ответа на вопрос писателя, а попытался представить свои действия как профилактическую, вынужденную меру. «Этот декрет имеет чисто педагогическое значение. Мы хотели устроить им не столько хулиганствующих детей, сколько организаторов хулиганства среди детей... В СССР имеется еще немало выбившихся из колеи бывших людей, жандармов, полицейских, царских чиновников, их детей, их родных. Эти люди не привыкли к труду, они озлоблены и представляют готовую почву для преступлений»².

Письменная же просьба французского писателя подтвердить перед мировой общественностью, что ни один ребенок, несмотря на принятый репрессивный закон, не был казнен, осталась без ответа.

Не ответил Сталин и на письмо Роллана по другому вопросу. Когда писатель узнал об аресте сопровождавшего его в 1935 году в Кремль собрата по перу, председателя правления ВОКС Александра

¹ АП РФ, ф.45, оп.1, д.795, л.126.

² Там же, л.40—41.

Аросева, он в письме к Сталину в августе 1937 года обратил его внимание на детей Аросева:

«Одному из них только 3 года. Они не имеют в Москве родственников, Аросев и его жена — оба больны сердечными болезнями. Будьте добры дать им знать, что их детьми занимаются»¹.

Детьми занимались. Занимались «педагоги» из НКВД.

Вторая половина 30-х годов справедливо названа годами «большого террора». Но было бы правильнее, на мой взгляд, назвать их еще и годами «охоты на детей».

15 июня 1937 года Ежовым была утверждена инструкция о порядке подготовки и проведении операции по выселению из Москвы, Ленинграда, Киева, Ростова, Таганрога, Сочи и прилегающих к Сочи районов семей троцкистов, правых, децистов, а также лиц, исключенных из ВКП(б). Исключенные из ВКП(б) подлежали выселению также вместе с семьями. Операцию по выселению планировалось провести с 25 июня по 25 августа 1937 года².

3 июля в эту инструкцию были внесены поправки. Местным органам НКВД дано указание представить списки семей лиц, осужденных после 1 декабря 1934 года военной коллегией Верховного суда, а также списки на социально-опасные семьи лиц, осужденных спецколлегиями судов. Сообщалось, что эти семьи в количестве 6—7 тысяч человек в ближайшее время «будут осуждены и должны быть изолированы (в) особо усиленных условиях режима»³.

5 июля 1937 года политбюро, рассмотрев «Вопрос НКВД», приняло его предложение «о заключении в лагеря на 5—8 лет всех жен осужденных изменников родины, членов право-троцкистской шпионско-диверсионной организации». Определялась и судьба их детей. Наркомату внутренних дел пред-

¹ Там же, л.128.

² ЦХСД, ф. Комиссия Шверника, д.3, л. 45—51.

³ ЦА ФСБ, ф.3, оп.4, д.16, л.2; д.147, л. 310—311.

лагалось «разместить детей в существующей сети детских домов и закрытых интернатах наркомпросов республик»¹.

15 августа 1937 года за подписью Н.Ежова появляется «Оперативный приказ», содержащий конкретные инструкции по проведению операций по аресту жен и отлучению детей от родителей. В преамбуле приказа сказано:

«С получением настоящего приказа приступите к репрессированию жен изменников родины, членов право-троцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категориям, начиная с 1 августа 1936 года».

Далее шли подробные инструкции, как готовить операцию, производить аресты жен и обыски на квартирах, оформлять дела, какие применять меры наказания, как приводить в исполнение приговоры. Несколько разделов посвящались детям. В частности, речь шла о размещении детей осужденных родителей, о подготовке распределительных пунктов (были такие в годы репрессий), о наблюдении за детьми «врагов народа» и т. д.

Словом, перед нами объемистый документ, который хотя и не отличается уважением к грамматике, но зато предельно конкретен в том, куда отводить после ареста жен и детей, кому передавать полуторагодовалых малышей, ставших сиротами. В полную мощь звучат термины карателей: социально опасные дети; осужденные социально опасные дети; дома особого режима наркомпросов, куда направлялись такие дети; персональные наряды ГУЛАГа НКВД и АХУ НКВД для социально опасных детей.

Как будто речь идет о сборе металлолома, а не о судьбах детишек. Невозможно поверить, что сочинители этих инструкций были когда-то детьми, сами имели детей. Это надо же так ополоуметь, озвереть, опоганиться, чтобы не слышать детского

¹ АП РФ, ф.3, оп.58, д.174, л.107.

плача. До какой же низости надо опуститься, чтобы из шакалей пасти раздавались слова о том, что у детей страны Советов — самое счастливое детство.

В архивах НКВД хранятся сотни писем, свидетельств, записок «проверяльщиков» из самих же органов, которые говорят о безобразиях, творившихся в детских домах для детей «врагов народа». *«В ряде детских домов имеет место враждебное отношение к детям репрессированных, переходящее в случаи прямого издевательства над ними», «во многих детдомах детей репрессированных называют троцкистами, преследуют, рассматривая их как врагов».*

Еще письмо. *«В Федоровском детдоме Кустанайской области Казахской ССР... дети репрессированных Кручина и Степанова были изнасилованы взрослыми воспитанниками. В столовой детдома на 212 детей имеется всего 12 ложек и 20 тарелок. В спальне — один матрац на три человека. Дети спят в одежде и обуви»¹.*

Каратели бдительно следили за настроениями детей репрессированных родителей. В одном из приказов НКВД указывается: *«Воспитанники Нижне-Исетского детдома Свердловской области Тухачевский, Гамарник, Уборевич и Штейнбрюк высказывают к.-р. пораженческие и террористические настроения. Для прикрытия своей к.-р. деятельности вступили в комсомол. Указанная группа детей проявляет террористические намерения против вождей партии и правительства в виде акта мести за своих родителей. Воспитанники Черемховского детдома Иркутской области Степанов, Грундэ, Казаков и Осипенко за антисоветские выступления арестованы органами НКВД»².*

Жесткий контроль за «изъятыми детьми» осуществлялся органами не только в стенах детских домов. Циркуляр НКВД СССР от 20 мая 1938 года «О порядке устройства детей репрессированных родителей в возрасте свыше 15 лет» предписывал:

¹ ГАРФ, ф.9401, оп.1а, д.20, л.199.

² Там же, л.199 об.

«Вывод детей репрессированных родителей из детдомов (как переростков или за окончанием учебы) без специального указания АХУ НКВД СССР не производить... О детях репрессированных родителей старше 15 лет, трудоустроенных или определенных на учебу, УНКВД сообщает списком в АХУ НКВД СССР... Установить агентурное наблюдение за указанным контингентом детей репрессированных родителей, своевременно вскрывая и пресекая антисоветские, террористические настроения и действия... Социально опасные дети, проявляющие антисоветские настроения и действия, должны предаваться суду на общих основаниях и направляться в лагеря по персональным нарядам ГУЛАГа НКВД»¹.

Шла Отечественная война, на карту была поставлена судьба страны, но ничего не менялось в механизме репрессий. Наоборот, он ужесточился под предлогом сурового времени. По приказу № 270 Ставки Верховного главнокомандования от 16 августа 1941 года командиров и политработников, сдающихся в плен врагу, надлежало «считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту». В конце мая 1942 года нарком внутренних дел и прокурор СССР предписали «развернуть работу по репрессированию членов семей изменников родины»².

В годы войны гитлеровцы гнали детей в одну сторону — в Германию, а сталинцы — в другую — в Среднюю Азию, Казахстан, на восток. В дальние края поехали дети немцев, поляков, чеченцев, калмыков, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, болгар, греков, армян, турков-месхетинцев, курдов, хемшилов, а после войны — эстонцев, латышей, литовцев. На апрель 1945 года в Казахстане, Киргизии и Узбекистане оказалось 34,7 тысячи детей-карачаевцев моложе 16 лет. В Узбекистан привезли 46 тысяч детей из Грузии. В первые годы жизни на новых местах смертность

¹ Там же, д.29, л.28,28 об.

² ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 1, п. 610—613.

среди переселенцев достигала 27% в год, в основном это были дети.

Земля стонала от людских страданий, но власть становилась все безумнее. Побывавший в те годы в Казахстане будущий министр внутренних дел С.Круглов предложил всех детей, оказавшихся безнадзорными в результате переселения, направлять не в детские дома системы просвещения, а в детские трудовые колонии НКВД для правонарушителей.

Горькую чашу переселенца пришлось в свое время испить калмыцкому поэту Д.Кугультинову. Он был определен в счетоводы. Однажды получил задание провести инвентаризацию в Доме младенца Норильского лагеря. Переступил порог, вспоминает Кугультинов, — дети. Огромное количество детей до 5—6 лет. В маленьких телогреечках, в маленьких ватных брючках. И номера — на спине и на груди. Как у заключенных. Это номера их матерей. Они привыкли видеть возле себя только женщин, но слышали, что есть папы, мужчины. И вот подбежали ко мне, голосят: «Папа, папочка, что ж ты так долго». Это самое страшное, когда дети с номерами. А на бараках: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство».

Нечто подобное я видел в Магадане. Поехал туда на открытие памятника жертвам сталинского режима. Скульптор Эрнст Неизвестный. Состоялся митинг, но и на этом скорбном собрании нашлись люди, позволявшие себе выкрикивать оскорбления в адрес бывших заключенных. Эти бывшие «вертухаи», следователи, лагерные начальники до сих пор не могут смириться, что остались без пищи из человечины.

В Магадане есть музей репрессий и художественная галерея произведений узников. В музее меня поразили плакаты убийственного содержания, вроде — «На заботу партии и правительства ответим стахановским трудом». В галерее полотна и рисунки четко отражали два типа мироощущения. Одни

произведения — в явно темных, мрачных тонах. Люди, толкающие вагонетки, с лопатами в руках. Грязные лица от угольной пыли. В глазах — бесконечная тоска и равнодушие. Другие картины поражали своим радостным настроением, полным безбрежного счастья. Леса и перелески, цветы, парни и девчата в белых рубашках и кофточках, играющие дети. Они явно отражали тоску о прошлом и надежды на будущее.

Закончилась война с фашизмом, мир славил душегуба Сталина, но последний еще не закончил войну с советским народом. Он продолжал выселять жен и детей «врагов народа» из Ленинграда, Москвы, Украины, Прибалтики и других регионов. Жернова преступной власти исправно продолжали перемалывать жизни новых миллионов.

И снова — «выселенцы», «спецпереселенцы», люди, отверженные системой без указания даже срока отвержения. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года спецпоселенцы становились вечными — без права возврата к прежним местам жительства. И снова — дети. В совместной директиве МВД и Прокуратуры от 16 мая 1949 года говорилось, что все дети спецпоселенцев по достижении 16-летнего возраста и проживающие в спецпоселении вместе с высланными родителями (родственниками) подлежат зачислению на вечное поселение. Даже у детей украли надежду на возвращение в родные края.

В 1949 году министр внутренних дел С.Круглов докладывал Сталину, что его ведомство усилило режим выселенцев и переселенцев, особенно по трудоиспользованию и надзору. Он сообщил также, что на учете в органах МВД всего (вместе с членами семей) состоит 2562830 выселенцев и спецпоселенцев. Шел пятый послевоенный год. Еще через пять лет, в марте 1954 года (замечу, это уже через год после смерти Сталина), из Министерства внутренних дел в адрес Маленкова и Хрущева сообщают: по данным МВД, на спецпоселе-

нии в настоящее время всего находится 2819776 человек, в том числе детей, не достигших 16-летнего возраста, — 884057.

Вот она, власть гробовщиков.

...Годы летят. С перестройкой пришел конец войне против собственного народа. Выросли и состарились «государственные сироты». Не все из них дожили до того дня, которого ждали, — дня крушения станвого хребта большевизма. Когда встречаешься с этими людьми, разговариваешь с ними, не можешь не удивляться их мужеству, тому, что не очерствели они душой, не возненавидели все и вся.

А вот наши законодатели почему-то проводят разделительную линию между родителями и детьми, ставшими жертвами политических репрессий. Считается, что родители были репрессированы, а дети — нет, они лишь пострадали от репрессий. Эта формулировка прошла через действующее законодательство, отразилась на льготах для пенсионеров и инвалидов. Дети репрессированных родителей не получают надбавок к пенсиям.

Не хочу спорить с юристами. Наверное, с сугубо формальной точки зрения есть возможность утверждать, что судили не детей, а родителей, что против детей репрессии не применялись. Но тогда как назвать все то, что касается мер, направленных непосредственно против «социально опасных детей», как отнестись к тому, что сотни тысяч детей находились в лагерях вместе с родителями. И разве не репрессированными являются дети расстрелянных родителей?

Мы еще немыслимо далеки от того, чтобы выйти из варварского состояния. До сих пор страна усеяна памятниками Ленину, названиями улиц его имени, его портреты висят в служебных кабинетах немалого числа официальных местных руководителей, издаются сотни большевистских и откровенно фашистских газет, произносятся чудовищные речи

в Государственной Думе в защиту Сталина и против жертв репрессий самого зловещего режима.

Приведу здесь несколько высказываний Жириновского, касающихся сталинских репрессий и репрессированных. Итак, заседание Думы 4—5 февраля 1998 года, посвященное обсуждению бюджета (цитируется по стенограмме. — А.Я.).

Жириновский:

«Проголосовали дать 500 миллионов тем самым людям, которые разрушили страну, репрессированными были те самые, которые нас измучили с вами. С 91-го года нам мутят воду здесь, и вы им в бюджете 98-го года даете 500 миллионов. Давайте исключим из статьи бюджета эту строчку о помощи каким-то репрессированным. У нас нет никаких репрессий давно уже...»

Обращаясь к министру финансов, продолжает:

«...Дайте нам справку: кому были деньги даны в 1997 году? Что за Фонд политических репрессий? Так нельзя. Народ, русский народ тоже подвергался репрессиям. Скажите точно: 500 миллионов, кому они пойдут в этом году или в том году? Значит, 300 пошли диссидентам, 150 еще каким-то бомжам, а 50 вы дали в какой-то регион национальный.

...Я категорически против всех жертв репрессий, нет таких жертв репрессий. Репрессирована вся Россия за весь XX век. Если вы имеете в виду несколько тысяч стариков, которые орали всю жизнь антисоветские лозунги, наше государство разрушали и в 1991 году победили, вот им не только ничего давать не надо, а отобрать все, что у них сегодня нужно отобрать. Это принципиальная позиция политической партии.

Вы даете деньги тем, кто разрушил Советский Союз. Вот такие, как Рыбаков, а если вы не понимаете — снова в тюрьму, чтобы поняли...»

И дальше:

«Товарищ Сталин — глава нашего государства, просто так не переселял. Когда ему доложило

КГБ, что тысячи калмыков организовали свои бригады и пошли по рейдам Красной Армии и уничтожили тысячи советских бойцов, и вот за это оставшихся в живых действительно переселили, и они до сих пор живы. Им уже под 80, и они живут. А там, где не переселяли, уже умерли от той страшной жизни, которую вы, перестройщики, нам устроили. Крымских татар почему выселили? Они сдали немцам все партизанские отряды Крыма...»

Даже комментировать не хочется эти бредни. Неужели народу России так и не выбраться из той сточной канавы, в которую его затащили в 1917 году политиканы, не обремененные ни совестью, ни чувством Родины?

Вот и снова «неужели», «ах» да «ох», а потом снова стадом под нож... У нас, русских, память очень короткая. Может быть, оттого, что слишком много горя выпало на нас, непомерно длинным оказался путь страданий.

ПОДЕЛЬНИКИ

Безмерно трагична судьба российской социал-демократии. Ей не хватило мудрости разглядеть в большевизме ту разрушительную силу, которой суждено было погубить демократическую республику, родившуюся в феврале 1917 года, и отбросить Россию на задворки исторического развития. Больше того, почти все партии социалистического направления помогали большевикам в преступном захвате власти. Расплата за эту историческую ошибку оказалась неимоверно тяжелой.

Совершив в октябре 1917 года контрреволюционный переворот и захватив власть, причем под социал-демократическими лозунгами, большевистские авантюристы очень быстро сообразили, что могут удержаться у власти только в условиях жесточайшей диктатуры, что соответствовало марксистскому постулату о насилии как повивальной бабке истории.

Ленин без колебаний отбросил в сторону демократическую программу, выработанную на основе компромисса с Плехановым еще в 1903 году, и встал на путь прямого предательства социал-демократического движения. Уже летом 1918 года большевики окончательно сбросили социал-демократические одеяния и назвали коммунистической

партией, демонстративно отделив себя от всех социалистических движений России и Запада.

На первом этапе, пока реальных силенок у большевиков было не так уж много, а влияние социалистических группировок оставалось достаточно серьезным, они взяли на вооружение тактику дискредитации социалистов. Эту задачу решал мощный пропагандистский аппарат партии, захвативший власть. Кроме того, группа Ленина активно использовала бесконечные склоки среди меньшевиков, эсеров, анархистов и других социалистических партий, а также их наивные надежды на благоразумие большевиков. Непостижимая слепота!

Курс на искоренение социалистов проводился поэтапно. Основным, а с течением времени — и единственным, инструментом карательной политики стала тайная полиция — ВЧК-ОГПУ, за которой неизменно стояло политбюро ЦК коммунистической партии. Сначала надо было отстранить социалистов от власти, разными махинациями вытеснить из Советов. Попутно, и опять-таки с помощью разных комбинаций (обвинений в несуществующих заговорах, дутых судебных процессов, подставных съездов «раскаявшихся» социалистов и т. п.), решалась задача компрометации этих партий в глазах общественного мнения.

Однако афишируемая общность основ идеологии (особенно с меньшевистской РСДРП и близкими ей организациями, которые клялись догмами из Карла Маркса), широкие и длительные личные, а иногда и родственные, связи, многолетний опыт совместной подпольной революционной деятельности, традиционная популярность социалистов в демократических слоях населения, наконец, их высокий международный авторитет, — все это вынуждало правящих коммунистов маневрировать, порой временно сдерживать репрессии против своих недавних собратьев по революционным авантюрам. Иными словами, ликвидация союзников по рево-

люции была на первых порах достаточно щепетильной проблемой.

Можно предположить, что только благодаря этому основные социалистические партии (левые и правые эсеры, меньшевики, эсеры-максималисты) сумели, хотя и с грехом пополам, продлить свою жизнь до конца Гражданской войны.

В послеоктябрьский период на территории России одновременно действовало 11 социалистических партий и анархистских организаций, исключая национальные (еврейские, украинские и т. д.) Еще в 1917 году в их рядах насчитывалось более полутора миллионов человек. Практическое удушение их деятельности падает на первую половину 1920 годов, хотя как течение общественной мысли небольшевистский социализм исчез в России лишь во времена «большого террора» второй половины 1930-х — начала 1940-х годов, одновременно с физическим уничтожением его главных идеологов и лидеров.

Гонения на социалистов начались с удушения социалистической печати. «Ленин, Троцкий и сопутствующие им, — писал М. Горький в газете «Новая жизнь» в ноябре 1917 года, — уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия». И действительно, еще шли переговоры о создании правительственной коалиции — «от большевиков до народных социалистов», когда 9 ноября правительством Ленина был «приостановлен» выход в свет газеты энесов «Народное слово». Со второй половины ноября 1917 года началась полоса преследований газеты меньшевиков-оборонцев «День». Это издание закрывалось 6 раз и столько же раз возобновлялось под другими названиями, но в мае 1918 года было окончательно прекращено.

В конце января 1918 года появились «Временные правила о порядке издания периодических и непериодических изданий в Петрограде», согласно которым в случае «явно контрреволюционного» характе-

ра публикаций газета могла быть закрыта, а члены редакции арестованы¹. Всего в январе—феврале 1918 года, то есть всего через 2 месяца после контрреволюционного переворота, в Петрограде и Москве было закрыто около 70 газет. Контрреволюционными объявлялись те издания, которые выражали даже небольшие сомнения в правильности тех или иных решений большевиков.

Гонения на меньшевистскую газету «Вперед» в марте—апреле 1918 года вызвали протесты рабочих московских фабрик и заводов («Поставщик», «Людвиг и Смит», Центральная городская электростанция и др.). В своей резолюции они назвали эту газету социал-демократов-меньшевиков «защитником подлинных интересов рабочего класса против большевистской власти»². 13 мая меньшевикам удалось получить разрешение на возобновление издания (под названием «Всегда вперед»), однако уже на следующий день нарядом ЧК газета была закрыта вновь³.

О том, как толковалось властями понятие контрреволюционности газетных выступлений, свидетельствуют обстоятельства закрытия меньшевистского «Нового луча». Газета была запрещена за информацию о митингах на Обуховском и Путиловском заводах под лозунгом положить конец «комиссародержавию» и созвать Учредительное собрание. Не отставали от центра и местные власти: в первые месяцы 1918 года в Туле был учинен разгром меньшевистской газеты «Голос народа», в Саратове — газеты «Жизнь» и т. д. К лету 1918 года практически вся социал-демократическая пресса оказалась под запретом.

Проблема свободы печати была решена просто и надолго. Эта «свобода» продолжалась до 1985 года, когда начавшаяся Реформация стала открывать шлюзы гласности.

¹ Правда, 13 февраля (31 января) 1918 г.

² ЦГАМО, ф.66, оп.25, д.39, л.20.

³ Там же, л.22.

К сожалению, и я об этом уже упомянул, на протяжении всей своей истории соцпартии находились в состоянии взаимного антагонизма, они постоянно грызли друг друга, очень часто из-за пустяков. Даже в тюрьмах, концлагерях и ссылках социалисты избегали контактов с представителями родственных партий. Склочничали, одним словом.

Карательные органы достаточно умело использовали всякого рода расхождения по программно-тактическим вопросам и накопившиеся обиды и подозрения внутри социалистического движения. В своих циркулярах руководство ВЧК-ОГПУ нацеливало свою агентуру на то, чтобы углублять расколы и пресекать любые объединительные тенденции. Так, начальник секретно-оперативного управления ОГПУ В. Менжинский, с тревогой отмечая, что в эсеровских кругах произошел «сдвиг в сторону объединения разрозненных и распыленных народнических эсеровских групп и течений», потребовал «все силы осведомления направить к тому, чтобы не дать объединиться эсеровским группировкам» и «разбить объединенческие стремления»¹.

Такую же реакцию вызвало появление «Организационного бюро по объединению революционно-социалистического народничества». Несмотря на то что в декларации Бюро говорилось о недопустимости политических и экономических выступлений против правящей РКП, большевики усмотрели в этой организации «группу, которая явным образом ставит себе задачей борьбу с коммунистами»². Уловив аналогичные веяния в левонародничестве, ОГПУ обратилось в ЦК РКП с просьбой санкционировать работу по ослаблению тенденций к объединению «путем разных видов репрессий» по своей линии и получило поддержку³. «Усилить тенденции расколов и расхождений в рядах враждебных

¹ Сборник циркулярных писем ВЧК-ОГПУ. М., 1935, т.3, ч.1, с. 301.

² Известия ВЦИК, 21 сентября 1919 г.

³ АП РФ, ф.3, оп.59, д.14, л.79.

нам партий» — таково, по выражению одного из видных чекистов, было постоянное стремление власти¹.

Что касается самих соцпартий, то в разные периоды Гражданской войны они часто меняли свою линию поведения относительно правящего режима. Особенно большой диапазон колебаний был характерен для партий народнической ориентации. В отличие от меньшевиков, исполнявших роль тихой оппозиции, эсеры, еще в 1918 году взявшиеся на несколько дней за оружие, в начале следующего года резко изменили курс и перешли к активному сотрудничеству. Это их не спасло, вскоре их снова загнали в подполье. Левое крыло эсеров — партнеры большевиков по захвату власти и по правительственной коалиции в первые послеоктябрьские месяцы — с лета 1918 года — перешли в открытую оппозицию режиму.

В конечном счете ни одна из моделей поведения бывших подельников не устраивала большевистских лидеров. Курс на искоренение социалистического инакомыслия проводился ими по нарастающей. Это был не солженицынский «большой пасьянс», а перемалывание людей жесточайшей в истории машиной террора.

Первоначально в РКП(б) не было единства по этому вопросу. Ленину пришлось бороться с весьма влиятельной группой своих соратников (Л.Камнев, В.Ногин, Д.Рязанов, Г.Сокольников и др.) — сторонников коалиции с представителями крупнейших соцпартий под лозунгом «однородного» социалистического правительства. В значительной степени идея такого блока диктовалась не какими-то симпатиями к социалистам, а опасением, что коммунистам в одиночку власть удержать будет очень трудно. Неуверенность в собственных силах заставила даже самых ортодоксальных заняться поиском союзников. В результате в декабре 1917 года сформировалась коалиция с левыми эсерами (к началу

¹ Там же, д. 2, л.38.

1918 года представители этой партии возглавляли 6 из 16 центральных наркоматов).

В большевистской верхушке не раз обсуждались предложения, направленные на смягчение общего курса относительно социалистов. Но таким идеям постоянно противодействовали карательные органы, поскольку подобные предложения так или иначе вели к понижению роли этого учреждения в жизни государства. Возникавшие намерения ограничить функции ЧК, не говоря уже о проектах ее упразднения (первый такой проект был выдвинут группой видных большевиков во главе с Каменевым в январе 1918 г.¹) успеха не имели*.

Впрочем, не только чекистская верхушка, но и политбюро последовательно отвергало все попытки вписать социалистов в общественно-политическую жизнь страны. В апреле 1921 года решительную отповедь получило предложение чекиста Вардина (Мгеладзе) о новой политике относительно «наиболее приличных» социалистов и анархистов (конечно, продолжая держать государственные «вожжи натянутыми»). «Автор не прав, — заметил по поводу записки Вардина Ленин. — Он формалистичен. ...Предложение автора не годится. Он не вник в дело, как следует»². Кстати, политбюро отклонило проект Вардина еще до получения отзыва Ленина³.

Уже тогда в политбюро разрабатывались сценарии судебных процессов, определялась мера наказа-

¹ РЦХИДНИ, ф.5, оп.1, д.2558, л.3.

* Каменева и его сподвижников чекисты потом уничтожили. Я понимаю, что исторические параллели весьма условны, но методы действий всех контрразведок в главном остаются одними и теми же. Это — месть. Стоило мне еще в начале 1989 года поставить перед Горбачевым вопрос о необходимости разделить КГБ на разведку, контрразведку, пограничные части, связь и охрану, как запузырилось болото карательной службы. С тех пор травля в отношении меня ужесточилась. Судя по всему, была активизирована агентура КГБ в писательской, журналистской, военной и других сферах. Заметно усилилась слежка — техническая и физическая. Травля продолжается до сих пор.

² АП РФ, ф.3, оп.59, д.2, лл.36—39.

³ РЦХИДНИ, ф.17, оп.3, д.150, л.1.

ния и условия содержания арестованных, места и срок ссылки и многое другое. Нередко политбюро непосредственно предписывало охране приговорить того или иного социалиста к определенному сроку тюремного заключения (например, в 1925 году членов ЦК ПСР А.Гоца и Е.Тимофеева¹). Будучи как бы засекреченным, но подлинным хозяином, политбюро действовало в обход всех правовых норм, руководствуясь известным принципом «революционной целесообразности». Однако все его действия были бы бесполезными, если бы они не поддерживались, причем с энтузиазмом, карательными службами, а порой и диктовались этими службами.

В то же время, по мере укрепления режима, все большее влияние на деятельность его репрессивного аппарата оказывал лично Ленин. Началось активное формирование культа его личности. Он сам запустил механизм репрессий, но на первых порах был связан личными знакомствами, ролью некоторых деятелей в общественной жизни России (Ю.Мартов, Г.Плеханов, Кропоткин). Сталин, который питал к социалистам особую неприязнь, от этих слабостей был свободен изначально. (Весной 1918 года Сталин пытался привлечь к ответственности «за клевету» Ю. Мартова, напомнившего об исключении Сталина из РСДРП в 1910 году за участие в экспроприациях, то есть в грабежах. Однако ревтрибунал жалобу Сталина отклонил.)

Весной 1918 года прошли первые аресты анархистов и максималистов — верных соратников большевиков как в октябрьские дни, так и в период разгона Учредительного собрания. В ночь с 11 на 12 апреля в Москве отряды ЧК и красногвардейцы провели операцию по разоружению анархистских групп, в ходе которой было арестовано свыше 400 человек². Тогда же в Ижевске подавили «мятеж» максималистов, заключавшийся в остром соперни-

¹ АП РФ, ф. 3, оп. 59, д.18. л. 101.

² Новый день. 1918. 13 и 14 апр.

честве с большевиками в местном совете, в котором максималисты оказались в большинстве.

Но все это плохо помогало: социалистические фракции в Советах продолжали оставаться весьма значительными. Некоторые крупные предприятия, традиционно считавшиеся бастионами большевизма (например, Карзинкинская «Большая мануфактура» в Ярославле), дали социал-демократическому списку больше голосов, чем большевикам, левым эсерам и беспартийным, вместе взятым. Поэтому 14 июня 1918 года, за два дня до начала новой избирательной кампании и в преддверии V съезда Советов, большевики провели через ВЦИК постановление, согласно которому на всей территории России, подконтрольной Кремлю, эсеры и меньшевики были изгнаны из Советов всех уровней (на местах это изгнание чаще всего сопровождалось неопределенной формулировкой — «за контрреволюционность и саботаж соввласти»¹).

Вопреки этому постановлению, население продолжало выбирать членов соцпартий в местные органы власти (так, на прошедших в конце июня выборах в Петросовет меньшевики и правые эсеры получили 75 мест против 499 — у большевиков и 109 — у левых эсеров; в Архангельском совдепе — 56 против 168 — у большевиков и т. д.²). В то же время их представительство на всероссийских съездах Советов и ВЦИК резко упало. А с 1919 года список социалистов, допущенных на съезд, стал утверждаться политбюро персонально³.

На местах все было еще грубее и циничнее. В декабре 1918 года произошли волнения рабочих в Мотовилихе (Пермская губерния). Они требовали отмены привилегий в продовольственном обеспечении для совслужащих, прекращения бессудных

¹ РЦХИДНИ, ф.17, оп.4, д.41, л.3.

² Там же, д.25, л.4.

³ Там же, д.43, л.1. — Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК 4 декабря 1919 г. Запрос Аванесова, кого из представителей с.-д. и народнических партий можно допустить на съезд.

расстрелов, свободы слова и собраний, передачи власти Советам рабочих и крестьянских депутатов, а не ЧК¹. В случае невыполнения этих требований рабочие угрожали забастовкой.

Поскольку обычные меры воздействия результатов не имели (на митингах, собраниях представителям власти просто не давали говорить), ответственность за волнения была возложена на левых эсеров, составлявших большинство в Мотовилихинском совдепе. Сам исполком был распущен и заменен чисто коммунистическим ревкомом, а в поселке введено осадное положение, завод закрыт, все рабочие уволены. Вот так и складывалась большевистская демократия.

В июле 1918 года в связи с убийством сотрудником ЧК Блюмкиным германского посла Мирбаха начались гонения и на партию левых социал-революционеров. Эти гонения уже были предрешены резкой оппозицией этой партии Брестскому мирному договору с Германией и аграрной политике властей. Акцию протеста 6 июля и демонстрационный арест Дзержинского власти истолковали как попытку левых эсеров захватить власть, режим начал повальные аресты всех членов партии, независимо от степени их участия в июльских митингах. (Еще предстоит выяснить, в какой мере в убийстве Мирбаха участвовало высшее руководство ВЧК.)

Помимо ареста многочисленной фракции левых эсеров на V съезде Советов, в ночь с 6 на 7 июля в Москве в полном составе были арестованы комитеты левых эсеров в Рогожско-Симоновском, Краснопресненском и др. районах, прошли аресты на фабриках и заводах, в Московском совдепе. 8 июля без какого-либо разбирательства расстреляны 14 левых эсеров (В. Александрович, Д. Попов и др.), принявших, по мнению властей, наиболее активное участие в «мятеже». Всего по делу 6 июля к ответственности было привлечено 964 человека.

Телеграммой от 10 июля нарком внутренних дел

¹ РЦХИДНИ, д.58, л.28—28об.

Г. Петровский потребовал от губернских советов «немедленно принять все меры /к/ поимке и задержанию» участников «мятежа», «пытающихся поднять восстание против советской власти арестовывать, предавать военно-революционному суду», «сопротивляющихся расстреливать»¹.

Но еще до получения телеграммы Петровского местные власти начали смещать левых эсеров со всех ответственных постов, исключать их фракции из советов, арестовывать рядовых членов партии. Так, в Тамбовской губернии соответствующее решение губисполкома состоялось уже 9 июля². В Курской губернии непосредственно на уездном съезде Советов был арестован, избит и помещен в тюрьму левый эсер А. Барышников, обвиненный в попытке «возбудить массы против советской власти». Хотя у местной ЧК не было никаких оснований для содержания Барышникова под стражей, а сам он обладал неприкосновенностью как член ВЦИК, на свободу он был выпущен лишь в середине августа 1918 года³. В Калужской губернии фракцию левых эсеров удалили со съезда Советов в полном составе, несмотря на то что она была на съезде наиболее многочисленной. В июле были арестованы или разогнаны комитеты левых эсеров в Туле, Владимире, Нижнем Новгороде и других местах, распущена левозэсеровская по составу Крестьянская секция ВЦИК.

Период партнерства левых эсеров и большевиков в органах законодательной и исполнительной власти пришел к концу. Получив после ареста левозэсеровской фракции подавляющее большинство на V съезде Советов, власти провели резолюцию, согласно которой в качестве условия продолжения совместной работы в Советах от левых эсеров требовалось безусловное и публичное осуждение действий своего ЦК. Как провидчески написала в своих дневниках Зинаида Гиппиус еще в ноябре 1917

¹ ЦА ФСБ РФ, д.Н-8, т.9, л.77.

² Известия Тамбовского губсовета, 1918. 4(17) июля.

³ ЦА ФСБ РФ, д.Н-8, т.13, л.244—245.

года: они прежде и паче всего требуют «признания». И всякие милости готовы даровать, «если падши поклонисься им»¹.

Летом 1918 года, ненадолго пережив своего основателя и лидера Георгия Валентиновича Плеханова (умер в мае 1918 года), под градом репрессий прекратила свое существование социал-демократическая группа «Единство».

Осенью 1918 года петроградская ЧК провела массовые аресты «классово-чуждых элементов» по избирательным спискам партий (в том числе и социалистических), составленных в 1917 году на выборах в районные и городские думы. По данным кадета А. Изгоева, в ходе только этой акции за решетку было отправлено свыше 200 человек². Впоследствии власти широко использовали старые избирательные партийные списки для арестов по признаку партийной принадлежности. «Жажда власти у этой кучки авантюристов оказалась настолько сильна, — писал о большевиках в 1918 году меньшевик М. Либер, — что в борьбе за ее удержание в своих руках они не останавливаются ни перед какими преступлениями»³.

Осенью 1918 года, в разгар «красного террора», власти начали тактическую игру с социалистами, которая многим показалась неожиданной. Первым признаком «потепления» явилась статья Ленина «О характере наших газет», опубликованная в «Правде» 20 сентября. Большевицкая печать критиковалась в ней за чрезмерное увлечение «политической трескотней» — материалами, посвященными «подлому предательству меньшевиков, лакеев буржуазии». В результате травля социалистов в печати была прекращена.

¹ Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. Кн.11, Тбилиси, 1991, с.355.

² Изгоев А.С. Пять лет в Советской России. (Обрывки воспоминаний и заметки) // Архив русской революции / Под ред. И.В. Гессена. Берлин, 1923, т.10, с.31—32.

³ Либер М. Кризисреволюции и задачи демократии. Екатеринослав, 1918, с. 3.

Развернутая характеристика «нового курса» прозвучала в выступлении Ленина на собрании партийных работников Москвы в ноябре 1918 года. Исходя из посылки, что построить социализм можно лишь «целым рядом соглашений», в том числе и с «господами кооператорами и интеллигентами», которые являются «единственным культурным элементом», Ленин призвал партийных работников уметь «договориться с мелкобуржуазной демократией», «привлекать» ее к себе¹.

Казалось бы, правитель России готов к компромиссу. Однако на деле ничего подобного не произошло. Условия, выдвинутые Лениным, были настолько жесткими, что больше походили на ультиматум и фиксировали то обстоятельство, что большевики не имели ни малейшего желания делить власть с кем бы то ни было. «Вы будете с нами в добрососедских отношениях, — говорил Ленин, обращаясь к социалистам, — а у нас будет государственная власть. Мы вас, господа меньшевики... охотно легализуем. Но... мы оставляем за собой государственную власть, только за собой... Ни малейшей доли мы не уступим»².

В ноябре 1918 года вновь получает право работы в Советах, а значит, и возможность легального существования, РСДРП. Прошедший тогда же суд ревтрибунала над левыми эсерами по делу «6 июля» заканчивается вынесением достаточно мягких приговоров (лишь 13 из 950 обвиняемых были осуждены на сроки от 1 до 3 лет концлагеря, остальные освобождены; через несколько дней часть осужденных была амнистирована). В феврале 1919 года легализована партия социал-революционеров.

Однако о действительном отношении власти к социалистам в это время лучше всего свидетельствует приказ ВЧК № 113 от 19 декабря 1918 года. Признавая необходимость дать «мелкобуржуазным эле-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С.219,222,228.

² Там же. Т. 97. С.220, 229.

ментам и всем социалистам» возможность работать, приказ в то же время предписывал установить за ними «строжайшее негласное наблюдение», с тем чтобы они «не имели возможности надуть Советскую власть». Вот так и начала постепенно складываться диктатура двоевластия — партии коммунистов и партии чекистов.

Правительственная «весна» оказалась коротким эпизодом. Уже в феврале 1919 года репрессии против социалистов возобновились с новой силой. В результате партия левых эсеров переходит на нелегальное положение. Повседневной практикой режима становятся обыски «для выяснения личности», многомесячные тюремные заключения без предъявления обвинения. Широко практикуются аресты не только по принадлежности к той или иной соцпартии, но даже «по подозрению» в такой принадлежности.

Дзержинский дал указание всем губчека учредить «самый строгий контроль» за левыми эсерами и меньшевиками, брать из них заложников, предупреждая, что за антибольшевистскую агитацию «они отвечают головой». Все эти меры были предусмотрены специальным решением политбюро, которое еще в марте 1919 года приняло постановление следующего содержания: «Предложить прессе усилить травлю левых эсеров... Над всеми бывшими левыми эсерами иметь надзор... Газеты “Голос печатника” и “Рабочий интернационал” прикрыть»¹.

А язык-то, язык-то каков! «Травля», «надзор», «прикрыть».

Но ход репрессивной политики на местах не удовлетворяет Дзержинского. «За последнее время замечается сильное понижение деятельности Чрезвычайных комиссий, — пишет он в приказе от 14 марта 1919 года. — ...Меньшевики, эсеры, видя нашу расхлябанность, пользуются ею в своих контрреволюционных целях. Из донесений, поступающих в ВЧК, видно, что врагами пролетариата ведет-

¹ АП РФ, ф.3, оп.59, д.14, л.10.

ся усиленная агитация, как устная, так и письменная, к свержению советской власти»¹.

Сигнал был услышан. В ходе только одной апрельской 1919 года «ликвидации» в Москве и пригородах было арестовано 55 эсеров и 38 меньшевиков². ВЧК настойчиво требует от местных чекистов установить за каждой соцпартией «тщательное наблюдение». «Каждый их шаг и каждое ихнее намерение (так в тексте. — А.Я.), — писал в 1919 году один из руководителей охраны М. Лацис, — должны быть нам известны»³.

Бывшие союзники большевиков по захвату власти несколько не изменили своих политических убеждений, однако пропаганда большевиков начала рисовать их теперь как «контрреволюционеров, ничем не отличающихся от колчаковцев и деникинцев». «Для советской Республики в настоящий момент, — писал зампред ВЧК И. Ксенофонтов в циркуляре от 1 июля 1919 года, — партия левых эсеров... является одним из самых опасных врагов», в борьбе с которым надо быть «беспощадным»⁴.

В архиве ФСБ лежат отчеты осведомителей о выступлениях М. Спиридоновой и И. Штейнберга на рабочих митингах в Москве в феврале 1919 года. Они свидетельствуют о популярности этих лидеров в рабочей среде⁵. В феврале—марте 1919 года по обвинению в антиправительственном заговоре в Москве была арестована почти вся левозеро́вская верхушка и около 200 партийных активистов, ликвидировано до 45 местных партийных организаций (в Пскове, Туле, Казани, Брянске, Орле, Гомеле, Астрахани и др.).

Тогда же (в феврале) состоялся суд московского ревтрибунала над Марией Спиридоновой. Харак-

¹ ЦГАМО, ф.66, оп.20, д.20, л.55.

² АП РФ, ф.3, оп.59, д.15, л.2.

³ Из истории ВЧК. С.227.

⁴ Сборник циркулярных писем ВЧК-ОГПУ. Т.3 Ч.1. С.13—14.

⁵ См., например, конспект речи Спиридоновой на митинге рабочих завода «Дукс» 6 февраля 1919г ЦА ФСБ РФ. Общий следственный фонд, д. Н-685, т.6, л.12.

терно, что на суде не было сказано ни одного слова о каком-либо заговоре, но очень много говорилось о том, что на московских рабочих митингах Спиридонова говорила по 3 часа, а им, представителям правительственной партии, давали слово только на 10—15 минут¹. Серьезного обвинительного материала не нашлось, но суд все равно приговорил Спиридонову к году «изоляции».

Партия левых эсеров теряет свое влияние. Резко уменьшилось количество ее местных организаций и численность партии в целом. Еще раньше в результате иезуитской тактики властей от партии откололось лояльное к большевикам крыло, оформившееся в августе—сентябре 1918 года в две партии: народников-коммунистов и революционных коммунистов. Каждая из них насчитывала в своих рядах до 3 тысяч членов (обе они влились в РКП(б) — соответственно в ноябре 1918 и сентябре 1920 года).

Но несмотря на то что «в условиях подпольной работы ПЛСР потеряла совершенно какое бы то ни было значение и вес в массах» (так говорилось в одном из циркуляров ВЧК), перед губернскими ЧК была поставлена задача «вырвать» из левозесеровских рядов «остатки более или менее активных работников»². В мае 1920 года Ф. Дзержинский с удовлетворением констатировал, что эта партия «положительно разгромлена ЧК» и «для нас не опасна»³.

Правда, шеф политической полиции несколько поспешил с выводами — партии левых эсеров суждено было погибнуть только в конце 1922 года. Обескровленная арестами и раздираемая внутренними противоречиями, она к этому времени представляла из себя лишь бледную тень того 150-тысячного чрезвычайно активного отряда, каким была в 1918 году.

¹ Там же, л.2.

² Сборник циркулярных писем ВЧК-ЭГПУ. Т.3 Ч.1 С.48.

³ Там же. С.95.

Гонения на социалистов остаются важной частью политики большевиков, а особенно карательных органов. Сведения о деятельности соцпартий на местах в обязательном порядке включаются в информационные сводки с мест по партийной, советской, военной или чекистской линиям. Вопросы, так или иначе связанные с деятельностью социалистов и анархистов, регулярно обсуждаются на заседаниях политбюро ЦК РКП(б) — за период только с апреля по декабрь 1919 года политбюро обращалось к ним 25 раз.

С 1919 года начинает складываться система закрытых инструкций и циркуляров ВЧК, выполнявших функцию «правовой» базы репрессивной политики в отношении социалистов и прочих «контрреволюционеров». Типичным для социалиста приговором этих лет было заключение в концлагерь «до конца гражданской войны». Официальная пропаганда всячески эксплуатировала тезис о временном (до «победы труда над капиталом») характере изоляции социалистов.

Однако окончание Гражданской войны отнюдь не привело к каким-либо послаблениям. Больше того, в циркулярах местным органам ВЧК Москва подчеркивала, что ликвидация внешних фронтов вовсе не означает завершения борьбы с врагами внутренними, поскольку «полная ликвидация контрреволюционных выступлений мыслится только с победой социалистической революции в мировом масштабе».

«На внешнем фронте совреспублика достигла как бы устойчивого положения, — писал местным чекистам в июне 1921 года начальник секретного отдела ВЧК Самсонов, — а ликвидация политических нелегальных партий органами ВЧК не закончена из-за слабой бдительности ЧК»¹. Необходимость спешного укрепления местных органов ВЧК и других карательных учреждений республики в связи с «усиленной деятельностью враждебных политичес-

¹ ЦА ФСБ РФ, ф.1, оп.6, д.331, л.9.

ких групп» подчеркивалась в это время и в обращениях ЦК к местным партийным организациям¹.

Кроме сохранения за ЧК широких возможностей для заключения своих жертв в лагеря в административном порядке, Дзержинский одновременно требовал, чтобы все то, что заслуживало сугубой репрессии, направлялось в ревтрибуналы. Он ставил перед такой мерой пропагандистские цели, но просчитался. Открытые судебные процессы над социалистами получили исключительно неблагоприятный международный резонанс.

Да и сами чекисты, вероятно, понимая юридическую несостоятельность обвинений, избегали передачи дел в суд (исключение делалось лишь в случаях хранения и распространения социалистической литературы), предпочитая действовать методами внесудебной расправы.

Дзержинский следующим образом объяснял эту ситуацию в циркуляре от 1 мая 1920 года:

«Мы живем в эпоху, когда классовая борьба буржуазии и преступного мира против нас не приняла еще таких форм, когда всякое преступление мы можем карать только путем судебного воздействия или когда всякое преступление настолько дает возможность точно себя определить, что мы безбоязненно можем отдать его на гласное рассмотрение с уверенностью, что преступник будет наказан ... Вот почему закон дает ЧК возможность административным порядком изолировать тех нарушителей трудового порядка, паразитов и лиц, подозрительных по контрреволюции, в отношении коих данных для судебного наказания недостаточно, и где всякий суд, даже самый суровый, их всегда или в большей части оправдает».

Не менее откровенно эту же мысль в январе 1922 года высказал заместитель Дзержинского Уншлихт в переписке с Лениным по проектам реорганизации ВЧК:

«Есть целый ряд дел, по которым в трибуналах из-за отсутствия фактического материала будут вы-

¹ РЦХИДНИ, ф.17, оп.112, д.309, л.40.

несены оправдательные приговоры, в то время как у нас имеется агентурный материал вполне достаточный для строгого приговора вплоть до высшей меры наказания. По отношению к деятелям антисоветских партий при известной обстановке на территории всей республики или в отдельных частях необходимо применять те или другие репрессии, не имея против них конкретных материалов. Все это выполнимо лишь в административном порядке»¹.

Итак, «применять репрессии», не имея «конкретных материалов». Подобное могла творить только власть, которая по природе своей преступна. В сущности, на этих принципах строилась вся «правовая система» большевизма.

Курс на искоренение социалистического инакомыслия требовал постоянных изменений в структуре карательных органов. С 1919 года в составе секретных отделов губчека начинают действовать специальные «уполномоченные по левым социалистическим партиям», призванные выявлять социалистов и внедрять свою агентуру в их ряды. С 1920 года этим занимались уже целые группы чекистов.

Эсеры и меньшевики, докладывая в Москву тюменский чекист в январе 1920 года, «как уязвленные звери, не могут примириться с соввластью и всячески стараются сгруппироваться в один антисоветский лагерь. Признавая свое поражение, свою отсталость в деле достижения побед и осуществления полного социализма, они под разными фигурными листами стараются завоевать симпатии к себе рабочих масс. Для достижения и осуществления своих преступных целей они прибегают к разного рода пробным приемам, которые везде учитываются всевидящим оком Чека и ликвидируются в самом зародыше»².

Для борьбы против «антисоветских» партий, писал на места Ксенофонтов в октябре 1919 года,

¹ РЦХИДНИ, ф.5, оп.1, д.2558, л.50.

² ЦА ФСБ РФ. Особый фонд, д.Н-8, т.1а, л.64—64 об.

«надо создать гибкий и прочный информационный аппарат, добиваясь того, чтобы каждый коммунист был вашим осведомителем (выделено мною. — А.Я.)»¹. Опыт борьбы с контрреволюцией из лагеря социалистов показал, говорилось в другом циркуляре ВЧК, что только «при условии проникновения наших сотрудников в ту или иную организацию удавалось... произвести аресты в любой благоприятный для нас момент»².

Репрессии против социалистов и их травля не прекращались и после окончания Гражданской войны. В феврале 1921 года политбюро приняло новое постановление об очередном «усилении арестов меньшевиков и эсеров»³, для чего вскоре подвернулся и «удобный» повод — восстание в Кронштадте в марте 1921 года. Под предлогом участия социалистов в кронштадтских событиях ВЧК приступила к массовой ликвидации их организаций по всей стране, которая продолжалась непрерывно до августа того же года. Весной 1921 года в Москве ВЧК учинила разгром ЦК партии эсеров. Тогда же в полном составе были арестованы МК и ЦК РСДРП, ликвидированы меньшевистские группы в Самаре, Саратове, Екатеринбурге, Пскове, Ростове-на-Дону, Одессе и других городах⁴.

В июне 1921 года, в разгар арестов, подоспел и декрет ВЦИК, по которому ЧК получала право лишать социалистов свободы сроком до 2-х лет без направления дела в суд лишь по признаку принадлежности к той или иной соцпартии. По данным военной прокуратуры, число меньшевиков, сосланных по этому декрету, превысило 550 человек. Подобный же декрет был повторен 10 августа 1922 года. Специальная комиссия при НКВД, в которую номинально входило ОГПУ, получила право высылать деятелей антисоветских партий, а в местах

¹ См.: Сборник циркуляров и распоряжений ВЧК-ОГПУ 1919—1924. Т.3. Ч.1. С.32

² Там же. С.60—61.

³ АП РФ, ф.3, оп.59, д.15, л.6.

⁴ ЦА ФСБ, ф.1, оп.5, д.334, л.3.

ссылки заключать их в лагеря принудительных работ на срок до 3-х лет¹. Согласно разъяснению президиума ВЦИК от 22 ноября того же года, эта мера могла быть распространена также и на подозреваемых в совершении «контрреволюционных деяний».

Шаг за шагом Ленин добрался и до собственной партии. С 1 августа 1921 года началась кампания «чистки» РКП, решение о которой было принято еще на X партсъезде. В числе 4 категорий партийцев, подлежащих «особой проверке», первыми были бывшие члены других партий, вступившие в РКП(б) после 1917 года. Среди них особое внимание предлагалось обратить на бывших меньшевиков и членов других «мелкобуржуазных» партий². В результате «чистки» 1921 года из РКП(б) по этому признаку было исключено свыше 6 тысяч человек. Окончательное очищение коммунистических рядов от «прилипчивой болезни меньшевизма» произошло позднее.

К концу 1921 года резко упала численность РСДРП. Так, если осенью 1917 года в социал-демократической партии насчитывалось до 200 тыс. членов, то к осени 1921 года в ней состояло всего 4 тысячи³. «Скоро год, как наша партия находится в осадном положении и сотни наших товарищей наполняют тюрьмы России, — отмечалось в воззвании МК РСДРП. — Бутырка и Таганка в Москве, бывшие каторжные тюрьмы в Орле, Ярославле, тюрьмы Рязани и Владимира, Ростова-на-Дону и Харькова, тюрьмы-чрезвычайки во всех углах советской России заполнены арестованными социалистами, долгие месяцы просидевшими без предъявления обвинения и многие даже без допроса»⁴.

Нелегальная и закордонная социалистическая печать периодически сообщала о фактах истязаний

¹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 12.

² РЦХИДНИ, ф. 17, оп.112, д.310, л.3.

³ РЦХИДНИ, ф. 5, оп.1, д.2576, л.11.

⁴ Там же, л.38.

заклученных (избиение в Бутырской тюрьме в ночь на 26 апреля 1921 года, расстрел соловецких «сидельцев» в декабре 1923 года и т. д.). Сами эти факты властями бесстыдно отрицались. В мае 1921 года в ответе на запрос Гомельской губчека относительно инцидента в Бутырках Менжинский и Самсонов сообщили, что никакого избиения не было, и предложили «принять самые решительные меры против лиц, распространяющих эти ложные слухи»¹. В мае 1921 года в Архангельский концлагерь направили врача, который сообщил о факте избиения заключенных меньшевиков и эсеров в Бутырках. За что и поплатился. В лагере свирепствовала эпидемия тифа, но врача заставили заниматься выгрозкой нечистот².

Сигналом к началу массовых репрессий против анархистов послужило секретное циркулярное письмо ЦК РКП(б) губкомам, утвержденное политбюро 16 апреля 1921 года. Анархистов обвиняли в поддержке лозунгов Кронштадта, «разжигании недовольства» в рабочей и крестьянской среде, стремлении идейно «разложить» армию. «РКП, проводящая диктатуру пролетариата, — подчеркивалось в письме, — ни в коем случае не может делать исключения для тех групп, которые под флагом анархизма прикрывают самые контрреволюционные тенденции движения. Поэтому ЦК РКП одобряет линию органов советской власти, которые в ответ на контрреволюционную деятельность анархистских групп вынуждены прибегнуть к значительному ограничению свободы деятельности этих групп»³.

Карательные органы с энтузиазмом откликнулись на призыв партии. Весной—летом 1921 года прошли массовые аресты анархистов разных направлений: Свободной ассоциации анархистов, анархистов-коммунистов (карелинцев). Разгром, произведенный в марте 1921 года, покончил с Российской конфедера-

¹ РЦХИДНИ, ф.17, оп.84, д.273, л.85.

² Там же, ф.5, оп.1, д.2578, л.15.

³ АП РФ, ф.3, оп.59, д.29, л.44—47.

цией анархистов-синдикалистов и московским Рабочим союзом анархистов. В августе 1921 года властями была начата серия запретов журнала анархистов-кропоткинцев «Почин». В ночь с 1 на 2 ноября в Москве произведены аресты анархистов-универсалистов, разгромлены созданные ими коммуны, после чего работа этой организации замерла.

В январе 1922 года политбюро ЦК приняло решение об упразднении ВЧК и создании ОГПУ — политического управления НКВД, вся работа которого должна быть сосредоточена, говорилось в постановлении, «на постановке осведомления, внутренней информации и извлечении всех контрреволюционных и антисоветских деяний во всех областях»¹. Своим острием деятельность вновь созданного органа направлялась на борьбу с антибольшевистскими, в первую очередь — социалистическими, партиями. Да и постановление политбюро было разработано специальной комиссией «по эсерам и меньшевикам», образованной в конце 1921 года².

Репрессиями против социалистов и анархистов занималось 6 из 10 подразделений ОГПУ. В рамках важнейшего и крупнейшего управления ОГПУ — Секретно-оперативного — функционировал секретный отдел, имевший в своем составе специальные номерные подразделения (1-е отделение — анархисты, 2-е — социал-демократы и близкие им группировки, 3-е — социалисты-революционеры и т. д.)³. От ВЧК был унаследован и институт «референтов» — специалистов по истории и современной практике соцпартий.

Опыт борьбы с анархистами в 1921 году лег в основу нового циркулярного письма ОГПУ (июль 1922 года). Русский анархизм, названный «идеологией люмпен-пролетариата» и «не имеющей ничего общего с борьбой рабочих за социализм», обвинялся в намерении установить «беспощадную диктатуру

¹ АП РФ, ф.3, оп.59, д.16, л.4.

² Там же, л.1,2.

³ РЦХИДНИ, ф.5, оп.1, д.2558, л.41—45.

кулачества над пролетариатом и беднейшим крестьянством» и в организации «заговорщических шаяк». Предлагая местным органам ОГПУ по-прежнему вести беспощадную борьбу с анархистами, Туркуляр вместе с тем констатировал, что одних арестов недостаточно, и только «внутреннее осведомление может действительно парализовать работу анархистов».

В тюрьмах северных губерний, в тех тюрьмах, которые называются концентрационными лагерями, так же как и в тюрьмах других губерний и города Москвы, писал в ЦК РКП(б) в феврале 1923 года патриарх русского анархизма А. Карелин, «заключены по распоряжению бывшей ЧК и ОГПУ десятки анархистов-коммунистов и анархистов. Часть анархистов сослана в дальние города. Так как заключенные в тюрьмах и административно высланные анархисты ни в чем по своим убеждениям и образу действий не отличаются от анархистов Западной Европы, которые не преследуются даже буржуазными правительствами, так как никто из них не думал и не думает о захвате правительственной власти, так как все они сосланы или заключены в тюрьмах административным порядком, то я... точно зная, что в их рядах на севере свирепствует чахотка, зная о тех страданиях и лишениях, которым они подвергаются, ходатайствую перед ЦК РКП(б) об освобождении всех названных заключенных»¹.

Просьба Карелина была оставлена «без последствий».

Аресты анархистов продолжались и в последующие годы (например, в Москве в октябре 1924 и мае 1925 годов²). Основные анархистские организации в России окончательно распались. В индивидуальном плане последние крупные аресты среди них производились в 1929—1930 годах, когда за решетку были отправлены А.Андреев, В.Бармаш, Н.Рогдаев и другие остававшиеся на свободе анархисты разных толков.

¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп.84, д.546, л.1—1об.

² АП РФ, ф.3, оп.59, д.29, л.223, 224.

Существовала и практика высылки социалистов за границу без права возвращения на родину. Еще в 1920—1921 годах власти охотно расставались с теми социалистами и анархистами, которые по тем или иным причинам выезжали за рубеж (летом 1920 года получили разрешение на отъезд по партийным делам Мартов и Абрамович, в 1921-м уехали меньшевик Далин, анархисты Аршинов (Марин), Волин, Шапиро и др.). На ходатайство левых эсеров отпустить в заграничную поездку Штейнберга политбюро ЦК РКП(б) ответило: «разрешить, обратно не впускать»¹. Но уже в 1924 году политбюро отвергло проект комиссии под председательством главы Профинтерна С. Лозовского, выступившей с инициативой единовременной принудительной отправки за рубеж всех более или менее видных российских социалистов и анархистов, находившихся в тюрьмах и концлагерях (всего 1500 чел.)².

Особенно сильно волновали большевиков их бывшие единоверцы по партии — меньшевики, которые продолжали действовать в рамках социал-демократической партии. В архивах лежит немало постановлений политбюро от 1920—1923 годов, которые специально посвящены меньшевикам. В июне 1920 года всем наркомам было объявлено указание о том, чтобы «меньшевиков, работающих в комиссариатах и сколь-нибудь способных играть политическую роль, не держать в Москве, а рассылать по провинции»³. В июле того же года политбюро поручило ВЧК «разработать план расселения меньшевистских политических вождей для их политического обезврежения»⁴. Постановление «О меньшевиках», принятое в декабре 1921 года, гласило: «К политической деятельности их не допускать, обратив сугубое внимание на искоренение их влияния в

¹ Там же, д.14, л.53.

² Там же, д.18, л.58.

³ Там же, д.2, л.30.

⁴ Там же, л.26.

промышленных центрах... Самых активных высылать в административном порядке в непролетарские центры, лишив их права занимать выборные должности, вообще должности, связанные с общением с широкими массами»¹.

В январе 1922 года внешнеполитическому ведомству и его заграничным миссиям было запрещено принимать на службу как высланных меньшевиков, так и лиц, «как бы то ни было с ними связанных»². Во второй половине 1923 года специально созданной при ЦК РКП(б) секретной экзаменационно-проверочной комиссией была осуществлена «дочистка» всего состава Наркомата иностранных дел (НКИД) и Наркомата внешней торговли (НКВТ) и их заграничных учреждений от бывших членов социалистических партий, независимо от их профессиональных качеств и политических убеждений³. С этого времени во всех заграничных миссиях стали работать сотрудники ОГПУ для осуществления «внутреннего наблюдения» за настроениями совслужащих. Такая практика существует и до сих пор.

В марте 1922 года политбюро ЦК приняло решение о создании во всех советских учреждениях, кооперативах и профсоюзах «бюро содействия» ОГПУ — общественной (то есть не входившей в штатное расписание) организации для сбора интересующей ОГПУ информации о бывших социалистах и им сочувствующих. На места были разосланы единая «Анкета членов антисоветских партий» и инструкция по ведению их дел. Затем задача «уловления» социалистов была распространена на наркоматы, фабрики и заводы, транспорт, вузы (включая военные), армию, профессиональные организации.

В сентябре 1922 года секретный отдел ОГПУ потребовал от губернских отделов Управления произвести очередное повальное «изъятие» членов РСДРП. «Обыски произвести у всех как активных,

¹ Там же, л.55.

² Там же, л.80

³ РЦХИДНИ, ф.17, оп.112, д.564, л.65,76—77,135,237.

так и неактивных, а также и у сочувствующих. ...Арестованным предъявлять обвинение в принадлежности к партии меньшевиков и те контрреволюционные деяния, кои устанавливаются материалами, обнаруженными при обыске»¹.

То, чем руководствовалась охранка, производя аресты социалистов, ясно показывают заметки, оставленные чекистами на «ликвидационных списках» активных меньшевиков и бундовцев, взятых на учет губотделами ОГПУ: «человек пожилой, взять, чтобы заставить уйти из партии»; «выслать в русский район надо, это его на время обезвредит, а материально, может быть, и прибьет»²; «он единственная поддержка семьи, к которой очень привязан. Надо арестовать, отделить, сломать и завербовать»³.

Репрессии 1922 года практически разрушили партию социалистов-революционеров (ПСР). Кроме упомянутого московского процесса над ЦК ПСР, состоявшегося в июле—августе 1922 года, в декабре в Баку прошел суд по делу местных эсеров, обвиненных в поджоге нефтяных промыслов и подготовке «вооруженного выступления врангелевцев». По ходу следствия выяснилось, что дело сфальсифицировано с начала и до конца. Несмотря на это, политбюро ЦК РКП(б), проинформированное Кировым за два дня до окончания процесса, «не возражало» против вынесения пяти смертных приговоров⁴.

В связи с московским процессом над членами ЦК ПСР власти развернули очередную кампанию травли этой партии. Подготовка к процессу началась еще в конце 1921 года — с момента, когда пленум ЦК РКП(б) на заседании 28 декабря постановил «предрешить вопрос о предании суду Вер-

¹ ЦА ФСБ РФ, ф.2, оп.1, д.611, л.124.

² Речь идет о рабочем-еврее, почти не говорящем по-русски.

³ ЦА ФСБ, ф.1, оп.6, д. 323, л.18.

⁴ АП РФ, ф.3, оп.59, д.27, л. 1—23.

⁵ Там же, д.16, л.1.

ховного трибунала ЦК партии с.-р.»⁵. Тогда же была образована комиссия политбюро «по меньшевикам и эсерам», определены авторы книг по истории социалистического движения в России, выход которых в свет предполагалось приурочить к процессу¹. Первоначально планировалось, что в качестве авторов выступят члены политбюро — Каменев, Зиновьев, Троцкий, Бухарин. После того, как они все, ссылаясь на занятость, отказались, написание брошюр было поручено деятелям «второго ряда» — Луначарскому, Мещерякову, Вардину и др.

Итак, все шло по заведенному порядку. «Вождей» беспокоило только одно. В начале января 1922 года в Женеве созывалась международная экономическая и финансовая конференция с участием России. Реакция на эсеровский процесс могла быть очень сильной. «Вы сами соглашаетесь, что террор следует усилить, — писал Ленину Уншлихт 26 января 1922 года. — Если не мы, то ревтрибуналы будут расстреливать. Приговоры ревтрибуналов будут публичны. Количество их окажется настолько значительным, что [они] вызовут новый взрыв негодования наших врагов. А ведь уступки делаем ради них»². «Гласность ревтрибуналов — не всегда, — парировал доводы Уншлихта Ленин. — Состав их усилить «вашими» людьми... усилить быстроту и силу их репрессий»³.

Но из всех этих иезуитских планов ничего не получилось. Публикация 28 февраля 1922 года официального сообщения ОГПУ о предстоящем эсеровском процессе вызвала волну протестов в Западной Европе. В этой связи 18 марта политбюро приняло предложение Ленина обязать «всех товарищей, едущих за границу», вести «самую беспощадную борьбу» с меньшевиками и эсерами⁴. Попыткой сбить нараставшую волну возмущения на Западе была от-

¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп.60, д.31, л.3.

² РЦХИДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2558, л. 52.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.54. С.144.

⁴ Там же. Т.45. С.50.

правка в апреле С. Сосновского и К. Радека в Берлин для ведения «контрагитации против меньшевиков и эсеров». Аналогичное задание получил и находившийся там на лечении Ю. Ларин¹.

Надо сказать, что Ленин был весьма последователен в решении многих вопросов, особенно в проведении террора. Узнав о соглашении представителей трех Интернационалов, согласно которому советская сторона отказывалась от применения смертной казни по делу 47 эсеров и согласилась с присутствием на суде зарубежных наблюдателей, вождь пришел в ярость. 9 апреля он провел через политбюро директиву советской и партийной прессе дать резкую оценку берлинскому соглашению, «особенно подробно вскрывая точный факт фактической связи между эсерами и меньшевиками... и международной буржуазией»².

Через два дня, дополняя проект постановления исполкома Коминтерна об «усилении кампании против меньшевиков и эсеров во всей международной коммунистической печати», Ленин снова настоял на «подробном разъяснении» их связи «с общим фронтом помещиков и буржуазии против Советской власти»³. Сам Ленин, конечно же, превосходно понимал, насколько ложны были подобные обвинения. Прочитав в «Социалистическом вестнике» письмо Максима Горького французскому писателю Анатолию Франсу, в котором эсеровский процесс характеризовался как приготовление «к убийству людей, искренне служивших делу освобождения русского народа», Ленин заметил, что сначала думал было обругать Горького в печати, «но решил, что, пожалуй, это чересчур», и отмолчался⁴.

С 1922 года проклятия в адрес социалистов и требования расправы над ними стали непременным

¹ АП РФ, ф.34, оп.59, д.15, л.14.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С.140—144,145.

³ Там же. С.149,534.

⁴ Там же. Т. 54, с.279.

атрибутом всех общегосударственных праздников и юбилейных дат. Праздничные демонстрации по случаю 5-летней годовщины Октября было рекомендовано украшать лозунгами типа: «Пятилетие Октябрьской революции — это похоронный звон для эсеров, меньшевиков, всех лакеев капитала»¹.

В тезисах Агитпропа по случаю 5-летней годовщины ВЧК-ОГПУ (декабрь 1922 года), которые следовало обсудить во всех партийных организациях, в качестве особой заслуги органов отмечалась их беспощадная борьба с лжесоциалистами, которые «осмеливались срывать работу по укреплению достижений Великой Октябрьской революции»². В июле 1924 года в рамках объявленной Коминтерном «международной недели борьбы с опасностью новых войн и со 2-м Интернационалом» ЦК РКП(б) распорядился провести массовые демонстрации под лозунгом «Долой виновников войн капиталистов и их лакеев — соглашателей, меньшевиков и эсеров»³ и т. д.

Итоги борьбы с социалистами и анархистами были подведены на XII партконференции, которая проходила в решающие дни «большого» эсеровского процесса в Москве и явилась кульминацией кампании травли социалистов, раздутой весной—летом 1922 года. Конференция требовала «в короткий срок окончательно ликвидировать партии эсеров и меньшевиков, как политические факторы»⁴. «В этом именно и состоит важнейшая задача РКП», — собственноручно отметил Сталин, дополняя проект резолюции «Об антисоветских партиях и течениях».

Не успели отгреть проклятия в адрес социалистов-революционеров, как большевики снова взялись за меньшевиков. Последние беспокоили боль-

¹ РЦХИДНИ, ф.17, оп.60, д.139, л.58.

² Там же, оп.112, д.439, л.101.

³ Там же, д.728, л.30.

⁴ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1936. Ч.1. С. 475.

ше других. Надо сказать, что политика большевиков в отношении меньшевиков не отличалась ни последовательностью, ни продуманностью. Но некоторые, хотя и незначительные, особенности существовали. На это я хочу обратить особое внимание и вернуться к истории отношений большевиков с бывшими единоверцами по партии. При общей политике вытеснения своих «братьев» из власти, чтобы подорвать их влияние в массах, а затем и уничтожить, все же иногда, по внешне необъяснимым причинам, большевики изображали готовность «терпеть» меньшевистскую часть социалистического инакомыслия. Только благодаря этому Российская социал-демократическая рабочая партия (объединенная), как с конца 1917 года стала официально именоваться организация меньшевиков, просуществовала малость подольше, чем другие соцпартии.

Как бы играя с меньшевиками в кошки-мышки, власть то начинала кампанию их травли, то допускала полуполицейскую деятельность РСДРП, с тем чтобы вскоре вновь продемонстрировать «пароксизм бешенства» (Ю. Мартов) по поводу самого факта ее существования. Большевики никогда не рассматривали меньшевиков в качестве серьезных претендентов на власть. Но даже робкие попытки меньшевиков выйти за рамки «тихой» оппозиции вызывали острое раздражение Ленина. Побаивался Ленин меньшевиков (они были гораздо грамотнее его), но своих действий не стыдился.

Немного истории. Весной—летом 1918 года правительство, как я писал выше, предприняло массивную атаку на представительства соцпартий и анархистов в Советах. «Арестовывали ораторов меньшевиков и эсеров, — описывало Бюро печати РСДРП ход избирательной кампании на выборах в Моссовет в марте—апреле 1918 года. — Назначали выборы неожиданно, в присутствии ничтожной кучки своих сторонников. В случае избрания меньшевиков добивались всякими правдами и не-

правдами новых выборов при участии меньшего количества избирателей... Трудно представить себе нечто более гнусное, более позорное и отвратительное, чем картина большевистской избирательной кампании», — заключали авторы меньшевистского доклада¹.

В официальных же выступлениях, рассчитанных на западное общественное мнение, вплоть до конца 1920 года меньшевики именовались пусть и «заблудшими», но все-таки «товарищами». Что же касается большевистских «низов», то, по мнению Ф. Дана, значительная их часть, «особенно большевиков-рабочих, в глубине души чувствовала, что в лице нашей партии преследуются наиболее сознательные, революционно настроенные рабочие и что эти преследования — неизгладимый позор для коммунистической партии»².

Конечно, снисходительное отношение к меньшевикам было весьма условным. Когда дело доходило до конкретных случаев, то каких-либо колебаний не проявлялось. Только один пример. В рабочем поселке Богородское Павловского уезда Нижегородской губернии на выборах весной 1919 года большинство в местном совете получили меньшевики. Игнорируя результаты выборов, совдеп старого (большевистского) состава продолжал осуществлять власть. 24 мая в поселке произошел голодный бунт, несколько коммунистов были растерзаны толпой.

Чтобы прекратить дальнейшее кровопролитие, власть взял в свои руки вновь избранный меньшевистский совет, которому удалось успокоить рабочих и таким образом спасти от гибели остальных коммунистов. Несмотря на это, карательный отряд, прибывший в поселок, арестовал всех меньшевиков. Они предстали перед судом ревтрибунала по обвинению в «контрреволюционном выступлении». По приговору трибунала 11 членов РСДРП были

¹ ЦГАМО, ф.66, оп.25, д.39, л.25—26.

² Дан Ф.И. Два года скитаний. Берлин, 1922. С.58.

приговорены к смертной казни с заменой на 15—20 лет принудительных работ с содержанием в тюрьме¹.

Невозможно указать ни одного сколь-нибудь заметного деятеля РСДРП того времени, который не подвергался бы обыскам и арестам, причем, как правило, по сфабрикованным обвинениям, а нередко и вообще без них. В 1919 году несколько месяцев в тяжелейших даже для того времени условиях провел за решеткой А. Потресов; в 1920—1921 годах неоднократно арестовывались Ф. Дан, братья Цедербаумы (один из них, Владимир, в 1920 году судился по делу «Национального центра», к которому не имел ни малейшего отношения, и был приговорен к расстрелу, замененному концлагерем до конца Гражданской войны), Н. Рожков, М. Либер, Б. Николаевский, Б. Бэр, В. Крохмаль, Б. Горев и многие другие.

Практически, война с меньшевиками открыто обозначилась сразу же после контрреволюционного переворота в 1917 году. Уже в мае 1918 года Яков Свердлов указал на «затруднения», чинимые меньшевиками, идущими «нога в ногу с саботажниками». С тех пор меньшевики прочно вошли в обойму ритуальных виновников, на которых правительство сваливало ответственность за свои провалы. Постановлением ВЦИК от 14 июня 1918 года представители РСДРП были исключены из состава советов всех уровней, и уже к осени этого года, по словам Мартова, положение партии стало «невыносимым»: ее пресса, местные организации уничтожены, «масса меньшевиков переарестована»².

21 июля 1918 года вместе с делегатами съезда («конференции») уполномоченных от рабочих в Москве были арестованы меньшевики, приглашенные на съезд в качестве гостей и наблюдателей (Р. Абрамович, Ю. Денике, М. Кефали, Г. Кучин-Оранский и др.). Ярость властей вызвало решение

¹ РЦХИДНИ, ф.17, оп.84, д. 42, л.7—13

² Письма Ю.О. Мартова. Бенсон. 1990. С.29—32.

этого чисто рабочего по составу органа добиваться прекращения «опытов социализации и национализации фабрик и заводов», бороться за низвержение советской власти и «восстановление демократического строя». Всем арестованным по этому делу грозила смертная казнь, от которой меньшевиков спасло лишь заступничество западноевропейских социалистов.

Как я уже писал выше, в ноябре 1918 года, в разгар «красного террора», РСДРП неожиданно вновь получает право работы в Советах, а значит, и возможность полулегального существования. В официальном разъяснении по этому поводу ЦК оправдывал данное послабление позицией, «занятой меньшевиками по отношению нашествия Антанты». Но легализованы были лишь те меньшевики, которые «определенно высказались против интервенции и за Советскую власть»¹. Действительно, в годы Гражданской войны большое число социал-демократов по партийной мобилизации было направлено в ряды Красной Армии. Всю Гражданскую войну прошел начальник штаба одной из дивизий, член Московского комитета РСДРП Стойлов, в 1921 году на польском фронте воевал член ЦК партии Кучин-Оранский.

Легализация 1918 года оказалась, однако, весьма кратковременной. Уже весной 1919 года были разгромлены Центральный и Московский комитеты РСДРП, закрыт центральный орган партии газета «Всегда вперед», а также газеты и журналы в Киеве и Харькове. Тогда же публикуется официальное извещение ВЧК, согласно которому арестованные меньшевики объявляются заложниками, чья судьба зависит от «поведения» партии. Усиливается и нажим на меньшевиков с целью склонить их к выходу из РСДРП. В 1919—1920 годах объявили о своем выходе Хинчук, Дубровинская, Виленский, Горев, чуть позднее — арестованный Рожков. В конце 1919 года в РКП(б) в полном составе влилась груп-

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С.157.

па меньшевиков-интернационалистов, вышедших из РСДРП еще в январе 1918 года и образовавших собственную партию; в 1922 году без лишнего шума социал-демократическую партию покинули члены ЦК Ерманский, Семковский, Плесков, Громан.

По оценке Д. Далина, на 9/10 подобные переходы были вызваны «шкурными или карьерными соображениями». Однако, как писал Мартов, некоторые «левели» искренне. Они считали, что, несмотря на все недостатки новой власти, большевики все-таки сделали заявку на построение социализма, а потому их демократизация неизбежна. По воспоминаниям очевидцев, подобные иллюзии почти до самой своей трагической кончины разделял С. Ежов. Наконец, среди «перебежчиков» были и такие, кто, идя на сотрудничество с большевиками, не совершал никакого идейного перерождения, а, напротив, руководствовался стремлением сохранить «масло» подлинного марксизма в «лампе» большевистского, то есть вульгаризованного, марксизма.

В 1920 году репрессии против «русских каутскианцев» вновь усилились. В Одессе, Гомеле, Николаеве меньшевистские фракции были исключены из состава Советов на первых же заседаниях (в Николаеве — по поводу отказа меньшевиков голосовать за Ленина при выборах «почетного президиума»); в Киеве — сфабрикован процесс против 10 меньшевиков по обвинению в «содействии Деникину» (главный пункт обвинения — посылка местными профсоюзами профсоюзам Европы меморандума с критикой большевистского режима); в Москве распущен Союз печатников, в котором меньшевики пользовались влиянием, и закрыты оба партийных клуба; разгромлены организации РСДРП в Самаре (в связи со всеобщей стачкой), в Омске (за выпуск нелегального воззвания), в Туле (в связи с забастовкой). Массовые аресты прошли в августе 1920 года в Москве. Кстати, амнистия, объявленная ВЦИК по случаю 3-летней годовщины Октябрьской революции, на членов РСДРП не распространялась.

«Бешеная» и «кроважно-бесстыдная», по словам Мартова, кампания против меньшевиков, сопровождавшаяся массовыми обысками и арестами наиболее активных членов их партии, кампания, «спровоцированная» рядом частных успехов РСДРП на выборах в местные советы в 1919—1920 годах. Например, на выборах 1920 года меньшевики получили 46 мандатов в московском совете, 205 — в харьковском, 120 — в екатеринославском, 78 — в кременчугском (при 62-х, полученных большевиками) и т. д.¹

Для характеристики настроений рабочих этого времени интересен следующий эпизод. В ходе той же избирательной кампании 1920 года на одном из химических заводов Петрограда, по свидетельству Мартова, против него была выставлена кандидатура Ленина. В итоге открытым голосованием Ленин набрал 8, а Мартов — 76 голосов. Ленин очень обиделся на своего самого близкого друга молодости. Узнав о том, что на выборах в Моссовет меньшевики получили более 40 мест (из 1532), Ленин немедленно распорядился «задавить» их невыполнимыми поручениями: «Дан — санучастки, Мартов — контроль за столовыми»². В мае этого же года политбюро РКП рекомендовало Моссовету вообще «исключить тех членов фракции меньшевиков, которые не заявят о своем несогласии с теми меньшевиками, которые арестованы за провокацию к забастовке»³.

В 1921-й год РСДРП вступила сильно ослабленной. Продолжала неуклонно падать численность партии. Так, если на выборах в Учредительное собрание еще при Керенском меньшевистский список собрал в Москве 21 тысячу голосов (не считая тех, что были поданы за плехановскую группу «Единство»), то в 1921 году перерегистрация столичных партийцев дала цифру всего в 300 человек.

¹ Письма Ю.О. Мартова. С.55—56.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.51. С.150.

³ РЦХИДНИ, ф.17, оп.3, д.84, л.1.

В целом же в РСДРП, насчитывавшей осенью 1917 года в своих рядах до 200 тысяч членов, к этому времени состояло всего несколько тысяч человек. Отъезд за границу партийных лидеров (в 1920 году — Ю. Мартова, в 1921 году — Д. Далина, в 1922 году — Ф. Дана и др.) значительно углубил начавшийся кризис.

Казалось бы, большевики добились своего. Репрессии против поверженного противника должны были прекратиться. Но и эти надежды оказались ошибочными. Фактически, с 1922 года вся деятельность меньшевиков, а следовательно, и само их существование, ставится вне закона. В этих условиях партии ничего другого не оставалось, как уйти в подполье, что и произошло осенью 1922 года по решению совещания представителей местных организаций РСДРП. Поскольку избранные в свое время на съезде руководящие партийные органы к этому моменту прекратили существование, было создано путем кооптации Бюро ЦК во главе с бежавшим из среднеазиатской ссылки Г. Кучиным-Оранским.

И тем не менее Ленин опасался появления у меньшевизма «второго дыхания». Видимо, поэтому он выступил в 1922 году инициатором очередного антисоциалистического похода. За внешне незначительным событием — полемикой 18-летнего студента-меньшевика Л. Гурвича с Л. Троцким на конференции молодежи по проблемам нэпа вождь увидел опасный признак жизнеспособности уже, казалось бы, умирающего меньшевизма и роста его влияния в молодежной среде.

«Я не сомневаюсь, — писал он Троцкому, — что меньшевики усиливают теперь и будут усиливать свою самую злостную агитацию. Думаю поэтому, что необходимо усиление и надзора, и репрессий против них. Я говорил об этом с Уншлихтом... Было бы, может, чрезвычайно полезно, если бы вы пошли в открытый бой в печати, назвали этого меньшевика, разъяснили злостный бе-

логвардейский характер его выступления и обратились с внушительным призывом к партии подтянуться»¹.

Обратите внимание, читатель, сколько злобы в этих строках. Ленин, которого иногда считают умным человеком, так и не нашел других методов борьбы за свои убеждения, кроме насилия, «надзора», «репрессий».

Указание Ленина было тут же подхвачено чекистами. Уже в марте 1922 года Уншлихт докладывал «вождю мирового пролетариата», что «в связи с усиленной работой Союза молодежи меньшевиков секретный отдел ОГПУ считает, что против его вредной деятельности необходимо принять ряд предупредительных репрессивных мер»².

Эти меры дали столь обильный «урожай», что на заседании политбюро 20 марта было принято решение о подготовке «гласного суда над с.-д. молодежью»³. Но рассмотрение добытого материала специально созданной комиссией показало, что «основывать на этом политический процесс нецелесообразно». Поэтому 20 апреля 1922 года политбюро отменило собственное постановление и согласилось с мнением комиссии «ограничиться применением в данном случае административной ссылки»⁴.

Ленинские инструкции получили и суды: «За публичное доказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды», — заявил Ленин в марте 1922 года в речи на XI съезде РКП(б)⁵. Через два месяца, дополняя проект Уголовного кодекса РСФСР, он же писал Д. Курскому: «По-моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)... ко всем видам деятельности меньшевиков, эсеров и т. п.; найти формулировку, ставя-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.54. С. 130—131.

² РЦХИДНИ, ф.5, оп.1, д.2578, л.23.

³ АПРФ, ф.3, оп.59, д.2, л.94.

⁴ Там же, л. 125.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 89.

щую эти деяния в связь с международной буржуазией и ее борьбой с нами...»¹

В результате в первом советском Уголовном кодексе 1922 года появилась «знаменитая» 58-я статья, каравшая высшей мерой наказания за «деяния», сформулированные в нарочито кашеобразной манере (не только за «организацию в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжений на советскую территорию вооруженных отрядов или банд», но и за «участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре или на местах»²). Кстати, в Уголовном кодексе 1927 года 58-я статья имела уже 18 пунктов, из них 13 — «растрельных».

В декабре 1922 года политбюро постановило «удалить меньшевиков из всех государственных, профессиональных и кооперативных учреждений, начав «чистку» в первую очередь с тех учреждений, где меньшевики имеют возможность соприкоснуться с рабочей массой»³. Одновременно ОГПУ получало право заменять административную ссылку заключением в лагеря для тех «активных» меньшевиков, в отношении которых «нет данных для предания их суду». Чтобы положить конец ходатайствам за меньшевиков от видных членов РКП, в 1923 году было принято решение привлекать таких ходатаев к партийной ответственности. Аналогичное наказание предусматривалось для руководителей тех советских учреждений, где работали «хотя бы отдельные меньшевики»⁴.

Попав в лапы ОГПУ, социалист редко имел возможность выйти на свободу даже по окончании срока наказания. Достаточно было заключения следователя о «нецелесообразности» разрешения ему «свободного проживания», чтобы Особое со-

¹ Там же. С.189.

² Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях ... С.13—14.

³ АП РФ, ф.3, оп.59, д.3, л.56.

⁴ Там же, л.78.

вещание при коллегии ОГПУ заочно осудило заключенного на новый срок концлагеря или ссылки. Для многих ссылка становилась фактически вечной.

В 1923—1925 годах основным местом заключения социалистов были соловецкие лагеря особого назначения, хотя значительные группы эсеров, меньшевиков и анархистов содержались также в тюрьмах Москвы, Владимира, Ярославля, Екатеринбурга, Суздаля. Первоначально социалисты пользовались льготным «политрежимом», предусматривающим освобождение от принудительных работ и от ряда унижительных тюремных процедур, они имели институт собственного «старостата». Но приказом Ежова в феврале 1937 года во всех тюрьмах особого назначения НКВД, в которых содержались особо опасные государственные преступники, вводился единообразный порядок, основанный на строжайшей изоляции всех заключенных¹. Со всеми послаблениями было покончено. Помимо членов соцпартий, к категории «особо опасных государственных преступников» были тогда же приравнены участники террористических, фашистских и повстанческих групп, шпионы и диверсанты.

В 1930 годы прекратили существование все научные, культурные и общественные организации, имевшие к тогдашним социалистам и анархистам хотя бы косвенное отношение: Всероссийский общественный комитет по увековечению памяти П.А. Кропоткина (закрит в 1934 году), Общество бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев с его 50 филиалами и издательством (1935 год), Общество старых большевиков (1935 год), политический Красный Крест (1937 год) и др. Еще раньше — в 1920 годы — было покончено с частными и кооперативными издательствами, выпускавшими литературу по истории социалистического и анархического движения («Задруга», «Колос», «Голос труда» и др.).

В 1930-е годы охранка стала повсеместно «обна-

¹ АП РФ, ф.3, оп.58, д.166, л.104—105,108.

руживать» и ликвидировать так называемые глубоко законспирированные центры эсеровского и меньшевистского «подполья»: в 1933 году — в Москве, Ленинграде, Севастополе, на Украине — в Харькове, Донбассе, Киеве, Днепропетровске и т. д.¹; в 1934 — в Иваново, Ярославле²; в 1935 — в Казани, Ульяновске, Саратове, Калинин³; в 1936—1937 годах — в Свердловской, Воронежской, Куйбышевской, Московской и других областях⁴.

Общее число арестованных по этим сфабрикованным делам составило несколько тысяч человек, в большинстве своем бывших членов социалистических партий. Им предъявлялись стандартные обвинения в саботаже, вредительстве, антисоветской агитации и подготовке к массовым контрреволюционным и террористическим выступлениям. В 1937 году вспомнили об эсерах, уже долгие годы находившихся в ссылке. Ежов предложил подвергнуть их новому аресту⁵. Получив одобрение ЦК ВКП(б), он провел очередную кампанию, в результате которой за решеткой оказалось еще около 600 человек⁶.

Вторая половина 1937 — начало 1938 годов прошли под знаком новой волны «обезврежения» органами НКВД никогда не существовавших организаций типа «Всесоюзный эсеровский центр», или «Бюро ПСР Восточной Сибири»; были сфабрикованы многочисленные «заговоры» эсеров в блоке с меньшевиками, «правыми» (бухаринцами), троцкистами и белогвардейцами, замышлявшими якобы свержение советской власти и террористические акты против «вождей».

Широко распространилась практика арестов не только собственно членов соцпартий, но и их близких родственников, в первую очередь — жен, в

¹ АП РФ, ф.3, оп.59, д.21, л. 1,16, 19.

² Там же, л.57-58,87.

³ Там же, л.100,103—104.

⁴ Там же, д.22, л.2.

⁵ Там же, л.1.

⁶ Там же, д.23, л.1.

большинстве своем не имевших к политике никакого отношения. Обычным приговором «тройки» для арестованных жен и родственников было 10 лет тюрьмы и 5 лет поражения в правах.

Не выдержав многолетних гонений, все новых и новых арестов и пыток на допросах, даже самые стойкие стали оговаривать себя или писать покаянные письма. В 1937 году под пыткой дал «откровенные» показания член ПСР с 1901 года, член ЦК партии Гоц. Он был приговорен к 25 годам лишения свободы, в августе 1940 года умер в Красноярском лагере. В 1935 году написал покаянное письмо член РСДРП с 1907 года, член ЦК этой партии Кучин-Оранский, к тому времени уже 11 лет находившийся в тюрьме или ссылке.

В 1935 году скончался в ссылке один из руководителей Петроградского комитета РСДРП М. Назарьев (Петров); около 1938 года умер в лагере делегат V съезда РСДРП Э. Ашпиз; в 1938 году погиб в заключении видный экономист и историк, товарищ министра труда коалиционного Временного правительства старейший социал-демократ П. Колокольников; 4 октября 1937 года расстрелян старейший социал-демократ Либер (Гольдман); в 1938 году расстрелян меньшевик Ф. Череванин; в феврале 1939 года — меньшевик С. Ежов; умер на допросе Б.Н. Бэр.

Список погибших нескончаем. Из всех, привлеченных к суду по «большому» процессу ЦК партии эсеров в 1922 году Сталина пережил лишь один (А. Альтовский, умер в 1975 году). За редчайшими исключениями (А. Вышинский, И. Майский, В. Копп) в эти же годы были репрессированы и те социалисты, которые порвали со своими партиями еще в годы Гражданской войны и с тех пор верно служили режиму (например, бывший левый эсер комдив Ю. Саблин, бывший эсер-максималист командарм Р. Эйдеман, бывший меньшевик, член президиума ВЦИК Л. Хинчук). Осенью 1941 года в Медведевском лесу под Орлом в числе 157 расстре-

лянных заключенных были левые эсеры Спиридонова, Измайлович, Майоров, максималист Нестров и эсер Тимофеев.

Чудовишно, но даже в послевоенное время вожди боялись своих бывших «братьев» по захвату власти в 1917 году. Постановлением Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 года за № 416-159сс условия лагерного содержания особо опасных государственных преступников были ужесточены до крайности. Их использовали исключительно на тяжелых физических работах и в тяжелых климатических условиях; для них был установлен 10-часовой рабочий день, «камерное» содержание в бараках, особая форма с номерами на спине и головном уборе. После отбытия срока наказания заключенные особых лагерей направлялись на пожизненную ссылку в отдаленные районы под надзор органов МВД¹.

В августе 1953 года, то есть после смерти Сталина, в постановление от 1948 года были внесены «частичные изменения». Но они не изменили статус меньшевиков и эсеров как «особо опасных государственных преступников». К концу 1953 года в особых лагерях и особых тюрьмах (Владимирской, Верхне-Уральской и Александровской) троцкистов, «правых», меньшевиков и эсеров оставалось менее 2 тысяч². Но и они, инвалиды и дряхлые старики, продолжали вызывать патологическую ненависть режима.

¹ Там же, оп.58, д.168, л.128.

² Там же, д. 169, л. 4

КРЕСТЬЯНСТВО

Произвол власти в условиях послевоенной разрухи и голода сказался прежде всего на крестьянах. Во-первых, у них был хлеб, который надо было отнять, а во-вторых, крестьяне автоматически считались противниками нового режима, ибо, согласно марксистской догме, постоянно воспроизводили мелкобуржуазный мир и его частнособственническую психологию.

Сразу же после октябрьской контрреволюции 1917 года большевики начали политику экономического удушения крестьян: продразверстка, запрещение свободной торговли, принудительные трудовые повинности (гужевая, лесозаготовительная и т. д.). Но вскоре, уже с середины 1918 года, началась прямая военная атака на деревню. Здесь орудовали вооруженные отряды, которые имели на вооружении артиллерию, броневики и даже аэропланы. Они занялись упрочением «социалистических» порядков в деревне, по сути же — государственным мародерством, беспощадным подавлением любого крестьянского недовольства.

Уже в мае 1918 года, то есть еще до официального начала «красного террора», ревтрибуналы (наряду с органами ВЧК) получили право вынесения

смертных приговоров тем, кто отказывался отдавать свой хлеб продовольственным отрядам.

Кроме отрядов продовольственной армии, в значительной мере укомплектованных деклассированными горожанами, кроме формирований ВЧК, войск внутренней охраны (ВОХР) и регулярных частей РККА, с августа 1918 года в деревне начинают оперировать подразделения Военпродбюро (уборочные и уборочно-реквизиционные отряды) общей численностью свыше 20 тыс. человек, а с весны 1919 года — еще и отряды частей особого назначения (ЧОН) — «партийной гвардии», созданной по решению ЦК при губернских и уездных партийных комитетах «для оказания помощи органам советской власти по борьбе с контрреволюцией» (в 1921 году кадровый состав — около 40 тыс. человек).

Сама Красная Армия, по словам Ленина, на 9/10 была создана «для систематических военных действий по завоеванию, отвоеванию, сбору и свозу хлеба и топлива»¹. Обратите внимание: для систематических военных действий. Разрабатывая свой «план движения с пулеметами за хлебом»², большевики преследовали в основном политические цели. Их заверения о вынужденности этого шага из-за голода являлись не более чем ширмой.

Комитеты бедноты, учрежденные декретом ВЦИК от 11 июня 1918 года, были призваны помогать продовольственным органам в изъятии хлеба и, самое главное, разжечь гражданскую войну в деревне. Провозглашая эти комитеты опорой своей крестьянской политики, большевики взяли курс на сближение с деклассированными элементами крестьянского общества, с теми, кто жаждал делить чужое добро и пропивать его, но самим не работать.

В моей деревне Королево Ярославского района и области был, как и в других деревнях, такой вот активист, Федор Судаков. В Гражданскую войну он возглавлял комбед. Я помню его в колхозные

¹ Ленинский сборник. Т. 18. С. 93—94.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С.86.

времена. Никто и никогда не видел Судакова работающим. За него горбатилась жена, горемычная труженица. Ее единственным утешением было «дубасить» мужа чем попало, когда его приволакивали домой вдрызг пьяного. А выпить он любил, понятно, за чужой счет. Да еще любил митинговать, будучи даже в одиночестве. Ходил по деревенской улице и горланил: «Мы (то есть бедняки) вас (тоже бедняков — у нас в деревне других не было), мироедов, до конца добьем». Пока он выражался абстрактно, проводил «партийную линию» только словами, на него смотрели, как на клоуна, — какая-никакая, а все-таки забава. Но смеху приходил конец, как только Судаков переходил на имена. Вот тогда выходил на улицу кто-нибудь из мужиков помассажировать физиономию «идейного бойца». Мы, мальчишки, смотрели на эти представления с огромным любопытством. Как-никак, классовая борьба в обнаженном виде.

Рвань, подобная Судакову, правила бал в деревне. Из них отбирали осведомителей, которые, кстати, хвастались, когда упьются, своим «особым положением» и возможностью «упечь» куда следует любого из деревенских. Хорошо, что крестьяне знали об этих пройдохах и сторонились их, а по престольным и советским праздникам нещадно били.

Осенью 1918 года комбеды, к тому времени ставшие «вершителями всей политической, административной и хозяйственной жизни села или волости»¹, были реорганизованы в сельские Советы, ставшие еще более непреклонными проводниками политики власти.

Позднее большевистские лидеры частенько лицемерили относительно «перегибов на местах» при взимании продразверстки и других творимых в деревне беззаконий. Однако от фактов никуда не денешься. Подлинным вдохновителем похода на де-

¹ Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов, Стен. отчет. М., 1919. С. 17.

ревню была верхушка партии и в первую очередь Ленин, публично поклявшийся «скорее лечь костью», чем разрешить свободную торговлю хлебом¹. Глава правительства направо и налево раздавал поистине каннибальские указания. «Беспощадная война против кулаков! Смерть им!» — инструктировал он продотрядовцев.

«Беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь». «Необходимо с величайшей энергией, быстротой и беспощадностью подавить восстание кулаков, взяв часть войск из Пензы, конфискуя все имущество восставших кулаков и весь их хлеб»², — предписывал он пензенским властям. В августе 1918 года Ленин выступил инициатором назначения заложников из «кулаков, мироедов и богатеев», отвечающих жизнью «за точное, в кратчайший срок исполнение наложенной контрибуции»³.

В результате крестьяне были поставлены на грань вымирания. По сообщениям из Тамбовской губернии, в ряде волостей Усманского, Липецкого, Козловского, Борисоглебского уездов «ели не только мякину, лебеду, но и кору, крапиву»⁴. Катастрофическим было положение крестьян и в других губерниях. В докладе Главкома Сергея Каменева (октябрь 1920 года) говорилось о толпах голодных крестьян в Воронежской и Саратовской губерниях, просивших у местных властей выдачи хотя бы части зерна со ссыпных пунктов. Зачастую, пишет Каменев, «эти толпы расстреливались из пулеметов»⁵.

Другим итогом войны с крестьянами явилось массовое сокращение посевов и падение урожайности, что, однако, не повело к сокращению введенной в январе 1919 года продразверстки. Напротив,

¹ VIII съезд РКП(б). Стен. отчет. С. 407.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.37. С.41; Т.50. С.137,142,143—144.

³ Там же. С. 144—145.

⁴ ГАРФ, ф.8415, оп.1, д.128, л.5.

⁵ РГВА, ф.6, оп.12, д.194, л.6.

если в 1918—1919 годах государством было вывезено из деревни 107,9 млн. пудов хлеба, то накануне года 1921—22 годов — вдвое больше (212 млн. пудов). При этом с конца 1920 года продрозверстка не ограничивалась хлебом, а была распространена практически на все сельхозпродукты, а в некоторых областях (например, на Кубани) — и предметы крестьянского быта (горшки, подушки, вилки и т. п.).

К опустошению деревни, развалу крестьянских хозяйств приводила деятельность не только продотрядов, но и отрядов по борьбе с дезертирством, поскольку шла насильственная мобилизация крестьян в Красную Армию. Пойманных расстреливали или заключали в концлагеря и тюрьмы. При этом их имущество, а также имущество семей, заподозренных в укрывательстве дезертиров, конфисковывалось.

Кажется, терпение крестьян подходило к концу. Доведенные до отчаяния, они стали громить помещения продорганов, избивать коммунистов, продработников. К концу 1921 года крестьянские выступления становились все более массовыми, а столкновения с воинскими отрядами — все более ожесточенными. По неполным данным, в 1918 году в целом по стране таких восстаний было 245, за первые 7 месяцев 1919 года — около 100. В начале 1921 года, когда крестьянская война достигла своей кульминации, восстаниями было охвачено 118 уездов России.

В местностях, как утверждали власти, особо «зараженных бандитизмом», вводятся чрезвычайные органы управления — уездные политкомиссии, сельские и волостные ревкомы. В ЦК РКП(б) поступают предложения рассматривать эти районы как территорию, «занятую неприятелем», и «приравнять в смысле важности и значения к внешним фронтам... периода гражданской войны»¹.

Обычной практикой продотрядов были избиения, порки, пытки и расстрелы крестьян без суда и след-

¹ РЦХИДНИ, ф.17, оп.84, д.114, л.81.

ствия. Некоторые губернские продкомиссары даже среди своих заслужили репутацию палачей. Не оставали от них и чекисты. «Чрезвычайные комиссии, — свидетельствовал М. Лацис, — безжалостно расправлялись с этими живоглотами (крестьянами), чтобы отбить у них навсегда охоту бунтовать»¹.

Уполномоченные ВЧК кроваво бесчинствовали на окраинах России. В октябре 1920 года особоуполномоченный по Северному Кавказу К. Ландер, проинструктированный перед поездкой в регион Лениным, пообещал с «неумолимой жестокостью» подавить «все выступления бело-зеленых банд». Его приказом на Северном Кавказе был введен порядок, согласно которому станицы и селения, укрывавшие «белых и зеленых», подлежали уничтожению, а взрослое население — поголовному расстрелу. Родственники повстанцев объявлялись заложниками, также подлежавшими расстрелу при наступлении «банд» (дети высылались в центральные губернии). В случае массовых выступлений в отдельных селах, станицах и городах, писал этот эмиссар Ленина, «мы будем применять к этим местам массовый террор: за каждого убитого советского деятеля поплатятся сотни жителей этих сел и станиц»².

«Терская и Кубанская области «покорены», — отмечал в 1921 году очевидец. — Восставшие станицы и деревни стерты с лица земли, население выведено — мужчины в шахты на принудительные работы, женщины и дети рассеяны повсюду. Мертвый и живой инвентарь увезен, сгноен, расхищен»³.

Важнейшим рубежом стал февраль 1921 года. К этому времени повстанческое движение в Тамбовской губернии, получившее название «антоновщина» по имени его руководителя Антонова, достигло огромного размаха и стало находить поддерж-

¹ Лацис М.Я. Два года борьбы... М., 1920. С. 71.

² Революционная Россия. 1921. Май, №7, с.30.

³ Там же. Апрель. № 6. С.30.

ку в пограничных уездах Воронежской, Саратовской и Пензенской губерний.

После ликвидации фронтов против Польши и Врангеля власти получили возможность подтянуть сюда новые воинские части. В конце февраля — начале марта 1921 года высшим органом борьбы с «антоновщиной» становится Полномочная комиссия ВЦИК во главе с В. Антоновым-Овсеенко. В конце апреля по инициативе Ленина, требовавшего «скорейшего и примерного подавления» восстания, единоличным командующим войсками в Тамбовском округе и ответственным за ликвидацию «банд» назначается Тухачевский — покоритель Кронштадта. Вместе с ним на Тамбовщину прибыли другие военачальники и деятели карательных органов: И. Уборевич, Г. Котовский, Г. Ягода, В. Ульрих.

«Оккупационный режим», как его называли официальные власти, включал в себя «наводнение» повстанческих местностей войсками, уничтожение хозяйств и разрушение домов участников мятежа и их семей (некоторые села были сожжены дотла), репрессии вплоть до расстрела за неповиновение, укрывательство «бандитов» и оружия. Согласно инструкции члена Ревтрибунала В. Ульриха, расстрелу подлежали все «руководители, инициаторы и вдохновители» крестьянского движения, командный состав крестьянской армии, все непосредственно виновные в гибели коммунистов и совработников, «злостные дезертиры», а также «коммунисты, совработники, а равно и комсостав Красной Армии, примкнувшие к банде Антонова»¹.

Приказом Полномочной комиссии ВЦИК от 11 июня 1921 года в уездах, охваченных восстанием, вводился расстрел заложников. Кроме того, лица, отказавшиеся назвать свое имя, тем же приказом подлежали расстрелу без суда. На следующий день (12 июня) Тухачевский приказал «леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами». При этом

¹ РГВА, ф. 24380, оп. 3, д. 70, л. 346.

командующий требовал, чтобы «облако удушливых газов распространялось по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось»¹.

Только в июне 1921 года, когда восстание уже шло на убыль, властями было «изъято» 16 тысяч «бандит-дезертиров», конфисковано имущество в 500 крестьянских хозяйствах, сожжено 250 крестьянских домов. В губернии была создана сеть концентрационно-полевых лагерей, в которых содержались не только собственно повстанцы, но и заложники, включая женщин и грудных детей. О «большом наплыве» последних сообщается в протоколе заседания Комиссии по делам о содержании детей-заложников в концентрационно-полевых лагерях Тамбовской губернии. Даже после проведенной кампании по «разгрузке» концлагерей в июле 1921 года там все еще находилось свыше 450 детей-заложников в возрасте от 1 до 10 лет².

Кровавый след оставили после себя каратели и в Западной Сибири. В борьбе с крестьянским повстанчеством местные власти особенно широко использовали институт заложничества и круговой поруки. Заложники подлежали расстрелу не только в случаях приближения повстанческих отрядов к уездным или волостным центрам или убийств коммунистов и советских работников, но и при повреждениях телеграфных и железнодорожных линий, распространении «провокационных слухов» (Тобольский уезд) и даже при «малейшем поползновении на попрание прав представителей власти» (Курганский уезд³). Круговая порука распространялась на целые села и деревни, если кто-то из жителей участвовал в восстании или поддерживал повстанцев. Так, в феврале 1921 года власти Ишимского уезда издали приказ, в соответствии с которым разрешалось применять (в случаях поддержки по-

¹ Там же, ф.34228, оп.1, д.3, л.1.

² ГАРФ, ф.8415, оп.1, д.114, л.62.

³ ТОЦДНИ, ф.1, оп.3, д.2, л.218; КОГАОПД, ф.1, оп.1, д.6а, л.85.

встанцев) «конфискацию всего имущества вплоть до поголовного уничтожения деревень».

В марте 1921 года на X съезде РКП(б) было объявлено о замене продразверстки натуральным налогом и переходе к новой экономической политике. Отказавшись от диких «социалистических» экспериментов в деревне, большевистское руководство сумело сбить волну крестьянского недовольства. Довершил дело страшный голод 1921—1922 годов, унесший свыше 5 миллионов жизней. Он трагически продемонстрировал позорный итог трехлетнего хозяйничания большевиков в деревне. Эксперимент с «военным коммунизмом» провалился полностью.

Репрессии против участников крестьянских вооруженных выступлений и членов их семей продолжались и после подавления восстаний. В 1930-е годы оставшиеся в живых были взяты на учет органами ОГПУ-НКВД и в подавляющем большинстве репрессированы. Так, из 17 тысяч жителей Омской области, подвергшихся репрессиям в 1937 году, каждому третьему органы НКВД предъявляли обвинение в участии в Западно-Сибирском восстании.

Долгое время в головы советских людей вбивалась формула: «Сталин — это Ленин сегодня». Ее придумал Сталин. Эта формула — одна из немногих — является точной и справедливой. Действительно, Сталин оказался достойным учеником Ленина по ненависти к людям и кровожадности. Он не только упорно продолжал преступное дело Ленина, но и завершил уничтожение крестьянского сословия. Это произошло в зловещие годы коллективизации и раскулачивания — самые трагические в истории России. Под винтовочные и пулеметные залпы расстрелов страна вступала в страшную полосу своего развития, может быть, сравнимую только с Отечественной войной.

Большевистский режим нанес колоссальный урон народному хозяйству, насильственно разрушил многовековые традиции и устои российской

деревни, создал по существу крепостнический «колхозно-совхозный строй». Крестьянство доби́ли окончательно. Доби́ли жестоко, кроваво. Весь народ, исключая номенклатурное начальство, на долгие годы встал в очередь за хлебом и мясом.

Грех об этом забывать, большой грех.

Начало трагедии положил ноябрьский 1929 года пленум ЦК ВКП(б), принявший решение «проводить курс на решительную борьбу с кулаком, на выкорчевывание корней капитализма в сельском хозяйстве». В середине января 1930 года политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение образовать специальную комиссию для разработки форм и методов проведения раскулачивания, которую возглавил секретарь ЦК ВКП(б) Молотов. Комиссия незамедлительно приступила к подготовке постановления. В нем, в частности, предусматривалось:

«При проведении в течение ближайших двух месяцев (февраль—март) мероприятий, обеспечивающих выселение в отдаленные районы Союза, заключение в концентрационные лагеря, ОГПУ исходить из приблизительного расчета заключить в концентрационные лагеря 60 тыс. человек и подвергнуть выселению 150 тыс. хозяйств. В отношении наиболее злостных к.р. элементов не останавливаться перед применением высшей меры репрессии... Местом высылки наметить в округах Северного Края (до 70 тыс. семейств), Сибири (50 тыс. семейств), Урала (20—25 тыс. семейств) и Казахстана (20—25 тыс. семейств) необжитые или мало обжитые местности для использования высылаемых или на сельскохозяйственных работах, или на промыслах (лес, рыба и пр.)... Высылаемые кулаки расселяются поселками, управляемыми назначаемыми комендантами¹.

30 января того же года ЦК ВКП(б) принял постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», которое было в тот же день доведено до местных партийных организаций. В районах сплошной коллективизации требовалось отменить аренду земли, запретить применение наемного труда, конфисковать у «кулаков» средства производства, скот, хо-

¹ РГАЭ, ф.7486, оп.37, ед.хр.78, л.43,44 об.

зяйственные постройки. В отношении крестьянских хозяйств, отнесенных к кулацким, предусматривалось применять следующие меры:

«а) первая категория — контрреволюционный кулацкий актив немедленно ликвидировать путем заключения в концлагеря, не останавливаясь в отношении организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций перед применением высшей меры репрессии;

б) вторую категорию должны составить остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, которые подлежат высылке в отдаленные местности Союза ССР и в пределах данного края и в отдаленные районы края;

в) в третью категорию входят оставляемые в пределах района кулаки, которые подлежат расселению на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках»¹.

Комиссия Молотова еще только составляла эти планы, а ОГПУ загодя приступило к их осуществлению. Уже 18 января этим ведомствам был отдан приказ, в котором, в частности, говорилось:

«1) Создать при ОГПУ оперативную группу для объединения всей работы по предстоящей операции. Немедленно разработать и представить в ОГПУ подробный план операции, с учетом всех вопросов оперативных, личного состава, войсковых, технических...

б) Установить места — жел.дор. пункты, где будут концентрироваться выселяемые перед отправкой, и рассчитать количество перевозочных средств и жел.дор. составы, которые должны быть поданы на эти места.

7) Строго учесть обстановку в районах и возможность вспышек с тем, чтобы таковые могли быть пресечены без малейшего промедления. Обеспечить бесперебойную информационно-агентурную работу в районах операции.

8) Строго рассчитать расположение и использование наличных сил войск ОГПУ и РККА. Наметить пункты расположения резервов».

Раскулачивание на местах — в селах и деревнях — проводили, как правило, уполномоченные,

¹ РГАЭ, ф.7486, оп.37, ед.хр.78, л.96,97.

возглавлявшие актив бедноты. Неограниченная власть уполномоченных, помноженная на «энтузиазм» голытьбы, создавала атмосферу безграничного произвола и всеподавляющего страха.

География насилия ширилась. 20 февраля 1930 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах». «Ликвидация кулачества» растекалась по всем республикам, краям, областям страны. На север и восток шли товарные составы, набитые людьми, в санях и пешком потянулись бесконечные колонны мужиков, стариков, старух, баб с ребятишками. Для переброски «кулацких семей» была объявлена гужевая повинность населения, в большом количестве привлекался железнодорожный и автомобильный транспорт. Многие переселенцы гибли от голода и холода, от пуль конвоиров.

Количество репрессированных «кулаков» в несколько раз превысило запланированные уровни. Местные властители, спасая свою шкуру, старались вовсю, лезли из кожи вон. Так, в Центрально-Черноземной области число раскулаченных достигло 15% всех крестьянских хозяйств. В некоторых районах Нижегородского края — 37%. Массовое раскулачивание сверх квот происходило на Украине, в Московской области, Татарской и Башкирской ССР и других районах страны.

Значительную часть «раскулаченных» вместе с семьями выслали в самые отдаленные районы страны, на стройки Сибири и Крайнего Севера — около 1 миллиона 200 тысяч крестьян. Миллионы людей оказались без крова, без средств к существованию, были лишены права на защиту, травимы завистливой и одуроченной толпой.

В начале августа 1930 года Сталин в письме Молотову рекомендовал «обязательно расстрелять всю группу вредителей по мясопродукту, опубликовав об этом в печати»¹.

¹ Письма Сталина Молотову, 1925—1936 гг.. М., 1995. С. 194.

20 сентября 1930 года политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «О вредителях по мясу и др.», в котором говорилось:

«а) Признать необходимым немедленно опубликовать основные показания вредителей по делу о вредительстве по мясу, рыбе, консервам и овощам.

Сопроводить этот материал кратким введением ОГПУ с указанием о том, что постановлением ЦИК и СНК Союза дело передано на рассмотрение ОГПУ.

б) Поместить ряд статей, разъясняющих сущность этого дела и указывающих на то, что работа этой контрреволюционной шайки полностью разоблачена и приняты все меры к исправлению последствий вредительства. Отвести этому материалу 1 1/2 страницы в основных газетах от 22 сентября.

в) Поручить комиссии в составе гг. Менжинского, Ярославского, Рыкова и Постышева перед опубликованием просмотреть публикуемый материал и текст введения от ОГПУ.

г) Через 5 дней опубликовать приговор ОГПУ о расстреле всех участников вредительской организации»¹.

Показания членов так называемой организации «вредителей рабочего снабжения» были опубликованы в газетах 22 сентября 1930 года. Через три дня появилась информация, что Коллегия ОГПУ приговорила 48 «вредителей рабочего снабжения» к расстрелу и что приговор приведен в исполнение.

Новая волна уничтожения крестьян пришлась на начало 1931 года. Теперь она была направлена против тех кулаков, которые якобы срывали хлебозаготовки и другие хозяйственно-политические кампании. Решения о новом насильственном выселении кулаков стали приниматься уже с января 1931 года. А в марте началась вторая массовая акция по «ликвидации кулачества как класса». Она охватила почти все регионы страны.

Для ее проведения была создана специальная комиссия ЦК ВКП(б). На заседании 18 марта 1931 года она приняла решение переселить в северные районы Западно-Сибирского края в течение мая—

¹ Там же. С. 217—218.

июня—июля 1931 года 40 тысяч кулацких хозяйств, в Казахстан — 150 тысяч. То есть лишь в течение трех месяцев и только в два региона выселялось 190 тысяч крестьянских семей — более миллиона человек! В решении «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» указывалось, что «районами высылки должны быть необжитые и малообжитые местности...»¹. Людей, привезенных в глухую тайгу или тундру, целенаправленно обрекали на вымирание.

Читаешь документы, и не верится, что все это было, и было совсем недавно, что совершали эти преступления сотни тысяч наших сограждан по указанию преступной верхушки партии.

С самого начала раскулачивания был взят курс на организацию жизни спецпоселенцев по принципу исправительно-трудовых лагерей. Люди расселялись «отдельными поселками по 100 семей в каждом». Административное управление осуществлялось комендантом, в помощь которому придавалось «по 2—5 стрелков специальной охраны»². После того, как спецпоселения были переданы непосредственно в ОГПУ, режим в них значительно ужесточился.

В архивах есть немало документов, рассказывающих о том, как жили раскулаченные.

«За отсутствием надлежащего питания, медицинского контроля и обслуживания, — говорится в одном из них, — большая часть спецпереселенцев, потерявших трудоспособность, не могла обеспечить выполнение лесозаготовок, вследствие чего леспромхоз дал распоряжение о привлечении на лесозаготовки всех без исключения спецпереселенцев без различия пола и возраста, установив норму выработки для детей 12-летнего возраста и стариков по 2—2,5 кубометра в день, тогда как средняя норма выработки для взрослого рабочего устанавливалась 3 кубометра в день. По этой причине спецпереселенцы для того, чтобы выполнить

¹ ГРАЭ, ф.7486, оп.37, д.78, л.95.

² ГАРФ, ф.1235, оп.2, д.463, л.9.

норму выработки, оставались для работы в лесу целыми сутками, где зачастую замерзали, обмороживались, подвергались массовым заболеваниям...»¹

Один из работников ОГПУ докладывал начальнику комендантского управления ОГПУ Урала:

«...Из общего числа 32 000 душ, детей до 12-летнего возраста 15 000 человек, женщин, кормящих грудью и имеющих детей до 8-летнего возраста (ориентировочно), до 4000 человек. Мужчин 8500 человек, из них 1000 нетрудоспособных. Всего трудоспособных (ориентировочно), годных к любой работе, — 12 000—13 000 человек, вместе женщин и мужчин. Конечно, из 1000 нетрудоспособных мужчин и 4000 женщин и 15 000 человек детей на другие работы можно привлечь 50%»².

Некоторые из спецпоселенцев пытались убежать куда глаза глядят. Чтобы пресечь побег, вводилась круговая порука, за поимку сбежавшего платили до 30 рублей, усиливалась агентурная слежка, создавались летучие чекистские отряды, на станциях выставлялись спецзаслоны и заградительные группы.

Протесты против бесправия, произвола и рабских условий труда проявлялись в самых разных формах, в том числе выливались в массовые волнения. Одно из них охватило Нарымский край, где в лесистой и болотистой местности было собрано свыше 200 тысяч спецпереселенцев, две трети из которых состояло из крестьян-сибиряков, высланных в необжитые районы края как «кулацкие элементы». Волнения начались на территории Парбигской комендатуры, самой крупной по численности среди северных комендатур СибЛАГа, где было сосредоточено более 33 тысяч крестьян, сосланных сюда из южной Сибири. Помните у Высоцкого: «из Сибири — в Сибирь».

Выброшенные летом в эти места, они должны были до начала холодов построить себе жилье. Но времени для этого не оставалось, поскольку все

¹ РЦХИДНИ, ф.17, оп.20, д.26, л.216,217.

² Там же, л.165.

трудоспособные мужчины работали на лесозаготовках в тайге за десятки километров от места поселения, а их жены и дети ютились в землянках и шалашах. Между тем приближалась зима. Спецпереселенцы решились на отчаянный шаг. Они самовольно ушли с работы и отправились к семьям. Охрану разоружили.

На расправу бросили войска ОГПУ. Выступление спецпереселенцев было жестоко подавлено. Оставшиеся в живых ушли в тайгу, где их еще долго вылавливали отряды ОГПУ и милиции. Это была настоящая охота на людей. Схваченные в тайге спецпереселенцы расстреливались на месте.

Особую жестокость проявляли боевые группы, созданные из местных партийных активистов. Некоторые из них под предлогом борьбы с мятежниками стали убивать не только спецпереселенцев, но и местных жителей в целях мародерства. Например, боевой партийной группой в селе Тунгусово было расстреляно 15 человек местных жителей. После расстрелов — мародерство, групповое пьянство и снова расстрелы.

Новый приступ большевистского бешенства начался в 1937 году. 2 июля этого года политбюро ЦК ВКП(б) дает указание всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на строгий учет всех осевших в местах ссылки кулаков и тех, кто по истечению срока высылки вернулся на родину. Наиболее «враждебные» должны быть «немедленно арестованы» и расстреляны.

На следующем заседании были утверждены составы «троек» в республиках, краях и областях по репрессиям в отношении кулацкого и антисоветского элемента, а также ориентировочное число тех, кто, по определению «троек», должен быть осужден по первой категории, то есть расстрелян, и по второй — подлежал заключению в лагерь на срок от 8 до 10 лет или заключен в тюрьму на те же сроки.

Эта очередная операция началась 5 августа 1937 года, на нее отводилось четыре месяца. Только по России в эти сроки планировалось репрессировать 186 100 человек и 47 450 из них — расстрелять.

Идиотизм планового хозяйства проявлялся во всем: заранее планировались даже расстрелы и репрессии. Местные партийные и карательные органы с большим энтузиазмом приступили к этой варварской акции.

Нравственный долг граждан России — навечно запомнить и передавать из поколения в поколение тот факт, что почти все местные органы ВКП(б) просили увеличить «плановые» цифры репрессий. И хотя местным душегубам из НКВД формально это не разрешалось, на деле цифры репрессированных превышались во всех республиках, краях и областях. Например, Горьковский обком партии докладывал лично Сталину (февраль 1938 года), что вместо намеченных 4500 человек репрессировано 9600. Но и этого оказалось мало. Обком попросил установить дополнительный лимит в 5000 человек, из которых 3000 планировал расстрелять. На местах хорошо знали действительные настроения в Кремле.

Помимо административно-репрессивных методов ликвидации «кулачества», применялись и экономические, которые вели к хозяйственному удушению крестьян. Все зажиточные хозяйства облагались индивидуальным налогом. Была введена в практику специальная шкала доходов с резко возрастающей ставкой налога. Постоянно увеличивался перечень обязательных уплат. Налоговая политика была построена таким образом, что нередко при определенной величине дохода налоговые платежи превышали сам доход крестьянского хозяйства. Скажем, если крестьянское хозяйство получало доход в размере 5 тысяч рублей, то оно должно было уплатить около 7,5 тысяч рублей налога. Понятно, что многие крестьяне оказывались неплательщиками. По-

этому их имущество, скот, инвентарь конфисковывались, хозяйство прекращало свою жизнь.

Широко использовался и такой метод экономического раскулачивания, как обложение «кулацких» хозяйств твердыми заданиями по основным видам заготовок сельскохозяйственной продукции. И здесь творился полный произвол. Задания разверстывали без всякого учета производственных возможностей крестьянского хозяйства. В конечном счете имущество «твердозаданца» также конфисковывалось, сам он в большинстве случаев подвергался раскулачиванию. Напомню, что еще 13 ноября 1930 года ВЦИК и СНК СССР приняли постановление «О недопущении кулаков и лишенцев в кооперацию». В нем указывалось: «Членами колхозов и других сельскохозяйственных кооперативов, а также промысловых кооперативных товариществ (артелей) и потребительских обществ не могут быть кулаки и другие лица, лишенные права выбирать в советы».

В результате крестьянин побогаче не мог купить борону, сеялку, получить кредит, сбыть свою продукцию, не имел права приобретать в кооперативной лавке (а частная торговля была уничтожена) керосин, одежду и прочие товары первой необходимости. Эта категория крестьян не только полностью лишалась необходимых материальных условий для ведения самостоятельного хозяйства, но и была практически обречена на вымирание.

Все было предусмотрено преступной сталинской кликой в войне с народом. В августе 1932 года был издан закон, разработанный самим Сталиным. Эта чудовищная инструкция предписывала тюремное и лагерное наказание и даже расстрел за несколько колосков, унесенных со скошенного поля. Карали даже за зерно, которое голодные крестьяне добывали из мышиных нор.

Прямым следствием политики раскулачивания стал массовый голод 1932—1933 годов, охвативший

наиболее хлебородные районы страны. Дело доходило до людоедства.

Власть добилась своего. От голода 30-х годов погибли более 5 миллионов человек.

Обычно раскулачивание связывают только с 30-ми годами. Это неверно. 10 февраля 1948 года политбюро заслушало вопрос о высылке из Украины «вредных элементов в деревне». Докладывал Хрущев. В тот же день распоряжением Совета Министров СССР была образована комиссия в составе Л. Берии, Н. Хрущева, М. Сулова и других, которая приступила к детальной проработке этого предложения. Высылке подлежали все, кого подозревали, что они могут «подорвать трудовую дисциплину в сельском хозяйстве» или «угрожать своим пребыванием в селе благосостоянию колхоза». Воистину, нет предела фарисейству: «Угрожать своим пребыванием в селе благосостоянию колхоза»!

Инициатива Хрущева была распространена и на другие территории, которые в предвоенные годы оказались в составе СССР. «Чистке» подверглись не только сельские жители, но и те, кого считали подозрительным элементом, потенциальным противником власти. О том, какой размах приняла эта операция, свидетельствуют сухие цифры официальной статистики, многие десятилетия являвшиеся секретными.

На 1 января 1949 года на учете состояло почти два с половиной миллиона спецпоселенцев. За период с 1949 по 1952 год из спецпоселений было освобождено до 200 тысяч человек. Тем не менее численность спецпоселенцев не уменьшилась, а возросла. В послевоенное время из Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии в Сибирь были депортированы сотни тысяч людей, прежде всего деревенских жителей.

Насколько же коротка людская память, если сегодня аграрным баронам — разным председателям и другим начальникам — позволено удерживать крепостничество в деревне. Рабская психология

столь глубоко укоренилась в сознании, что многие оставшиеся в деревне крестьяне, бывшие бедняцкие активисты — других не осталось, — ошалев от пьянства, как и раньше, не хотят иметь дело с землей, вести самостоятельное хозяйство, жить богато за счет своего труда. А баронам хоть бы что. Хлеб, мясо и масло везем из-за рубежа, а здесь делим триллионные субсидии между аграрными прихлебателями из чиновничьего сословия.

Слезами и кровью была полита российская земля в ходе преступной политики «рассказачивания». Кровавый поход начался уже в первые же годы советской власти. Целью его было искоренение вековых устоев казачества, физическое уничтожение наиболее трудолюбивой и свободолюбивой его части.

Первые же шаги по «социалистическим» преобразованиям в деревне летом 1918 года поставили казачество в резкую оппозицию к новой власти. Во всех крупных казачьих областях (Донской, Кубанской, Оренбургской, Уральской) формируются военные подразделения для вооруженной борьбы против большевистской диктатуры. С тех пор казачество было причислено к «ударной силе» белых армий, к тому же «подкупленное» немецким, английским и французским империализмом¹. 24 января 1919 года ЦК партии разослал на места телеграмму, в которой ставилась задача

«...провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью»².

Помимо предписанных расстрелов, реквизиций и выселений, местные ревкомы, радостно «выскакивая из штанов» и демонстрируя угодничество и революционное варварство, издевались над казацкими обычаями, измывались над самим словом «ка-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.38. С.69; Т.39, С.31 и др.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С.178.

зак». В виде особо изощренного глумления в казачьи станицы комиссарами назначались в ряде случаев австрийские военнопленные.

Казачьи терпели все это не очень долго. Уже в марте 1919 года на Верхнем Дону вспыхнуло массовое восстание. Оно вынудило власти несколько скорректировать курс: не меняя общей политики, перейти к тактике раскола, перетягивания на свою сторону части казаков, что была беднее других и готова поживиться за их счет. 16 марта 1919 года ЦК принял решение «приостановить» действие январского циркуляра в надежде, что часть казачества «может содействовать нам»¹. Само собой разумеется, что указанные изменения никак не отразились на методах подавления Верхне-Донского восстания, потопленного в крови в мае 1919 года.

Стремясь переломить настроения казаков, большевики декларировали готовность отказаться от излюбленного классового критерия оценки тех или иных социальных групп. Придумана была следующая формула: «Критерием в наших отношениях к различным слоям и группам донского казачества, — подчеркивалось в «Тезисах ЦК РКП(б) о работе на Дону», опубликованных в сентябре 1919 года, — в ближайший период будет не столько непосредственная классовая оценка разных слоев (кулаков, середняков, бедняков), сколько отношение различных групп самого казачества к нашей Красной Армии. Мы возьмем под свое решительное покровительство и вооруженную защиту те элементы казачества, которые делом пойдут нам навстречу»². Суть нового курса заключалась прежде всего в том, чтобы расколоть и взорвать казачество изнутри.

В феврале—марте 1920 года в Москве состоялся I-й Всероссийский съезд трудовых казаков. Он был организован с соблюдением всех большевистских процедур (выборы делегатов под наблюдением

¹ Там же. № 8. С. 163.

² Там же. 1990. № 2. С. 171.

представителя ЦК РКП(б), резолюции заранее утверждены политбюро ЦК). Съезд преподнесли как массовую демонстрацию готовности казачества к сотрудничеству с советской властью. На основе решений съезда Совнарком учредил в казачьих областях местные органы власти, а ВЦИК распространил на них «все действующие в РСФСР общие законоположения о землеустройстве и землепользовании». Как особое военное сословие казачество было упразднено.

Несмотря на разные демагогические ухищрения властей, недовольство казачества нарастало. Социально-политический протест стремительно обретал новые масштабы и новые формы борьбы, в том числе вооруженные. В 1920 году в казачьих краях была проведена тотальная конфискация, до нитки обобравшая казачье-крестьянское население. Она лишила его сразу и продовольствия, и семенного материала. Сеять было нечего. Кроме того, земледельцы не видели смысла в посевах, поскольку на протяжении 1920 года они на собственном опыте убедились, что, сколько ни посеи, все равно отберут, вычистят и вдобавок избыют.

К весне 1921 года казацкие станицы доели оставшееся в закромах продовольствие. Разразился массовый голод, охвативший к лету почти половину сельского населения. В конце 1921 года на Дону голодало четверть миллиона человек, а в июне — уже более полумиллиона. И это при общей численности сельского населения в 1,3 млн. человек. Практически голодал каждый второй. Но Кремль не признавал Донскую область голодающей и, следовательно, не освобождал от налогов. От голода люди сходили с ума и прибегали к людоедству.

Голод был рукотворным явлением, и сотворили его большевистские правители.

Новый удар голодом по казачеству был нанесен в начале 30-х годов. Урожай 1932 года забрали с Дона под метлу. Как и из других хлеботородных областей страны — Украины, Поволжья, Кубани, Южного

Урала. Хлеб шел на продажу в зарубежные страны. Власть объявила, что необходимо иметь валюту для закупки промышленного оборудования. На станции спускались все новые и новые планы сдачи хлеба. Если в объявленные сроки хлеб не поступал, жителей станции объявляли саботажниками. В такие станции запрещалось продавать соль, сахар, спички.

Тех, кого не убивал голод, добивали карательные органы. Как писал Михаил Шолохов, арестовывали все, кому не лень — председатели и члены правления колхозов, председатели сельсоветов и секретари партийных ячеек. В обескровленных станциях царило насилие. Сотни тысяч казаков были уничтожены физически, многие эмигрировали, станции обезлюдели, заросли бурьяном миллионы гектаров земель.

Так было уничтожено российское крестьянство, так была уничтожена крестьянская Россия.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

За десяток лет до октября 1917 года Ленин писал Горькому: *«Значение интеллигентской публики в нашей партии падает: отовсюду вести, что интеллигенция бежит из партии. Туда и дорога этой сволочи»*¹.

Тогда мало кто обратил внимания на эти слова, поскольку Ульянова-то никто и не знал. Мало ли что взбредет в голову невежественному человеку. Россия в это время переживала экономический подъем, все были заняты своими делами.

Но история распорядилась так, что страна, не выдержав напряжения в мировой войне, делает в феврале 1917 года серьезный шаг к демократии. И кто мог предположить, что всего через 9 месяцев после этого просветления небольшая группа авантюристов во главе с Лениным совершит насильственный контрреволюционный переворот и надолго захватит власть, причем в значительной мере при активной поддержке той самой «сволочи», о которой так любезно отозвался в свое время теперь уже новый правитель России.

Оказалось, что словечко «сволочь» не было случайно оброненным по причине врожденной нетерпимости. В сентябре 1919 года Ленин пишет Горькому: *«Невероятно сердитые слова говорите Вы по ка-*

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.47. С.133.

кому поводу? По поводу того, что несколько десятков (или хотя бы даже сотен) кадетских и околкадетских господчиков посидят несколько дней в тюрьме для предупреждения заговоров. Какое бедствие, подумаете! Какая несправедливость... Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно...»¹

Эта грубость говорит, прежде всего, об уровне культуры «вождя». Но трагедия состоит в том, что лингвистические «находки» автора отражают и нечто куда более важное. Они оказались сутью всей политики большевистского режима по отношению к интеллигенции.

Часто можно услышать, что пролетарский вождь, организовав ликвидацию неграмотности в России, стремился на смену старой буржуазной интеллигенции вырастить новую — из рабочих и крестьян. Сам он, однако, не допускал подобных толкований. В 1921 году, позируя художнику Ю. Анненкову, высказался вполне определенно:

«Вообще, к интеллигенции, как вы, наверное, знаете, я большой симпатии не питаю, и наш лозунг «Ликвидировать безграмотность» отнюдь не следует толковать как стремление к народжению новой интеллигенции. «Ликвидировать безграмотность» следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель — вполне практичная. Только и всего»².

Как только власть оказалась у большевиков, они первым делом начали беспощадную борьбу против свободы слова, закрыв все оппозиционные печатные органы (декрет СНК «О печати» от 28 октября 1917 года). Одновременно были созданы цензурно-конт-

¹ Там же. Т.51. С. 48.

² Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. т.2. М., 1991. С.270.

рольные органы, первоначально в виде политотдела Госиздата РСФСР, образованного постановлением ВЦИК от 20 мая 1919 года, а затем в виде Главного управления по делам литературы и издательств — Главлита, образованного декретом СНК РСФСР от 6 июня 1922 года, и главного комитета по контролю за репертуаром при Наркомпросе РСФСР — Главреперткома, образованного постановлением СНК РСФСР от 9 февраля 1923 года.

Эти учреждения всегда работали в тесном контакте со спецслужбами, а вернее, под двойным контролем и руководством ЦК РКП(б) и ВЧК-ОГПУ. В этих организациях на постоянной основе работали сотрудники спецслужб.

И пошло-поехало.

Только в течение первых трех лет своего существования, по неполным данным, Главрепертком снял с репертуара или запретил 35 пьес, в том числе постановку МХАТ — «Братья Карамазовы» (пьеса реакционная, культивирующая христианское смирение), Малого театра — «Мария Стюарт» Ф. Шиллера (религиозно-мистическая), Камерного и бывшего Александринского театров — «Саломея» (декадентски-эстетская), «Идеальный муж» (утверждающая буржуазный парламентаризм)¹.

В последующие годы отвергалось все, что попадало под невежественную руку трясущегося от страха цензора. Многие пьесы проходили еще и контроль непосредственно в КГБ, хотя немало их представителей работало, как я уже упомянул, и в самой цензуре. В период, скажем, Отечественной войны из 700 представленных в Главрепертком драматургических произведений по разным причинам была запрещена примерно половина².

Запретительная практика шла рука об руку с репрессивной. Уже летом 1918 года по подозрению в причастности к заговору левых эсеров арестова-

¹ ЦА ФСБ РФ, ф.2, оп.4, д.465.

² РГАЛИ, ф.656, оп.6, д.28, л.99.

ли поэта Александра Блока. В августе—сентябре 1919 года начались аресты среди так называемой кадетской интеллигенции. По надуманному делу «ЦК партии кадетов» в августе 1919 года арестовали Владимира Немировича-Данченко и Ивана Москвина. Были сфабрикованы судебные процессы по «заговору» профессуры Петроградского университета (1921 год), которого и в помине не существовало. Организуются «чистки» во многих других академических институтах и высших учебных заведениях.

В конце 1921 года возникло знаменитое «дело Петроградской боевой организации». Оно известно как «дело Таганцева». После проверки, проведенной в 1992 году Прокуратурой Российской Федерации, «участники» этой организации реабилитированы. Но это произошло через семь десятилетий, а на заре советской власти чекисты, отрабатывая методы на будущее, раскручивали это дело на полную катушку. К уголовной ответственности по нему было привлечено 833 человека.

Владимир Таганцев помогал политическим беженцам переходить через границу. Бежали прежде всего в Финляндию. Стоило это довольно дорого. Если в 1919 году за переправу одного человека с проводником брали где-то тысячу финских марок, то в 1921 году цена возросла до 15 тысяч. Таганцев снабжал людей деньгами, продавая фамильные ценности и личные вещи. Было немало и частных пожертвований. Но однажды случилась беда. На границе убили единомышленника Таганцева. У него обнаружили несколько листовок о расстреле рабочих, о комиссарах и большевиках, распинающих Россию.

Таганцева арестовали. На его квартире чекисты устроили засаду, брали всех, кто туда заходил. Был арестован, а потом и расстрелян даже посылный, принесший от академика С. Ольденбурга рукопись отца Таганцева (известного русского юриста, почетного академика) с разбором поэмы

Блока «Двенадцать». Поверив обещанию Дзержинского, Уншлихта, Ягоды, что те не прибегнут к расстрелам, Таганцев рассказал, как добывались деньги, назвал фамилии. Остальное дополнили следователи.

По «делу Таганцева» было расстреляно 97 человек. В их числе — крупнейший поэт XX века Николай Гумилев. По тому же делу проходили также: основоположник отечественной урологии Федоров, бывший министр юстиции Манухин, известный агроном Вырво, архитектор Бенуа — брат Александра Бенуа, знаменитого русского художника, сестра милосердия Голенищева-Кутузова и другие. В архиве ФСБ сохранились письма в защиту обвиняемых. Их авторы ходатайствовали, в частности, об освобождении Гумилева под поручительство. Увы, просьба не была услышана, зато фамилии авторов писем взяли на заметку. Всех их рано или поздно репрессировали. Один из них — известный писатель и экономист А. Чайнов. Его постигла участь тех, кого он защищал, — расстрел.

В 20-е годы Россия, захлебнувшаяся кровью террора, понесла, пожалуй, самые большие интеллектуальные утраты. Страну покинули несколько сот виднейших представителей отечественной интеллигенции. На высылках особенно настаивал Ленин:

«Решено ли «искоренить» всех энесов? Пешехонова, Мякотина, Горнфельда? Петрищева и др., — запрашивал он Сталина. — По-моему, всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее. Тоже А.Н. Потресов, Изгоев и все сотрудники «Экономиста» (Озеров и мн.мн. другие). Ме-ки Розанов (враг хитрый)... Н.А. Рожков (надо его выслать; неисправим); С.А. Франк (автор «Методологии»). Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др. должна представить списки, и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго... Всех их — вон из России. Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Аре-

ствовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа!»¹.

Итак, Ленин взял на себя позорнейшую функцию решать, кому можно оставаться в России, а кому не положено. Гнать их из собственного дома, причем без «объявления мотивов». Уезжали за рубеж философы, писатели, юристы, художники. Покинули Россию выдающиеся представители русской культуры — Шаляпин, Бунин, Репин, Андреев, Бальмонт, Мережковский, Коровин, Шагал... Да разве перечислишь все имена, представляющие славу России.

Пигмеи изгоняли великанов. Сотнями отправляли на пароходах. Когда и где бывало подобное?

Ученых обвиняли в том, что они не хотят примириться с советской властью, дискредитируют ее начинания. По мнению безграмотных высокопоставленных обвинителей, философы якобы проповедуют мистицизм и поповщину; врачи создают антисоветские настроения в своей среде; агрономы — в своей.

В соответствии с ленинским указанием, Сталину, Дзержинскому и Семашко надлежало «выработать план мер»² по борьбе с антисоветизмом в среде интеллигенции. Соратники вождя обсудили эту проблему на Политбюро. 24 мая 1922 года предложение Ленина приняли. В июне меры были выработаны.

«Протокол № 10 Заседания Политбюро от 8 июня 1922 года.

Присутствовали: члены Политбюро т.т. Каменев, Сталин, Троцкий, Рыков, Зиновьев, кандидаты — т. Калинин, члены ЦК — т.т. Радек, Сокольников, с совещательным голосом — т. Цюрупа.

¹ АП РФ, ф.3, оп.59, д.3, л.62—63. Цитированная записка Лени на Сталину не датирована, но, вероятно, относится к лету 1922 г. Впервые к вопросу о высылке большой группы российской «контрреволюционной» интеллигенции Ленин обратился еще в мае 1922 г. в записке Дзержинскому (Полн. собр. соч. Т.54. С.265—266). Судя по содержанию письма, принципиально это дело было обговорено еще раньше, но тогда, в мае, находилось еще на стадии созревания.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.54. С.270.

8. — Об антисоветских группировках среди интеллигенции (Уншлихт).

а) Принять с поправками следующее предложение т. Уншлихта:

1. В целях обеспечения порядка в высших учебных заведениях образовать комиссию из представителей Главпрофобра и ГПУ (Яковлева и Уншлихта) и представителя Оргбюро ЦК для разработки мероприятий по вопросам:

а) о фильтрации студентов к началу будущего учебного года;

б) об установлении строгого ограничения приема студентов непролетарского происхождения;

в) об установлении свидетельств политической благонадежности для студентов, не командированных профессиональными и партийными организациями и не освобожденных от взноса платы за право учения.

Созыв комиссии за т. Уншлихтом, срок недельный.

2. Той же комиссии (см. п. 1) выработать правила для собраний и союзов студенчества и профессуры.

Предложить Политотделу Госиздата совместно с ГПУ произвести тщательную проверку всех печатных органов, издаваемых частными обществами, секциями спецов при профсоюзах и отдельными наркоматами (Наркомзем, Наркомпрос и пр.).

б) Пункты 3-й и 4-й проекта постановления (см. приложение) принять в основе, внося следующие поправки: в пункте 3-м «ГПУ» заменить «НКВД». Конец пункта 3 изменить: «Местные съезды или совещания спецов разрешаются губисполкомами с предварительным запросом заключения местных органов ГПУ (Губотделов)».

Для окончательной формулировки п.п. 3 и 4, выработки форм проведения и рассмотрения вопроса о необходимости проведения в законодательном порядке создать комиссию в составе т. т. Курского, Дзержинского и Енукидзе. Созыв комиссии за т. Енукидзе. Срок работы — недельный.

в) Пункт 5-й передать в ту же комиссию с обязательным вызовом Томского или Рудзутака.

г) Предложить ВЦИК издать постановление о создании особого совещания из представителей НКВД и НКЮ, которому предоставить право в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к более суровому наказанию, заменять его высылкой за границу или в определенные пункты РСФСР.

д) Для окончательного рассмотрения списка подлежащих высылке верхушек враждебных интеллигентских группировок образовать комиссии в составе т.т. Уншлихта, Курского и Каменева.

е) Вопрос о закрытии изданий и органов печати, не соответствующих направлению советской политики (журнал Пироговского общества и т.п.), передать в ту же комиссию (см. п. «д»).

ж) Пункт 8-й проекта постановления отклонить.

9. — О директиве в связи с Всероссийским съездом врачей (Уншлихт).

а) Общие меры, вызванные съездом врачей, отложить до конца эсеровского процесса.

б) Вопрос об аресте некоторого числа врачей, который необходимо произвести немедленно, передать в комиссию т. Уншлихта, Курского и Каменева (см. п. 8-д).

в) Предложить ГПУ внимательнейшим образом следить за поведением врачей и других интеллигентских группировок во время процесса эсеров и не допускать никаких демонстраций, речей и т.п.

Приложение к п(ункту) 8-б пр(отокола) ПБ № 10 от 8.VI.22 г.

Предложения тов. Уншлихта, сданные в комиссию.

3. Установить, что ни один съезд или Всероссийское совещание спецов (врачей, агрономов, инженеров, адвокатов и проч.) не может созываться без соответствующего на то разрешения НКВД. Местные съезды или совещания спецов разрешаются НКВД. Местные съезды или совещания спецов разрешаются губисполкомами с предварительным запросом заключения местных органов ГПУ (Губотделов).

4. Поручить ГПУ через аппарат Наркомвнудела произвести с 10.VI перерегистрацию всех обществ и союзов (научных, религиозных, академических и проч.) и не допускать открытия новых обществ и союзов без соответствующей регистрации ГПУ. Незарегистрированные общества и союзы объявить нелегальными и подлежащими немедленной ликвидации.

5. Предложить ВЦСПС не допускать образования и функционирования союзов спецов помимо общепрофессиональных объединений, а существующие секции спецов при профсоюзах взять на особый учет и под особое наблюдение. Уставы для секций спецов должны быть пересмотрены при участии ГПУ. Разрешения на образование секций спецов при профобъединениях могут быть даны ВЦСПС только по соглашению с ГПУ»¹.

¹ РЦХИДНИ, ф.17, оп.3, д.296, л.1—3,7.

18 августа 1922 года руководство ОГПУ, под надзором которого проводилось в жизнь драконовское решение политбюро, направило Ленину записку и списки высылаемых по Москве, Петербургу и Украине. В ней говорилось, что «московской публике» объявлено постановление о высылке за границу, она предупреждена, что самовольный приезд обратно домой будет караться расстрелом.

В московском списке значилось 67 фамилий. Они были сгруппированы по принадлежности к учебным заведениям. Подзаголовки гласили: профессора Московского университета, профессора Московского высшего технического училища, профессора института путей сообщения и т. д. Были в списке «антисоветские» литераторы, инженеры, агрономы.

Петроградский список состоял из 51 фамилии.

Первыми уезжали из Москвы. Потом высылка производилась из Одессы, Крыма. Пароходы эти иногда называют «философскими», поскольку среди «пассажиров» было немало философов. Это — Николай Бердяев, Семен Франк, Федор Степун, Николай Лосский, Иван Ильин. Первые трое были высланы за выпуск в Москве сборника статей «Освальд Шпенглер и закат Европы», в котором оспаривалась идея предопределенности социализма. Ленин посчитал ее «литературным прикрытием белогвардейской организации».

За пределами России оказался также ректор Московского университета биолог М.Новиков. Тяжелый урон понесла историческая наука: большевики выслали А. Кизеветтера, А. Флоровского, Ю. Мельгунова и других. Одним из пароходов уехал знаменитый социолог Питирим Сорокин.

Ленин избавлялся от тех, кто был умнее, талантливее, образованнее его самого.

Высылка как метод избавления от неугодных, судя по всему, понравилась ее инициатору. Об этом можно судить по записке Дзержинского, которую он после встречи с Лениным оставил своему заместите-

лю Уншлихту: неуклонно продолжать высылку активной интеллигенции (и меньшевиков в первую очередь) за границу. Сведения о высылаемых должны собираться в «отделе интеллигенции». На каждого интеллигента должно быть заведено дело. От тех, кого высылали, требовали гарантий, что они никогда не возвратятся на Родину. Русский философ Иван Ильин, которому было предъявлено обвинение в том, что он не примирился с существующей в России рабоче-крестьянской властью, дал расписку следующего содержания:

«...Дана сия мною, гражданином Иваном Александровичем Ильиным, Государственному Политическому управлению в том, что обязуюсь не возвращаться на территорию РСФСР без разрешения органов Советской власти (статья 71 Уголовного кодекса РСФСР, карающего за самовольное возвращение в пределы РСФСР высшей мерой наказания, мне объявлена)»¹.

Во второй половине 20-х годов был нанесен тяжелый удар по старой инженерно-технической интеллигенции — в 1928 году большая группа инженеров и техников была репрессирована в ходе известного «шахтинского дела».

Подвергаются гонениям крупнейшие ученые в связи с так называемым академическим делом. Возникло оно еще в конце 1929 года и сопровождалось шумной кампанией против Академии наук. По делу проходило 115 человек, среди них такие ученые, как С. Платонов, Е. Тарле, Н. Лихачев, А. Пресняков, С. Рождественский, М. Любавский, Ю. Готье и другие. Им предъявили стандартное обвинение в подозрительных связях с представителями эмиграции, с иностранными общественными деятелями. Жизнь многих из них оборвалась в лагерях и ссылках.

В архивах КГБ скопилось столько бесценных рукописей выдающихся российских интеллектуалов, что такому «запаснику» мог бы позавидовать любой

¹ Ильин И.А. Собр. соч. Т.1. М., 1993. С.26.

музей или архив мира. Дорога к вызволению арестованных рукописей оказалась очень непростой. Я знаю это по собственному опыту. Хорошо помню, как несколько лет назад мне передали просьбу комиссии по литературному наследию Союза писателей СССР. Литераторы просили оказать содействие в розыске и возвращении читателям из архивов Лубянки рукописей репрессированных писателей. Назывались имена Бабеля, Артема Веселого, Пильняка, Кольцова, Чайнова и других. Я обратился в Генеральную прокуратуру. Генпрокурор СССР сообщил, что, согласно имеющимся документам, изъятая при аресте Михаила Кольцова переписка с Ильей Эренбургом и другие материалы были направлены в январе 1965 года в Институт мировой литературы имени Горького для постоянного хранения. Что же касается личных записей, рукописей, писем Бабеля, Пильняка, Веселого, Чайнова и других литераторов и ученых, то установить их судьбу не представляется возможным.

Как потом выяснилось, у генпрокурора были далеко не полные сведения о том, что хранилось в КГБ. Или он тоже лгал. Потом многие из рукописей вышеупомянутых писателей нашлись.

На исходе Гражданской войны начались ограничения на свободу переписки и свободу передвижения деятелей науки и культуры, введены соответствующие правила выезда за границу, когда решения принимались лишь с санкции органов ВЧК-ОГПУ и политбюро ЦК РКП(б). Известно, например, постановление политбюро от 12 июля 1921 года об отклонении ходатайства Луначарского и Горького об отпуске на лечение в Финляндию поэта Александра Блока, а также два постановления политбюро об отклонении просьбы 1-й студии МХАТ о зарубежной гастрольной поездке.

Ратовавший за эту поездку нарком просвещения Луначарский в ответ на возражения Дзержинского, обвинившего наркомат просвещения в потворстве бегству художественных сил из советской России,

предложил установить для всех артистов, желающих выехать за границу, очередь и отпускать их столько, сколько возвратится уехавших ранее. «Таким образом, установим естественную круговую поруку»¹. Но даже это достаточно бесстыдное нововведение не было принято.

К концу 20-х годов сложилась система тотального, всеохватывающего контроля за жизнью интеллигенции. Организацию такого контроля взяли на себя органы ВЧК-ОГПУ. В структуре его центрального аппарата были созданы подразделения, отвечавшие за этот или иной участок работы, — отдел политконтроля (исполнение цензорского режима, то есть деятельность сотрудников Главлита, Главреперткома, перлюстрация почтово-телеграфной корреспонденции), 4-е и 5-е отделения секретно-политического отдела (агентурные данные и организация сети осведомителей в художественной и научной среде, сбор агентурных данных). Были созданы Особые бюро по административной высылке «антисоветской интеллигенции».

Деятельность этих подразделений политической полиции поражает своей всеохватностью. Как свидетельствует докладная начальника отдела политконтроля В. Жтингофа заместителю начальника секретно-оперативного управления ОГПУ Г. Ягоде от 4 сентября 1922 года, в течение августа сотрудники отдела вскрыли и подвергли проверке 135 тысяч из 300 тысяч поступивших в РСФСР почтовых отправок. Все 285 тысяч писем, отправленных за границу, также подверглись перлюстрации².

Работники этого отдела сами готовили рецензии на литературные произведения, имели право вносить предложения об отмене решений Главлита и Главреперткома. С их подачи, например, ОГПУ постановило конфисковать книгу рассказов Пильняка «Смертельное манит», разрешенную Главлитом. Чекисты регулярно посещали театральные и эстрад-

¹ АП РФ, ф.3, оп.35, д.35, л.1—11.

² ЦА ФСБ РФ, ф.1, оп.6, д.26, л.22.

ные спектакли, другие массовые зрелища, составляли специальные протоколы о подозрительных, по их мнению, моментах, на основании которых принимались решения о привлечении «виновных» к административной и уголовной ответственности. Один из таких контролеров С. Блиц после посещения 10 апреля 1924 года циркового представления В. Дурова усмотрел в «процедуре с животными, где указывается на агитаторов в лице морских свинок», множество контрреволюционных острот. «Знаток искусств» оформил протокол о необходимости запретить этот цирковой номер.

Усилиями 4-го отделения секретно-политического отдела ОГПУ в среде творческой интеллигенции была создана широкая сеть информаторов и осведомителей, сообщавших в органы буквально о каждом шаге мало-мальски значимого писателя, артиста, музыканта, художника, кинематографиста.

Сын писателя Всеволода Иванова Вячеслав по этому поводу писал: *«В те годы, когда члены правительства хотели сблизиться с молодыми писателями, Дзержинский на одной из общих встреч объяснял моему отцу, как он его ценит за его произведения. Он пообещал, что в ближайшее время сумеет продемонстрировать это отцу. Через несколько дней гонец от него доставил отцу пакет с запиской, где сообщалось, что Дзержинский выполняет обещание и посылает все доносы на отца, полученные за последний год. В доме у Горького Агранов как-то говорил отцу: если бы вы только знали, какие люди на нас работают!»*

Многие осведомители являлись близкими товарищами своих собратьев по профессии, сами писали романы, ставили спектакли и фильмы, создавали художественные полотна и в то же время регулярно и оперативно доносили «наверх» о поведении и высказываниях своих друзей. О стихах О. Мандельштама о Сталине «Мы живем, под собою не чуя страны» или о неопубликованной поэме Н. Клюева «Песнь о Гамаюне» (поэты читали их лишь узкому кругу друзей) чекисты узнали незамедлительно.

В августе 1934 года, в дни работы I Всесоюзного съезда писателей, была распространена листовка, в которой авторы зывали к иностранным гостям. Вот она:

«Все, что услышите и чему вы будете свидетелями на Всесоюзном писательском съезде, будет отражением величайшей лжи, которую вам выдают за правду. Не исключается возможность, что многие из нас, принявших участие в составлении этого письма или полностью его одобдившие, будут на съезде или даже в частной беседе с вами говорить совершенно иначе. Для того, чтобы уяснить это, вы должны <...> понять, что страна вот уже 17 лет находится в состоянии, абсолютно исключающем какую-либо возможность свободного высказывания.

Мы, русские писатели, напоминаем собой проститутку публичного дома с той лишь разницей, что они торгуют своим телом, а мы душой; как для них нет выхода из публичного дома, кроме голодной смерти, так и для нас. Больше того, за наше поведение отвечают наши семьи и близкие нам люди.

Мы даже дома часто избегаем говорить так, как думаем, ибо в СССР существует круговая система доносов. От нас отбирают обязательства доносить друг на друга, и мы доносим на своих друзей, родных, знакомых... Правда, в искренность наших доносов перестали верить, также как не верят нам и тогда, когда мы выступаем публично и превозносим «блестящие достижения» власти. Но власть требует от нас этой лжи, ибо она необходима как своеобразный «экспортный товар» для вашего потребления на Западе. Поняли ли вы, наконец, хотя бы природу, например, так называемых процессов вредителей с полным признанием подсудимыми преступлений, ими совершенных? Ведь это тоже было «экспортное наше производство» для вашего потребления»¹.

Во время этого съезда органы ОГПУ—НКВД, используя агентурную сеть, организовали регулярное (через день) информирование высшего руководства о планах и настроениях в писательской среде. Они добились, чтобы в состав каждой делегации на съезде входили «творческие деятели», секретно сотрудничающие с органами.

¹ Там же, ф.3, оп.1, д. 56, л.160—163.

Особое внимание ОГПУ—НКВД уделяло поэтам. Из столицы перед съездом за «контрреволюционные настроения» были высланы поэты Я. Овчаренко (И. Приблудный), Цвелев, Асанов. В начале года по обвинению в антисоветских стихах арестовали Н. Клюева и Л. Пулина (обоих коллегия ОГПУ отправила в Сибирь, откуда они уже не вернулись: Н. Клюева по делу о мифической организации «Союз спасения России» «тройка» Томского управления НКВД 13 октября 1938 года приговорила к расстрелу).

В тюрьму препроводили О. Мандельштама за беспощадно меткие стихи о Сталине. Дальнейшая судьба поэта оказалась беспредельно трагичной (по письму генерального секретаря Союза советских писателей В. Ставского его вторично арестовали и 2 августа 1938 года отправили в лагерь, где он и погиб). Вот они, эти стихи:

Мы живем, под собою не чуя страны,
 Наши речи за десять шагов не слышны,
 А где хватит на полразговорца,
 Там припомнят кремлевского горца,
 ...А вокруг него сброд тонкошеих вождей.
 Он играет услугами полулюдей.
 Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
 Он один лишь бабачит и тычет.

Так же как и съезд писателей, органами сыска «обеспечивались» все более или менее крупные мероприятия художественной и научной элиты.

Более того, в отдельных случаях ОГПУ—НКВД выступали «инициаторами» антисоветских произведений. Через своих агентов они провоцировали «политически неблагонадежных» написать «что-нибудь этакое», а затем арестовывали авторов. Например, поэту А. Ганину, другу С. Есенина и его соучастнику по нашумевшему в 1923 году делу об «антисемитских высказываниях» группы поэтов о Троцком и Каменеве, секретный сотрудник ОГПУ фактически заказал произведение антибольшевистской направ-

ленности. Получив его, органы ОГПУ сфабриковали затем обвинение в том, что автор создал из представителей интеллигенции контрреволюционную террористическую организацию «Орден русских фашистов». По этому делу были арестованы и в марте 1925 года расстреляны А. Ганин, Г. Никитин, братья П. и Н. Чекрыгины, В. Галанов.

Своеобразным филиалом спецслужб, как это ни прискорбно, стали созданные после известного постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» единые общественные союзы деятелей творческой интеллигенции, в первую очередь Союз писателей. Многие его руководящие работники теснейшим образом сотрудничали с органами ОГПУ—НКВД, получая денежное вознаграждение, а немало было и таких, что работали штатными сотрудниками спецслужб.

Вершиной в пирамиде власти, куда поступала информация от спецслужб и руководителей союзов, были политбюро и секретариат партии. Эти закрытые и узкие по составу органы уже тогда находились вне правового пространства, ибо «законы конституции не распространяются на ЦК»¹, как об этом говорилось в неопубликованном письме Луначарского Ленину по поводу постановления политбюро о закрытии Большого театра в январе 1932 года.

Высшее партийное руководство, опираясь на спецслужбы, постепенно стало выступать не просто в роли арбитра между творческой интеллигенцией и запретительными органами. Оно объявило себя главным знатоком художественного творчества, главным наставником писателей, театральных деятелей, композиторов и художников, по сути, добиваясь, чтобы они перешли в полное услужение власти.

Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК, по согласованию со спецслужбами, приняли до ста прямых «запретительно-директивных» постановлений по литературе и искусству. В этом позорном переч-

¹ АП РФ, ф.3, оп.35, д.4, л.13 об.

не постановления о пьесах М. Булгакова («Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Багровый остров», «Бег»), М. Левидова («Заговор равных»), Л. Славина («Интервенция»), Д. Бедного («Богатырь»), И. Сельвинского («Умка — Белый медведь»), Л. Леонова («Метель»), А. Глебова («Начистоту»), М. Козакова («Когда я один»), В. Катаева («Домик»); о ликвидации театров 2-го МХАТ и имени Вс. Мейерхольда; о запрете и конфискации произведений Б. Пильняка, И. Сельвинского, А. Ахматовой, М. Зощенко, В. Кожевникова; о кинофильмах «Бежин луг» (режиссер С. Эйзенштейн), «Адмирал Нахимов» (режиссер В. Пудовкин), «Большая жизнь» (режиссер Л. Луков); о журналах «Октябрь», «Театр», «Звезда» и «Ленинград», «Знамя»; об опере В. Мурадели «Великая дружба», о закрытии альманахов на еврейском языке и др.

Высшее партийное руководство и руководство карательных служб, присвоив себе судебные функции, в течение многих лет решало вопросы жизни и смерти деятелей литературы и искусства. Как свидетельствуют архивные документы, органы ОГПУ—НКВД—КГБ в своих донесениях Сталину по итогам следствия предлагали не только сценарии судебных спектаклей, но и меру наказания. Как правило, Сталин и его подручные соглашались.

Но случалось, хотя и очень редко, сам вождь, руководствуясь ему одному известными расчетами, вмешивался в судьбу того или иного деятеля науки и культуры. Например, получив из НКВД—КГБ компрометирующие справки на поэтессу Л. Сейфуллину — жену «врага народа» писателя В. Правдухина, а также на еще не арестованных участников литературной группы «Перевал», симпатизировавшей Троцкому, поэтов М. Голодного, М. Светлова, И. Уткина, Д. Бедного, И. Эренбурга, А. Платонова, не поддержал предложение репрессировать их. И в то же самое время был инициатором уничтожения сотен других видных писателей, артистов, художников, кинематографистов, музыкантов.

В 1927 году по обвинению в антисоветской пропаганде (сочинил стихотворение «Коммунист, взводи курок») отправился в ссылку поэт Я. Овчаренко. В декабре 1928 года за участие в кружке-семинаре профессора А. Мейера и К. Половцева, члены которого на своих встречах обсуждали вопросы религиозного характера, в Ленинграде арестовали и осудили к 5 годам лагерей известного филолога А. Болдырева, будущего выдающегося литературоведа М. Бахтина (последнему по ходатайству Н. Семашко и первой жены Горького Е. Пешковой заключение в лагерь заменят в 1930 году ссылкой в Казахстан).

В начале следующего года коллегия ОГПУ приговорила к высылке в Северо-Двинский край и на Урал членов литературной группы «Перевал» М. Мирова и И. Малеева (оба позднее будут повторно репрессированы и погибнут). Руководителя этой группы, бывшего редактора «Красной нови» А. Воронского, подсказавшего Б. Пильняку сюжет «Повести о непогашенной луне», исключили из партии, арестовали и приговорили к 5 годам заключения в политизоляторе. В эти же годы по обвинению в принадлежности к троцкистской оппозиции отправился в северо-уральские лагеря студент Московского университета, будущий писатель В. Шаламов, проведенный в общей сложности в тюрьмах, лагерях и ссылке более 17 лет.

С начала 1930-х годов масштабы репрессий неуклонно нарастают. ОГПУ в Ленинграде сфабриковало дело об антисоветской группе детских писателей — широко известного кружка последователей В. Хлебникова — «обэриутов», в который входили поэт и прозаик Д. Хармс (Ювачев), поэт А. Введенский, поэт и ученый-лингвист А. Туфанов, театральный художник Е. Сафонова, молодой литератор И. Андроников и другие. По обвинению в антисоветской агитации большинство из арестованных были осуждены в марте 1932 года к различным срокам заключения.

Не успело руководство ОГПУ завершить работу в Ленинграде, как на стол председателя ОГПУ лег новый донос, теперь уже о существовании в Москве «контрреволюционной» группировки литераторов «Сибиряки». Члены этой группировки — Н. Анов (Иванов), Е. Забелин (Л. Савкин), Л. Мартынов, С. Марков, Л. Черноморцев и П. Васильев — обвинялись в том, что критиковали большевистскую политику коллективизации, увлекались творчеством белогвардейских поэтов, посвящали свои стихотворения адмиралу А. Колчаку. Эти молодые поэты и писатели в июне 1932 года были отправлены в ссылку.

Летом 1933 года новый председатель ОГПУ Г. Ягода представил Сталину тексты неопубликованных политических басен драматургов Н. Эрдмана и В. Масса, высмеивавших цензуру и культурную политику властей. По личному указанию вождя эти сатирики, только что закончившие сценарий кинофильма «Веселые ребята», были арестованы и сосланы в Енисейск и Тобольск. Почти одновременно с ними такому же наказанию коллегия ОГПУ подвергла писателей-сатириков, сотрудников журнала «Крокодил» М. Вольпина и Э. Германа (Эмиля Кроткого), вся вина которых заключалась в чтении опасных басен своих коллег перед знакомыми и близкими.

В годы «большого террора» уничтожили многих из проживавших в СССР поляков, в том числе писателей Б. Ясенского и Г. Домского (расстрел), поэта С. Стандэ (расстрел), дирижера и композитора Б. Пшибышевского (расстрел), актрису Э. Шимкевич (расстрел), писательницу Е. Бобинскую (приговорена к 8 годам ИТЛ) и других.

В начале 1935 года члены Московского союза художников (МОСХ) инициативно организовали обсуждение «контрреволюционной» картины Н. Михайлова на тему убийства Кирова. Единогласно, как докладывал в политбюро заведующий отделом культуры и пропаганды ЦК А. Стецкий, правление МОСХ потребовало принятия соответствующих мер. «Считаю, — заключал докладную записку А. Стец-

кий, — что, ввиду выяснившихся обстоятельств дела Михайлова, его необходимо арестовать и провести у него тщательный обыск. Прошу дать соответствующие указания НКВНУдел».

«За арест» — наложили на этой докладной резолюцию Сталин, Молотов и Ворошилов¹.

Спустя три месяца последовал новый донос — 13 именитых поэтов обратились в президиум правления Союза советских писателей с предложением «принять более эффективные меры к искоренению «васильевщины» в нашей литературной жизни». Письмо заслуживает, чтобы его опубликовать полностью. Яркий пример того, как писатели и поэты пожирали писателей и поэтов.

«В течение трех последних лет в литературной жизни Москвы не было почти ни одного случая проявления аморально богемских или политически реакционных выступлений или проступков, не связанных с именем поэта Павла Васильева.

Опираясь на странную и неизвестно откуда идущую поддержку, этот человек совершенно безвозбранно и безнаказанно делает все для того, чтобы своим поведением дискредитировать звание советского писателя.

Меры воздействия со стороны советской писательской общественности — и воспитательные и репрессивные — никакого результата не дали. Павел Васильев, как это с достаточной очевидностью показывает его поведение, игнорировал и суровое предупреждение А.М. Горького в статье «Литературные забавы», и многочисленные другие предупреждения в советской печати, и сам факт исключения его из Союза за хулиганство.

Последние факты, в частности дебош в писательском доме по Проезду Художественного театра, и откровенно реакционные и прямо контрреволюционные разговоры Васильева говорят о том, что он уже прошел расстояние, отделяющее хулиганство от фашизма. Вся система его поведения говорит об этом достаточно красноречиво.

¹ Там же, д.45, л.26—29.

Ко всему сказанному присоединяется и то, что Васильев своим цинично хулиганским поведением и своей безнаказанностью стимулирует рост реакционных и хулигански богемских настроений среди определенного слоя литературной молодежи. Больше того, Васильев окружил себя определенной группой литературных «молодых людей», носителей самых худших богемских навыков. Больше того, в разговорах с молодыми, он постоянно бравирует своей безнаказанностью и своим хулиганским поведением, добиваясь определенного направления в формировании характера этих молодых литераторов.

Случаи с Ярославом Смеляковым, Лавровым, Сухаревым и другими показали, что эти попытки Васильева не были безрезультатны.

Все сказанное, во-первых, подтверждает то, что реакционная творческая практика Васильева органически сочетается с характером его общественного поведения и, во-вторых, — что Павел Васильев это не «персональная» проблема, а явление более широкое и, значит, более вредное и опасное.

Кроме того, с именем Павла Васильева связано такое явление в нашей литературной жизни, как возникновение и процветание всяких «салонов» и «салончиков», фабрикующих непризнанных гениев и создающих им искусственные «имена».

Перечисленные факты заставляют нас во весь рост поставить перед президиумом правления вопрос о том, что пора принять более эффективные меры к искоренению «васильевщины» в нашей литературной жизни. Мы считаем, что достигнуть этого можно только путем принятия решительных и строгих мер, направленных против самого Васильева, показав тем, что в условиях советской действительности оголтелое хулиганство, определенно антисоветски заостренное, не может ни для кого сходить безнаказанно.

Алексей Сурков, Михаил Голодный, Джек Алтаузен, Михаил Светлов, Вера Инбер, Бела Иллеш, Николай Асеев, Семен Кирсанов, Борис Агапов, Александр Жаров, Иосиф Уткин, Владимир Луговской, Александр Безыменский»¹.

¹ АП РФ, ф.3, оп.34, д.187, л.109—112.

Известно, что это письмо было организовано А. Щербаковым (будущий секретарь ЦК КПСС, он был в то время секретарем Союза писателей). Но меня удивляет в данном случае не то, что кто-то, изнемогая от карьерной жажды, собирал подписи. Гораздо важнее другое, а именно то, что писатели, художники, композиторы сами помогали созданию атмосферы доносов и преследований. К большому стыду, эта традиция укоренилась в среде творческой интеллигенции, она еще очень долго жила и процветала. Донос был направлен секретарям ЦК Сталину, Андрееву, Ежову. Щербаков сопроводил это письмо своим политическим заключением.

«Считаю необходимым направить Вам копию заявления тринадцати поэтов, поданного ими в Президиум Правления ССП СССР, и по существу этого заявления сообщить следующее.

Летом 1934 года А.М. Горький в статье «Литературные забавы» резко осудил хулиганское поведение поэта Павла Васильева. В ответ на статью П. Васильев опубликовал покаянное письмо, в котором публично дал обещание исправиться.

Через несколько месяцев П. Васильев учинил в Доме советского писателя дебош, который носил характер антисоветского, антисемитского выступления. За этот проступок П. Васильев был исключен из Союза советских писателей.

В самое последнее время, когда ему (П. Васильеву) со стороны Союза писателей была оказана некоторая поддержка с целью вернуть в литературу — П. Васильев вновь позволил себе грубый антиобщественный поступок.

Ворвавшись на квартиру поэта Алтаузена, он учинил там драку, антисоветские выкрики и т.п.

Но самое главное заключается в том, что среди писателей, особенно молодежи, хвастает: «Видали, ничего мне не будет. Вы чудачки, если хотите к себе внимания — ведите себя как я».

Работники НКВД, с которыми я разговаривал, за-

являют: «Меры в отношении П. Васильева принять пора, но сделать это можно только по указанию ЦК».

Со своей стороны я считаю необходимым за последнее выступление П. Васильева или судить, или выслать из Москвы. Это сейчас тем более необходимо, что за последние месяцы в Москву вернулись из ссылки поэты Асанов, Цвелев, Приблудный, писатель Пестюхин, которые группируются вокруг П. Васильева.

Кстати, позволю себе выразить мнение, что органы НКВД напрасно этим людям дают московские паспорта. Более целесообразно, чтобы эти люди пожили еще некоторое время в провинции.

Секретарь правления СПП СССР А. Щербаков
22.V.-35 г.»¹

Собратья по перу, как видим, предложили просто исключить из общественной и литературной жизни своего коллегу. По указанию Сталина 24 мая письмо было опубликовано в «Правде». Органы НКВД отреагировали, как всегда, оперативно — в июне Васильева вместе с его товарищем, поэтом Ярославом Смеляковым, арестовали и осудили к 3 годам заключения в лагерь (в феврале 1937 года Васильев, только что выпущенный на свободу, будет повторно арестован и в июле расстрелян вместе с группой писателей так называемого крестьянского направления).

В 1936 году количество репрессированных деятелей творческой интеллигенции резко увеличилось. За эти месяцы сотрудники госбезопасности «раскрыли антисоветскую группу» писателей и поэтов Н. Поступальского, П. Карабана (Шлеймана) и В. Нарбута, арестовали писателей И. Филипченко (расстрелян), Н. Гаген-Торн (осуждена к ссылке), Н. Мамина (осужден к 7 годам ИТЛ), А. Моргулиса (осужден к 5 годам ИТЛ, погиб в Севвостоклаге), М. Карпова (расстрелян), кинодраматурга Б. Майского (расстрелян), литературного критика М. Майзеля (расстрелян), литературоведа Ю. Оксмана

¹ Там же, л. 107—108.

(осужден к 5 годам ИТЛ), артистов оркестра Большого театра А. Герасимова и Г. Адамова (расстреляны) и многих, многих других.

В последние месяцы жизни под личным контролем тогдашнего шефа ОГПУ—НКВД Ягоды находился Максим Горький. Проверялись, прежде чем попасть к Горькому, даже газеты. Были случаи, когда специально для главы советских писателей типография печатала номер «Правды» в одном экземпляре с соответствующим добавлениями, изъятиями и подделками. Сложившаяся вокруг угасавшего Горького обстановка секретности заставляет серьезно относиться к версии о загадочных обстоятельствах его смерти: была ли это обычная болезнь или руку к его кончине приложили власть предержащие?

Невиданного размаха репрессии достигли в годы «большого террора» — в 1937—1938 годах. Именно тогда органы НКВД по заказу сверху «обнаружили десятки глубоко законспирированных антисоветских организаций», в ряды которых зачисляли в большинстве своем людей, отличавшихся, с точки зрения властей, «неблагонадежным» поведением или «сомнительным» прошлым. За принадлежность к разного рода мифическим организациям заплатили жизнью или сломанной судьбой еще сотни писателей, драматургов, кинематографистов, артистов.

Так, бывших участников литературной группы «Перевал» (И. Катаев, Б. Губер, Н. Зарудин, Артем Веселый (Н. Кочуров), А. Лежнев-Горелик, все потом расстреляны) арестовали по обвинению в членстве в так называемой троцкистской террористической организации литераторов А.К. Воронского (самого руководителя летом 1937 года постигла та же участь).

Писателей и поэтов «крестьянского направления», друзей и соратников покойного Сергея Есенина И. Макарова, И. Васильева, А. Орешина, В. Кириллова, М. Герасимова, С. Клычкова (Лешенкова) и других приговорили к расстрелу за уча-

стие в антисоветской литературной группе, сочувствовавшей противникам колхозного строя, членам «разоблаченной» в конце 1920-х годов «Трудовой крестьянской партии». Писателей — выходцев из Сибири — В. Зазубрина (Зубцова), В. Правдухина, В. Наседкина и Е. Пермитина обвинили в троцкистских взглядах и стремлении добиться автономии сибирского края и осудили первых троих к высшей мере наказания, последнего — к ссылке.

«Верным солдатам партии» — бывшим руководителям РАППа и литературного сектора Комакадемии Л. Авербаху, В. Киришону, И. Макарьеву, С. Динамову, В. Кирпотину, М. Чумандрину, А. Селивановскому, Д. Мазнину, Р. Пикелю и другим — вменили в вину организацию террористических актов против лидеров партии и государства.

В Ленинграде «обнаружили» очередную писательскую «троцкистскую террористическую организацию». За участие в ней арестовали и приговорили к высшей мере наказания или различным срокам заключения поэтов Б. Корнилова, П. Калитина, Б. Лившица, С. Дагаева, Н. Заболоцкого, О. Берггольц, писателей и переводчиков В. Стенича (Сметанича), И. Лихачева, Ю. Юркуна, Г. Куклина, Ю. Берзина, Е. Тагер, П. Губера, С. Спасского, литературных критиков Д. Выгодского, П. Медведева, многих других.

В Иркутске после известных решений февральско-мартовского (1937 год) пленума ЦК ВКП(б) о борьбе с троцкистскими и иными двурушниками и вредителями в местном отделении Союза писателей развернули «самокритику», в ходе которой за связь с контрреволюционерами были исключены из Союза и затем репрессированы писатели А. Балин, И. Гольдберг, П. Петров, М. Басов и другие. В результате в областном отделении писателей осталось всего два члена — те, которые сотрудничали с местным управлением НКВД.

Подобная трагическая картина характерна для многих других регионов страны. Так, в Бурятии

были репрессированы писатели П. Дамбинов и Ц. Дон, в Татарии — писатель Г. Ибрагимов и драматург К. Тинчурин; в Башкирии — писатели А. Амантай, Д. Юлтый (Юлтыев), С. Галимов, Г. Давлетешин, А. Тагиров; в Удмуртии — писатели Д. Корепанов-Кедра (Митрей Кедра) и М. Коновалов; в Марийской республике — писатели И. Олык, И. Чайван, М. Шкетан (М. Майоров), поэт и актер И. Крыля; в Карелии — писатель Я. Виртанен; в Коми — основатель театрального дела в республике, драматург, поэт и прозаик В. Савин; в Якутии — основоположники якутской литературы П.А. Ойунский (П. Слепцов), А. Сафронов, писатель Г. Баишев (Алтан Сарын).

Почти одновременно осенью 1937 года арестовали и приговорили к расстрелу художественных руководителей двух ведущих киностудий Е. Соколовскую («Мосфильм») и А. Пиотровского («Ленфильм»). Была разгромлена редакция газеты «Кино», погиб ее главный редактор киновед Г. Вовси. Расстреляли секретаря оргбюро ЦК союза киноработников К. Блюма (Озолина). В январе 1938 года по обвинению в попытке организовать в просмотровом кинозале в Кремле террористический акт против членов политбюро арестовали и приговорили к расстрелу начальника Главного управления кинофотопромышленности при СНК СССР, находившегося в свое время вместе со Сталиным в нарымской ссылке, Б. Шумяцкого, его заместителя В. Усиевича, других руководителей главка. Все эти обвинения были вымышленными, не имеющими под собой абсолютно никаких оснований.

В стране не осталось, пожалуй, ни одного театрального коллектива, который избежал бы трагических потерь. Репрессиям подверглись директор и художественный руководитель Центрального детского театра Н. Сац (осуждена к 5 годам), режиссеры и театральные деятели А. Дикий, К. Эггерт, И. Правов, А. Нестеров, З. Смирнова, М. Рафальский, И. Баранов. В московском театре им. М. Ермоло-

вой тоже была «обнаружена» контрреволюционная группа. Ее «участников» — актеров Г. Баумштейна (Бахтарова), Е. Бонфельда (Кравинского), Н. Лосева, М. Унковского, Б. Эверта, Н. Чернышеву, В. Радунскую и других приговорили к различным срокам заключения. По делу артистов Московской эстрады и цирка арестовали 57 человек, 8 из них расстреляли.

Из-за массовых репрессий фактически прекратили свое существование возникшие после революции и работавшие в Москве государственные польский и латышский театры. Труппу последнего уничтожили практически целиком: в феврале 1938 года расстреляли обоих режиссеров — К. Круминь и В. Фортсмана, ведущих актеров театра В. Балтгалова, З. Боксберг, Н. Зубова, А. Круминь, М. Лейко, М. Калнину, А. Оше, Э. Фельдмана.

В Большом театре, деятельности которого высшее партийно-государственное руководство всегда уделяло особое внимание (одно время при политбюро действовала даже специальная комиссия по руководству и наблюдению за театром), были арестованы и приговорены к расстрелу солистка оперы М. Михайлова, пианистка Л. Аптекарева, инспектор сцены М. Дарский, художник-декоратор К. Мейкул и другие.

В ходе реализации решения политбюро от 2 июля 1937 года о проведении операции по репрессированию «социально опасных» групп населения и приказов Н. Ежова об уничтожении объявленных «шпионами и диверсантами» бывших германских подданных, бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги и реэмигрантов из Маньчжоу-Го, а также бывших кулаков, членов антисоветских партий и ранее репрессированных, были расстреляны писатели П. Дорохов и К. Шмюкле, администратор музыкального театра им. В. Немировича-Данченко И. Аранович-Ардити, пианистка Московской филармонии А. Миликовская, члены Московского союза художников Ц. Густав и Ф. Коннов, «свобод-

ные» художники А. Древин, А. Берзин и В. Липгарт, художник издательства «Академия» Н. Дмитриевский, художник и литератор С. Бройде, артист кино Т. Кан, архитектор О. Вутке, заведующий архитектурным отделом Моссовета А. Погосян, профессор церковного пения, внук фельдмаршала Кутузова и родственник Тухачевского М. Хитрово-Крамской.

Представителей культурной элиты репрессировали не только за «причастность» к мифическим заговорщицким группам. Для вынесения приговора достаточно было самого факта принадлежности к семье «изменника родины». В качестве членов таких семей были арестованы и осуждены к длительным срокам заключения или ссылки писательницы Г. Серебрякова, С. Виноградская (жена партработника С. Шора, осужденного по делу «троцкистского террористического молодежного центра»), актрисы О. Щербиновская и К. Андроникашвили (первая и вторая супруги Б. Пильняка), солистка музыкального театра им. В.И. Немировича-Данченко С. Големба.

После 1938 года и особенно в послевоенный период для наказания «непослушных» чаще стали использоваться средства морального давления и административного произвола (запрет на публикацию новых и переиздание старых произведений, ограничение выездов за границу, включая гастрольные поездки), а также разнообразные методы публичного осуждения (погромные статьи в печати, проработка провинившегося собратями по творческому союзу и т.п.). Печально известные идеологические кампании 1940 года — проработка писателей, драматургов и поэтов А. Авдеенко, Л. Леонова, А. Глебова, В. Катаева, М. Козакова, А. Ахматовой и др.; 1943 года — А. Довженко, Н. Асеева, М. Зощенко, И. Сельвинского; 1946 года — снова М. Зощенко и А. Ахматовой; в 1948—1949 годах — борьба с «космополитизмом», закрытие Камерного театра.

Но это не означало какой-то новой политики.

Аресты и расстрелы продолжались. Они как бы напоминали оставшимся на свободе о поминутной для них возможности подобной судьбы. Так, в январе 1940 года был расстрелян по обвинению в шпионаже и участии в террористической организации писатель И. Бабель. Такая же участь постигла известного литературного критика, бывшего эмигранта, вернувшегося в 1932 году в СССР, Д. Мирского (Святополк-Мирского). В июле 1939 года репрессировали только что назначенного директора МХАТ Я. Боярского (Шимшелевича).

В предвоенном 1940 году и первой половине 1941 года на основании донесений осведомителей приговорили к расстрелу близкого друга А. Платонова писателя А. Новикова, арестовали ленинградских писателей С. Гехта и Я. Ларри, академика АН СССР, директора Института мировой литературы им. А.М.Горького И. Луппола (в августе 1941 года он был осужден к 20 годам лагерей и погиб в заключении). В 1943 году умер в тюрьме академик Николай Иванович Вавилов — выдающийся ученый-генетик.

Контроль за интеллектуальным творчеством был тотален и беспрерывен. В 1943 году, например, были признаны «вредными» киноповести А. Довженко «Победа» и «Украина в огне», в которых автор осмеливался покритиковать отдельные стороны колхозного строительства и национальной политики¹. На Пленуме МГК (26 февраля 1944 года) и совещании ЦК (21 марта того же года) Довженко был подвергнут, по указанию Сталина, унижительной критике. Решением секретаря ЦК ВКП(б)У Н. Хрущева Довженко был освобожден от обязанностей художественного руководителя Киевской киностудии.

В годы войны репрессировали писателя Л. Овалова, искусствоведа В. Сахновского, солиста оперы Большого театра Д. Головина, руководителя Государственного джаз-оркестра СССР А. Варламова. По указанию Сталина, в марте 1943 года арестовали

¹ РЦХИДНИ, ф.17, оп.125, д.212, л.1—3, д.232, л.9.

и осудили к 5 годам лагерей кинодраматурга А. Каплера, поскольку в него влюбилась дочь «вождя» Светлана. В Литературном институте «выявили» «антисоветскую» группу студентов — приверженцев «необарокко». В числе осужденных к заключению в лагерь оказался будущий писатель-литературовед А. Белинков, написавший, по мнению следствия, подозрительную дипломную работу. Во Всесоюзном институте кинематографии тогда же репрессировали студентов, будущих сценаристов Ю. Дунского и В. Фрида.

В послевоенный период на четыре года угодила в лагерь актриса Московского театра сатиры В. Токарская как бывшая военнопленная (в начале войны, будучи в составе фронтовой концертной бригады, попала в плен). В конце 1946 года были репрессированы по обвинению в создании группы «англо-американской ориентации» художник-декоратор М. Фатеева, солист ГАБТ Н. Синицын, актер Л. Бордуков. Была арестована и приговорена к 25 годам тюремного заключения актриса того же театра З. Федорова, к длительному сроку заключения приговорили руководителя Государственного джаза Белорусской ССР Эдди Рознера. Оказались в концлагере известный архитектор М. Мержанов, артистка балета Мосэстрады Е. Добржанская.

Была получена санкция Сталина и в отношении популярной актрисы театра и кино Т. Окуневской, выдающейся русской певицы Л. Руслановой (действительной причиной ареста которой была дружба с семьей опального маршала Жукова), племянницы Сталина актрисы Малого театра К. Аллилуевой. Все они были репрессированы.

14 августа 1946 года появляется постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». Их обвинили в том, что они публиковали произведения Анны Ахматовой и Михаила Зощенко. Постановление, а особенно доклад Жданова на собрании партийного актива Ленинграда, отличались базарным хамством. «Подонки литературы», «мещанин и

пошляк» — это о Зошенко. «Полумонахиня-полублудница» — это об Ахматовой. И приговор: «чуждые советской литературе люди». Через несколько дней Анна Ахматова и Михаил Зошенко были исключены из Союза писателей.

Через три недели в жернова цензуры попали фильмы Пудовкина и Эйзенштейна, а также фильм «Большая жизнь». В том же 1946 году началась травля так называемых «декадентских» тенденций в театрах. В мае 1948 года Жданов взялся за композиторов Мурадели, Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна, Шебалина, Мясковского и других, которые были отнесены к представителям антинародного, формалистического направления.

Не избежали произвола кесаря и ученые. Начавшиеся накануне войны преследования генетиков и биологов возобновились с удвоенной энергией в 1947—1948 годах. Академики А. Жебрак, П. Жуковский, Л. Орбели, А. Сперанский, И. Шмальгаузен и их ученики, буквально сотни исследователей, были изгнаны из Академии и со своих кафедр и факультетов. Оказались запрещенными генетика и другие отрасли знаний — квантовая механика, теория вероятностей, статистический анализ в социологии.

В период «великого позора» — борьбы с так называемым «космополитизмом» в Москве, Ленинграде, Киеве, других крупных городах прошли массовые аресты интеллигенции еврейской национальности. Среди репрессированных — поэты и прозаики П. Маркиш, И. Фефер, С. Галкин, Л. Квитко, Д. Бергельсон, А. Кушников, С. Персов, Д. Гофштейн, И. Платнер, М. Таталаевский, С. Гордон, А. Гонтарь, М. Тейф, М. Бродерзон, актер В. Зускин, литературные критики И. Нусинов, И. Добрушкин и другие.

От деятелей культуры еще и еще раз потребовали неукоснительно соблюдать «ленинские принципы партийности», не допускать появления в журналах и в репертуаре театров «произведений, культивирую-

щих не свойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада». ЦК указал Комитету по делам искусств и издательству «Искусство» на то, что с благословления Комитета был выпущен сборник одноактных пьес современных английских и американских драматургов. Эти пьесы, по мнению ЦК, являются образцом низкопробной и пошлой зарубежной драматургии, открыто проповедующей буржуазные взгляды и мораль.

Появляется «Закрытое письмо ЦК» о деле профессоров Ключевой и Роскина от 16 июля 1947 года. Профессоров обвинили в передаче американцам «важного открытия» советской науки — препарата для лечения рака, которого, как известно, нет и до сих пор.

В ходе реабилитационных дел лично мне постоянно приходится отвечать на вопрос: знал ли Сталин о планомерном уничтожении интеллигенции, понимал ли, что, уничтожая интеллигенцию, он подрывает корни интеллектуальной силы России? Отвечаю: конечно, знал. Больше того, был инициатором этих преступлений. Как и Ленин, он ненавидел интеллигенцию.

Возьмем «Открытое письмо Сталину» Федора Раскольникова. На мой взгляд, оно точно отражает суть вопроса. Письмо начинается словами грибоедовского «Горе от ума»: «Я правду о тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи». И дальше:

«Лицемерно провозглашая интеллигенцию «солью земли», Вы лишили минимума внутренней свободы труд писателя, ученого, живописца. Вы зажали искусство в тиски, от которых оно задыхается, чахнет и вымирает... Писатель не может печататься, драматург не может ставить пьесы на сцене театра, критик не может высказать свое личное мнение, не отмеченное казенным штампом.

Вы душиите советское искусство, требуя от него придворного лизоблюдства, но оно предпочитает молчать, чтобы не петь Вам «осанну».

...Вы беспощадно истребляете талантливых, но лично вам неудобных русских писателей. Где Борис Пильняк? Где Сергей Третьяков? Где А.Аросев? Где Михаил Кольцов? Где Тарасов-Родионов? Где Галина Серебрякова, виновная в том, что была женой Сокольников?

Вы арестовали их, Сталин!

Вслед за Гитлером вы воскресили средневековое сжигание книг.

...Когда я был полпредом в Болгарии, то в 1937 году в полученном мною списке обреченной огню запретной литературы я нашел мою книгу исторических воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году». Против фамилии многих авторов значилось: «Уничтожить все книги, брошюры и портреты».

Вы лишили советских ученых, особенно в области гуманитарных наук, минимума свободы научной мысли, без которого творческая работа становится невозможной.

Самоуверенные невежды интригами, склоками и травлей не дают работать ученым в университетах и институтах, лабораториях.

...Вы истребляете талантливых русских ученых.

Где лучший конструктор советских аэропланов Туполев? Вы не пощадили даже его. Вы арестовали Туполева, Сталин!

Нет области, нет уголка, где можно спокойно заниматься любимым делом. Директор театра, замечательный режиссер, выдающийся деятель искусства Вс.Мейерхольд не занимался политикой. Но Вы арестовали Мейерхольда, Сталин!

Зная, что при Вашей бедности кадрами особенно ценен каждый культурный и опытный дипломат, Вы заманили в Москву и уничтожили одного за другим всех советских полпредов. Вы разрушили дотла весь аппарат народного комиссариата иностранных дел».

Свое письмо Сталину, датированное 17 августа 1939 года, Раскольников заканчивает словами:

«...Рано или поздно советский народ посадит Вас на скамью подсудимых как... главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов».

Лишь через полвека это письмо появилось в нашей печати. Гневные строки Раскольниковова примечательны тем, что реестр политических преступлений Сталину предъявляет его бывший единомышленник и соратник, который сумел посмотреть на политику большевизма глазами протрезвевшего и кающегося человека.

Приведу еще выдержку из письма выдающегося ученого, лауреата Нобелевской премии, академика И. Павлова, написанное им 21 декабря 1934 года и направленного в адрес СНК СССР. Поводом для этого послания послужили слухи, что Павлов намеревается покинуть родину.

«Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До Вашей революции фашизма не было. Ведь только политическим младенцам Временного правительства было мало даже двух Ваших репетиций перед Вашим Октябрьским торжеством. Все остальные правительства вовсе не желают видеть у себя то, что было и есть у нас, и, конечно, вовремя догадываются применить для предупреждения этого то, чем пользовались и пользуетесь Вы, — террор и насилие. Разве это не видно всякому зрячему.

Но мне тяжело не оттого, что мировой фашизм попридержит на известный срок темп естественного человеческого прогресса, а оттого, что делается у нас и что, по моему мнению, грозит серьезной опасностью моей родине».

В ходе изучения документов открываются невероятные факты пыток в специальной пыточной на Лубянке над людьми с мировыми именами. Наивный Мейерхольд решил пожаловаться Молотову. Нельзя без содрогания читать этот документ, сохранившийся на Лубянке. Следователи бросали Мейерхольда лицом вниз, били резиновым жгутом по пяткам и по спине, потом сажали на стул и снова били по ногам. В следующие дни били по этим же местам, ставшими, по словам Мейерхольда, красно-синезелтыми от кровоподтеков. Боль была такая, что ка-

залось, на больные места лили кипятком. «Лежа на полу лицом вниз, я обнаруживал способность извиваться и корчиться, и визжать, как собака, которую бьет плетью ее хозяин...»

Мейерхольд, видимо, не знал или не верил, что подобная практика является обычной, рутинной в деятельности сталинских карателей.

Оттепель 1956 года дала как бы сигнал к освобождению от духовной тирании. Общество в определенной мере обрело новое качество, появилась надежда, что власти откажутся от практики массовых расправ за инакомыслие. Но не тут-то было. XX съезд вовсе не устранил притязаний высшей партийной номенклатуры на духовное превосходство над всеми подданными и на право решать сложнейшие проблемы творчества, судьбы людей и их творений.

Никита Хрущев испугался начавшихся проявлений творческой свободы. А что касается его непосредственного окружения, то там многие были просто в панике. Оклемавшись от шока, это окружение принялось за планомерную работу по реставрации прежних порядков. Начались новые гонения на интеллигенцию. Печально известные встречи с писателями, открытые поношения художников после посещения выставки в Манеже и многое другое показали, что руководство страны не готово к реальному демократическому повороту.

В отношении интеллигенции государство по-прежнему придерживалось агрессивно-обвинительной позиции. В этом смысле ленинско-сталинское наследие осталось практически непересмотренным. Сам Хрущев однажды воскликнул: «Сталина мы не отдадим никому!» Снова возобновились политические судилища, инакомыслящих лишали работы, травили в средствах массовой информации. Особенно отличалась газета «Правда» — бессменный рупор большевистской реакции во все времена.

Напомню несколько известных фактов. В начале 1957 года критике был подвергнут роман Владимира

Дудинцева «Не хлебом единым», опубликованный в журнале «Новый мир» в 1956 году. Автора обвинили в том, что под флагом борьбы против культа личности он пытается перечеркнуть достижения советской власти, оскорбляя тем самым народ. Здесь очевиден испуг правящей клики перед наступившей, пусть и короткой, оттепелью, тем более что в романе прозвучала талантливая критика системы, ее бюрократической сути.

Одним из наиболее впечатляющих примеров политического террора, а одновременно и вульгарного невежества стало позорное дело Бориса Пастернака, опубликовавшего на Западе свой роман «Доктор Живаго». В октябре 1958 года писатель исключается из Союза писателей. Его принуждают отказаться от Нобелевской премии. «Братья по перу» опубликовали в «Правде» позорнейшее письмо, обвиняющее Пастернака во всех смертных грехах перед советской властью.

Многие документы, связанные с травлей Пастернака, опубликованы, тем не менее считаю полезным включить их в эти свои заметки, чтобы в контексте других фактов, событий и документов подобного плана еще отчетливее видна была ненависть режима к интеллигенции, невежество и одновременно страх властителей перед духовной элитой.

Началось, как уже бывало нередко, с записки КГБ в ЦК КПСС. В ней сообщалось, что Пастернаком написан идеологически вредный роман, который писатель собирается опубликовать на Западе. Известно, что в то время любая публикация за рубежом, кроме статей, подготовленных в самом КГБ или в его филиалах, приравнивалась к враждебному действию. Советские издательства отказались печатать роман. После кагэбистской записки ЦК поручило всем своим подразделениям заняться Пастернаком и его романом.

В ЦК 7 декабря 1957 года направляется письмо К. Симонова¹ — главного редактора журнала «Новый мир»:

¹ ЦХСД, ф.5, оп.36, д.37, л.24—25.

«В связи с выходом в Италии романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»¹ прошу рассмотреть следующее предложение:

В первых числах сентября 1956 года пять членов редакционной коллегии журнала «Новый мир» (Федин, Лавренев, Агапов, Кривицкий, Симонов), прочитав предложенную журналу рукопись романа Пастернака, написали автору письмо, в котором подробно излагались мотивы безоговорочного отклонения рукописи. Письмо это, объемом в тридцать пять страниц, было написано с широкой аргументацией всех политических пороков романа с тем, чтобы в случае появления романа в зарубежных издательствах можно было бы при помощи публикации этого письма предпринять одну из ряда возможных контрмер. Сама идея написания письма возникла при совместном обсуждении этого вопроса с товарищами Поликарповым и Сурковым² в отделе культуры ЦК КПСС.

Сейчас роман только что опубликован в Италии, и почти одновременно, в декабре, в Венеции состоится очередная встреча «Европейского общества культуры», на которую приглашены, и очевидно поедут, наши писатели.

Можно предполагать, что на этой встрече наши противники постараются активно использовать против нас выход романа Пастернака на итальянском языке.

Мне кажется, что в этих условиях было бы целесообразно, чтобы во время этой встречи один из беспартийных писателей старшего поколения, подписавший в свое время письмо Пастернаку, К.А. Федин или Б.А. Лавренев передал от себя, для опубликования в итальянской коммунистической или социалистической

¹ Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» в переводе П. Цветеремича был выпущен миланским издательством Дж. Фельтринелли в конце 1957 г.

² Д.А. Поликарпов — в 1955—1962 гг. возглавлял отдел культуры ЦК КПСС; А.А. Сурков — советский поэт, в 1953—1959 гг. первый секретарь правления Союза писателей СССР.

печати, письмо Пастернаку, выразившее мнение о его романе, сложившееся полтора года назад у нескольких известных советских писателей.

Мне кажется, было бы особенно хорошо, если бы это мог сделать К.А. Федин, в свое время не только участвовавший в коллективном редактировании этого письма, но и своей рукой вписавший в него несколько наиболее резких страниц. Такая мера, наряду с использованием собственных писем Пастернака, просившего издательство отложить печатание романа¹, могла бы и помочь работе наших товарищей во время встречи в Венеции, и вообще иметь положительный для нас резонанс.

Мне также придется быть в командировке во Франции в конце декабря, ко времени выхода там романа Пастернака. Быть может целесообразно и там передать наше письмо для опубликования во французской печати.

В 1956 году письмо, о котором идет речь, было направлено в ЦК КПСС, его читал отдел культуры ЦК КПСС, читали секретари ЦК КПСС товарищ Суслов и товарищ Поспелов, и содержащаяся в письме критика романа Пастернака была сочтена правильной.

Копия находится в отделе культуры ЦК КПСС².

¹ В феврале 1957 Пастернак и Гослитиздат просили Фельтринелли задержать издание романа до его выхода в СССР. Тот согласился ждать до сентября. 21 августа, и 23 октября того же года Пастернак подписал предложенные ему отделом культуры ЦК КПСС тексты телеграммы и письма к Фельтринелли, в которых он возражал против публикации романа по находящейся у издателя рукописи и требовал ее возвращения для доработки. Действия эти послания не возымели, так как работа по подготовке издания к этому времени зашла уже очень далеко, а кроме того, Фельтринелли им попросту не поверил, так как имел с Пастернаком специальную договоренность вести переписку только на французском языке.

² 23 октября 1958 (в день присуждения Пастернаку Нобелевской премии) предложение о публикации письма редакции «Нового мира» в «Литературной газете» и «Новом мире» было внесено М.А. Сусловым на обсуждение Президиума ЦК КПСС. Отдельным пунктом оно вошло в принятое в тот же день постановление «О клеветническом романе Пастернака».

А вот письмо Б. Полевого в ЦК КПСС от 17 сентября 1958 года¹ (см. сноску на с. 161).

«Через писателей-друзей Запада Союз писателей СССР уже давно был осведомлен, что связанные с Соединенными Штатами реакционные силы, действующие в комитете по Нобелевским премиям, предполагают в пику Советскому Союзу дать премию по литературе Борису Леонидовичу Пастернаку за его творческую деятельность, а также за его неопубликованный в Советском Союзе, но широко и сенсационно публикующийся в западном мире роман «Доктор Живаго». Друзья предупреждают, что из этого на Западе может быть сделана новая антисоветская сенсация, поводом к которой будут разговоры об отсутствии свободы творчества в Советском Союзе, о зажиме из политических соображений ряда писателей и т.д.

Ставя Центральный Комитет в известность об этом, хотелось бы получить указание, какую позицию мы должны заранее занять в этом вопросе и какие меры нам следовало бы предпринять»².

Из выступления того же Полевого на общемосковском собрании писателей 31 октября 1958 года:

«Горячая война, которая отшумела, знала своих предателей. Был такой генерал Власов, который вместе со своими приближенными людьми перешел в стан наших врагов, воевал против нас и как предатель закончил свою отвратительную жизнь. «Холодная война» тоже знает своих предателей, и Пастернак, по существу, на мой взгляд, это литератур-

¹ Дата получения документа в ЦК КПСС. В нем пометы: «Тов. Ярустовскому Б.М. Тов. Фурцева просит срочно подготовить предложения отдела. 19/IX. Н. Калинин». «ЦК КПСС. Необходимые меры в связи с кампанией реакционной печати за рубежом вокруг романа Б.Пастернака и присуждением ему Нобелевской премии отделом культуры ЦК КПСС были приняты. Зав. сектором Отдела культуры ЦК КПСС Б. Ярустовский. 10/XI-58 г.» «Тов. Фурцева Е.А. ознакомилась. С мерами, принятыми отделом КПСС и Союзом Сов. писателей, согласна. Н. Калинин 12/XI-58». Н. С. Калинин — помощник секретаря ЦК КПСС Е.А. Фурцевой.

² ЦХСД, ф.5, оп.3 6, д.61, л.39,40.

ный Власов, это человек, который, живя с нами, питаюсь нашим советским хлебом, получая на жизнь в наших советских издательствах, пользуясь всеми благами советского гражданина, изменил нам, перешел в тот лагерь и воюет в том лагере. Генерала Власова советский суд расстрелял (с места: повесил), и весь народ одобрил это дело, потому что, как тут правильно говорилось — худую траву из поля вон. Я думаю, что изменника в «холодной войне» тоже должна постигнуть соответствующая и самая большая из всех возможных мер. Мы должны от имени советской общественности сказать ему: «Вон из нашей страны, господин Пастернак. Мы не хотим дышать с вами одним воздухом». (Из стенограммы собрания.)

Записка Поликарпова Сулову (датируется по делопроизводственной пометке — ранее 25 октября 1958 года¹:

«Михаил Андреевич! К.А. Федин осуществил разговор с Пастернаком. Между ними состоялась часовая встреча.

Поначалу Пастернак держался воинственно, категорически сказал, что не будет делать заявления об отказе от премии и могут с ним делать все, что хотят.

Затем он попросил дать ему несколько часов времени для обдумывания позиции. После встречи с К.А. Фединым Пастернак пошел советоваться с Всеволодом Ивановым. Сам К.А. Федин понимает необходимость в сложившейся обстановке строгих акций по отношению к Пастернаку, если последний не изменит своего поведения».

Вторая записка Поликарпова, направленная в тот же день:

«Михаил Андреевич! К.А. Федин сообщил сейчас по телефону, что в условленное с ним время Пастернак не пришел для продолжения разговора. Это следует пони-

¹ Там же, л.64—65.

мать так, что Пастернак не будет делать заявления об отказе от премии».

Письмо Бориса Пастернака в президиум Союза писателей СССР от 27 октября 1958 года:

«1. Я искренне хотел прийти на заседание и для этого приехал в город, но неожиданно почувствовал себя плохо. Пусть товарищи не считают моего отсутствия знаком невнимания. Записку эту пишу второпях и, наверное, не так гладко и убедительно, как хотел бы.

2. Я еще и сейчас, после всего поднятого шума и статей, продолжаю думать, что можно быть советским человеком и писать книги, подобные «Доктору Живаго». Я только шире понимаю права и возможности советского писателя и этим представлением не унижаю его звание.

3. Я совсем не надеюсь, чтобы правда была восстановлена и соблюдена справедливость, но все же напомню, что в истории передачи рукописи нарушена последовательность событий. Роман был отдан в наши редакции в период печатания произведения Дудинцева и общего смягчения литературных условий. Можно было надеяться, что он будет напечатан. Только спустя полгода рукопись попала в руки итальянского коммунистического издателя. Лишь когда это стало известно, было написано письмо редакции «Нового мира», приводимое «Литературной газетой». Умалчивают о договоре с Гослитиздатом, отношения по которому тянулись полтора года. Умалчивают об отсрочках, которые я испрашивал у итальянского издателя и которые он давал, чтобы Гослитиздат ими воспользовался для выпуска цензурованного издания как основы итальянского перевода. Ничем этим не воспользовались.

Теперь огромным газетным тиражом напечатаны исключительно одни неприемлемые его места, препятствовавшие его изданию и которые я соглашался выпустить, и ничего, кроме грозящих мне лично бедствий, не произошло. Отчего же нельзя было его напечатать три года тому назад, с соответствующими изъятиями.

4. Дармоедом в литературе я себя не считаю. Кое-что я для нее, положив руку на сердце, сделал.

5. Самомнение никогда не было моим грехом. Это подтвердят те, кто меня знает. Наоборот, я личным письмом Сталину просил его о праве трудиться в тишине и незаметности.

6. Я думал, что радость моя по поводу присуждения мне Нобелевской премии не останется одинокой, что она коснется общества, часть которого я составляю. В моих глазах честь, оказанная мне, современному писателю, живущему в России, и, следовательно, советскому, оказана вместе с тем и всей советской литературе. Я огорчен, что был так слеп и заблуждался.

7. По поводу существования самой премии ничто не может меня заставить признать эту почесть позором и оказанную мне честь отблагодарить ответной грубостью. Что же касается денежной стороны дела, я могу попросить Шведскую Академию внести деньги в фонд Совета Мира, не ездить в Стокгольм за ее получением или вообще оставить ее в распоряжении шведских властей. Об этом я хотел бы переговорить с кем-нибудь из наших ответственных лиц, быть может с Д.А. Поликарповым, спустя недели полторы-две, в течение которых я приду в себя от уже полученных и еще ожидающих меня потрясений.

8. Я жду для себя всего, товарищи, и вас не обвиняю. Обстоятельства могут заставить вас в расправе со мной зайти очень далеко, чтобы вновь под давлением таких же обстоятельств меня реабилитировать, когда будет уже поздно. Но этого в прошлом уже было так много!! Не торопитесь, прошу вас. Славы и счастья вам это не прибавит».

На следующий день, 28 октября 1958 года¹, Поликарпов докладывает в ЦК КПСС о собрании партийной группы правления Союза писателей СССР и совместном заседании президиума Правления Союза писателей СССР, бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР, президиума Правления Московского

¹ АП РФ, ф.3, оп.34, д.269, л.53—57.

отделения Союза писателей, состоявшихся 25 и 27 октября сего года:

«На этих заседаниях, был обсужден вопрос «О действиях члена Союза писателей СССР Б.Л. Пастернака, не совместимых со званием советского писателя».

На собрании партийной группы 25 октября присутствовало 45 коммунистов-писателей.

В обсуждении вопроса приняло участие 30 человек. Все выступавшие в прениях товарищи с чувством гнева и негодования осудили предательское поведение Пастернака, пошедшего на то, чтобы стать орудием международной реакции в ее провокациях, направленных на разжигание «холодной войны».

Единодушное мнение всех выступающих сводилось к тому, что Пастернаку не может быть места в рядах советских писателей. Однако в ходе прений некоторые товарищи высказывали мнение о том, что Пастернака не следует исключать из членов Союза писателей немедленно, так как это будет использовано международной реакцией в ее враждебной работе против нас. Эту точку зрения особенно активно отстаивал т.Грибачев. Он говорил о том, что исключению Пастернака из Союза писателей должно предшествовать широкое выступление советской общественности на страницах печати. Решение Союза писателей об исключении Пастернака из своих рядов должно явиться выполнением воли народа. Позиция тов. Грибачева была поддержана писателями Л. Ошаниным, М. Шагинян, С. Михалковым, Ф. Яшиным, С. Сартаковым, Н. Анисимовым, С. Герасимовым и некоторыми другими. С.А. Герасимов заявил, что «надо дать просто выход народному мнению на страницах широкой печати». В выступлениях тт. Грибачева и Михалкова была высказана мысль о высылке Пастернака из страны. Их поддержала М. Шагинян.

Многие выступавшие в прениях товарищи резко критиковали Секретариат Правления Союза писателей и, в частности, тов. Суркова за то, что Секретариат не исключил Пастернака из Союза тогда, когда стало известно о передаче им своего клеветнического сочинения буржуазному издателю — особенно за то, что не было в свое время опубликовано в советской печати письмо членов редколлегии журнала «Новый мир» Пастернаку.

Участниками прений указывалось, что Секретариат Союза писателей, не опубликовав ранее письма, поставил сейчас

Союз в более затруднительное положение. Будь это письмо опубликовано полтора года тому назад, говорил т. Грибачев, «не было бы у Пастернака Нобелевской премии, так как прогрессивная пресса мира все сделала бы, чтобы не допустить этого». Это мнение т. Грибачева разделяли в своих выступлениях тт. Кожевников, Софронов, Кочетов, Караваева, Анисимов, Ермилов, Лесючевский, Турсун-заде.

Писатели А. Софронов и В. Ермилов остро ставили вопрос о запущенности идейной работы в Союзе писателей. Вопросы идейной жизни Союза писателей, отмечал А. Софронов, за последние годы не стояли в центре внимания всего Союза.

Наряду с правильной и обоснованной критикой недостатков в работе Секретариата Правления Союза писателей и его первого секретаря тов. Суркова в выступлениях тт. Грибачева, Софронова и отчасти тов. Кочетова была сделана попытка представить дело так, что чуть ли не вся деятельность Секретариата Правления была компромиссом в литературной политике, отступлением от принципиальной линии. По отношению к Пастернаку Секретариат проявил либерализм, говорил А. Софронов, и в то же время тов. Сурков всячески унижал первого писателя мира тов. Шолохова. Моя реплика о том, что нельзя говорить о литературной политике как политике компромисса, не встретила поддержки.

В результате широкого обмена мнениями партийная группа приняла единодушное решение вынести на обсуждение Президиума Правления Союза писателей резолюцию об исключении Пастернака из членов Союза писателей СССР.

<...> 27 октября состоялось совместное заседание Президиума Правления Союза писателей СССР, бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР и Президиума Правления Московского отделения Союза писателей, обсудившее вопрос о поведении Пастернака, не совместимом со званием советского писателя.

На заседании присутствовало 42 писателя — члена Правления Союза писателей СССР, бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР, президиума Московского отделения Союза писателей и 19 членов Правления Союза писателей СССР и ревизионной комиссии. Не приехали на заседание 26 писателей. Из числа не приехавших на заседании не были по болезни тт. Корнейчук, Твардовский, Шолохов, Лавренев, Гладков, Маршак, Тычина; находятся в заграничной командировке тт. Бажан,

Эренбург, Чаковский; на лечении в санатории — гг. Сурков, Исаковский; по занятости служебными делами — т. Лацис; без указания причин — гг. Леонов и Погодин. Не пришел также сказавшийся больным личный друг Пастернака писатель Всеволод Иванов. Сам Пастернак на заседание не явился, сославшись на болезнь. Он прислал в Президиум Союза советских писателей письмо, возмутительное по наглости и цинизму. В письме Пастернак захлебывается от восторга по случаю присуждения ему премии и выступает с грязной клеветой на нашу действительность, с гнусными обвинениями по адресу советских писателей. Это письмо было зачитано на заседании и встречено присутствующими с гневом и возмущением.

Председательствовал на заседании тов. Тихонов Н.С., с сообщением выступил тов. Марков Г.М.

На заседании выступило 29 писателей. В числе выступавших — видные беспартийные писатели гг. Тихонов Н.С., Соболев Л.С., Николаева Г.Е., Панова В.Ф., Ажаев В.Н., Чуковский Н.К., Антонов С.П. Выступавшие в прениях при полной поддержке и одобрении всех участников заседания разоблачали и гневно осуждали предательское поведение Пастернака. Они характеризовали Пастернака, как порвавшего с народом и страной перебежчика в лагерь врага. Говоря о морально-политическом падении Пастернака, его клеветническом сочинении, беспартийный писатель В. Ажаев заявил: «Мы с гневом и презрением осуждаем это враждебное нашему социалистическому делу и художественно убогое, копеечное сочинение. Мы осуждаем не совместимые со званием советского писателя поступки Пастернака, отдавшего свое злобное сочинение в чужие руки и ныне готового вприпрыжку бежать за «наградой». Поступки эти окончательно изобличают в нем человека, которому чуждо все то, что бесконечно дорого каждому советскому человеку».

Беспартийная писательница Г. Николаева, характеризуя предательские действия Пастернака, заявила: «Я считаю, что перед нами — власовец». Касаясь вопроса о мерах по отношению к Пастернаку, она сказала: «Для меня мало исключить его из Союза, — этот человек не должен жить на советской земле».

В очень резких тонах говорил беспартийный писатель Н. Чуковский о враждебной сущности Пастернака, о его провокационных поступках: «Во всей этой подлой истории, — ска-

зал Н. Чуковский, — есть все-таки одна хорошая сторона — он сорвал с себя забрало и открыто признал себя нашим врагом. Так поступим же с ним так, как мы поступаем с врагами».

Писательница Вера Панова такими словами определила свое отношение к Пастернаку: «В этой озлобленной душе, которая раскрывалась во всем этом деле, начиная с написания романа и заканчивая письмом, — нет ни чувства родной почвы, ни чувства товарищества, кроме безмерного эгоизма, неприемлемого в нашей стране, кроме невыносимой гордыни, неприемлемой в коллективном обществе. Видеть это отторжение от Родины и озлобление даже жутко».

По поводу письма Пастернака армянский писатель Н. Зарьян сказал так: «Уже это письмо — антисоветское враждебное письмо. И на основе этого письма необходимо было бы человека исключить из Союза писателей. Этим письмом Пастернак ставит себя вне советской литературы, вне советского общества».

На этом заседании, как и на собрании партийной группы, в выступлениях С. Михалкова и Ю. Смолича были высказаны острые критические замечания по адресу Секретариата Правления Союза писателей за то, что до сих пор не было опубликовано письмо членов редколлегии журнала «Новый мир» Пастернаку и последний оставался в рядах Союза писателей.

Обращает на себя внимание тот факт, что лишь в отдельных выступлениях указывалось на то, что в течение длительного времени некоторые писатели всячески превозносили значение Пастернака в советской поэзии. Присутствовавший на заседании поэт С.М. Кирсанов, в свое время превозносивший Пастернака, не высказал своего отношения к обсуждавшемуся на заседании вопросу.

Присутствовавшие на заседании писатели единодушно приняли решение об исключении Пастернака из членов Союза советских писателей.

В решении по этому вопросу говорится: «Учитывая политическое и моральное падение Б. Пастернака, его предательство по отношению к советскому народу, к делу социализма, мира, прогресса, оплаченное Нобелевской премией в интересах разжигания войны, президиум правления Союза писателей СССР, бюро оргкомитета Союза писателей РСФСР и президиума правления Московского отделения Союза писателей РСФСР

лишают Б. Пастернака звания советского писателя, исключают его из числа членов Союза писателей СССР.

В этот же день, 28 октября, Федин пишет письмо Поликарпову:

«Дорогой Дмитрий Алексеевич, сегодня ко мне, в 4 часа, пришла Ольга Всеволодовна (не помню ее фамилию, — друг Пастернака¹) и — в слезах — передала мне, что сегодня утром Пастернак ей заявил, что у него с ней «остается только выход Ланна»². По словам ее, П., будто бы спросил ее, согласна ли она «уйти вместе», и она, будто бы, согласилась.

Цель ее прихода ко мне — узнать, «можно ли еще (по моему мнению) спасти П., или уже поздно, а если не поздно, то просить меня о совете — что (по-моему) надо сделать, чтобы его спасти».

Я ответил, что такое заявление есть угроза, в данном случае, мне, а во всех иных случаях — тому, кому оно сделано, и что под такой угрозой ни о каких советах просить нельзя. Вместе с тем я сказал, что единственно, что я считаю безусловно нужным посоветовать ей, это то, что она обязана отговорить П. от его безумного намерения.

Я сказал также, что не знаю, мыслимо ли теперь, после всего происшедшего, «спасти» П., наотрез отказавшегося от «спасения», когда оно было достижимым.

О.В. заявила, что готова составить «любое» письмо, кому только можно, и «угговорить» П. подписать его.

Я ответил, что не представляю себе, какого содержания могло бы теперь быть письмо и кому его можно было бы направить.

Не в состоянии с уверенностью сказать, должен ли я рассматривать приход О.В. как обращение ко мне самого Пастернака (она клялась, будто ничего об этом не сказала ему, хотя немного позже говорила мне — он не хотел, чтобы она пошла ко мне).

Но я считаю, Вы должны знать о действительном

¹ О.В.Ивинская

² Е.Л.Ланн (1896—1958) — советский писатель и переводчик. Он и его жена покончили жизнь самоубийством.

или мнимом, серьезном или театральном умысле П., о существовании угрозы или же о попытке сманеврировать ею.

В долгом разговоре с О.В. она не раз спросила меня, к кому «лучше» адресовать письмо П. или к кому «пойти». Я не мог ей ничего на это ответить и только обещал, что напишу Вам о том, что она ко мне приходила, а Вы, конечно, поступите так, как найдете нужным, и, может быть, захотите вызвать ее либо Пастернака. На этот случай я взял ее телефон, чтобы передать его Вам (Б-7-33-70)».

Никаких действий после этого письма не последовало. Никого приход Ивинской к Федину не взволновал. Трагическая череда травли шла по всем правилам установленных властью методов. Через несколько дней после позорных заседаний писателей состоялось решение расширенного заседания партийного бюро Литературного института имени А.М. Горького при Союзе писателей (30 октября 1958 года)¹. Оно стоит того, чтобы его опубликовать полностью.

«Слушали:

1. Сообщение тов. Серегина И.Н. о заседании Президиума СП СССР и парткома (по вопросу о поступке писателя Б. Пастернака).

Постановили:

Партбюро на расширенном заседании совместно с партийно-комсомольским активом обсудило решение Президиума Союза писателей СССР о лишении Б. Пастернака звания советского писателя и исключении его из членов СП СССР.

Партбюро и актив единодушно одобряют решение Президиума СП СССР, а также инициативу группы студентов, обратившихся в Союз писателей с письмом, выражающим возмущение предательским поступком Пастернака и требованием сурового наказания изменнику нашей Родины.

Наряду с этим партбюро и актив возмущены поведением некоторых студентов нашего института (Панкратова, Харабаро-

¹ ЦХСД, ф. 5, оп. 36, д. 59, л. 200—201.

ва, Ахмадуллиной), которые поддерживали связь с Пастернаком, разделяли его взгляды на наше общество и литературу и пытались распространять их среди студентов. Несмотря на критику и неоднократные предупреждения и предоставленную им в течение двух лет возможность исправиться, они на деле остаются до сих пор на прежних позициях, что наглядно выявилось в период общего возмущения присуждением политическому ренегату и эмигранту Пастернаку Нобелевской премии.

Партбюро и актив считают, что Правление СП СССР не оказывает должной поддержки институту в решении ряда важных вопросов, а порой мешает идейной борьбе, которую ведут партийная организация, дирекция и общественность института.

Так, например, по решению Секретариата СП СССР восстановлены в правах студентов исключенные по требованию общественности института за недисциплинированность и творческую несостоятельность Мориц, Миль. Секретариат СП СССР не считается с мнением общественных организаций при распределении жилплощади. (Вопрос о предоставлении жилплощади Бабенышевой С.Э.)

Несмотря на обещание, данное студентам, в Союзе не дали возможности студенческой делегации выступить на заседании Президиума СП СССР и огласить текст письма, осуждающего предательские действия Пастернака.

Партбюро постановляет:

1. Одобрить решение Президиума СП СССР об исключении Пастернака из членов СП СССР и инициативу группы студентов, обратившихся с письмом в Союз писателей.

2. Обязать коммунистов, комсомольцев института и профессорско-преподавательский коллектив усилить идейно-воспитательную работу, вести решительную борьбу с проявлениями формализма, являющегося скрытой разновидностью ревизионистских настроений;

рекомендовать кафедре творчества и комитету ВЛКСМ выяснить идейно-творческие позиции студентов, которые недостаточно проявляют себя в коллективе (Воронель, Флоров, Шаверен, Жданов, Андрочников, Бжезовский и другие).

3. Довести до сведения ЦК КПСС о неправильных действиях Правления Союза писателей СССР по отношению к Литературному институту имени А.М. Горького.

Секретарь партбюро Литературного института Н.Зарбабов».

Казалось бы, все было сделано для того, чтобы затоптать Пастернака, опорочить его имя. Он и «владелец», и «предатель», и «враг», и «поджигатель войны», и «агент империализма». Но спокойнее властям не стало. 23 апреля 1959 года Поликарпов снова пишет записку в ЦК¹:

По сообщению ТАСС, французская буржуазная газета «Франс суар» напечатала интервью своего корреспондента с находящимся в Париже М. Шолоховым. В интервью говорится, что на вопрос корреспондента по поводу «дела Пастернака» М. Шолохов заявил: «Коллективное руководство Союза советских писателей потеряло хладнокровие. Надо было опубликовать книгу Пастернака «Доктор Живаго» в Советском Союзе вместо того, чтобы запрещать ее. Надо было, чтобы Пастернаку нанесли поражение его читатели, вместо того, чтобы выносить его на обсуждение. Если бы действовали таким образом, наши читатели, которые являются очень требовательными, уже забыли бы о нем. Что касается меня, я считаю, что творчество Пастернака в целом лишено какого-либо значения, если не считать его переводов, которые являются блестящими. (Пастернак перевел Гете, Шекспира и произведения крупных английских поэтов.) Что касается книги «Доктор Живаго», рукопись которой он читал в Москве, то это бесформенное произведение, аморфная масса, не заслуживающая названия романа».

Считал бы необходимым в связи с этим поручить советскому послу во Франции проверить достоверность сообщения «Франс суар» и, если такое интервью имело место, обратить внимание М. Шолохова на недопустимость подобных заявлений, противоречащих нашим интересам. Если сообщение газеты ложное, рекомендовать т. Шолохову опровергнуть его публично.

Проект телеграммы совпслу прилагается.

Вновь «выпрыгивает из штанов» Борис Полевой. 29 мая 1959 года он пишет в ЦК²:

¹ Там же, оп.36, д.93, л.25—26

² ЦХСД, ф.5, оп.36, д.61, л.139.

«Направляю Вам докладную записку консультанта Иностранной комиссии СП по литературе Италии Г. Брейтбурда, в которой очень весомо рассказывается о новых антипатриотических хамствах Б. Пастернака.

Прилагаю также три стихотворения из включенных Пастернаком в его новую книгу, вышедшую в Италии. Значительная часть вошедших в эту книгу стихотворений в Советском Союзе не печаталась.

Очевидно, Пастернак пользуется своими контактами с иностранными корреспондентами для того, чтобы через них пересылать свою папку за границу».

Стыдно и больно все это вспоминать. Ведь речь идет о Нобелевском лауреате, крупнейшем поэте и писателе, лучшем переводчике Шекспира и Гете, великом гражданине и патриоте.

В 1961 году по доносу «братьев-писателей» КГБ нагрянуло с обыском в дом В. Гроссмана. У писателя конфисковали рукопись нового романа «Жизнь и судьба». До последнего листочка. Даже и машинописную ленту унесли. А роман спустя почти тридцать лет все же вышел в свет. Рукопись спасли друзья писателя.

Летом 1961 года арестовали В. Осипова, Э. Кузнецова и И. Бокштейна, активных участников литературных встреч у памятника Маяковскому в Москве. Они были осуждены по ст. 70 УК РСФСР («Антисоветская агитация и пропаганда, направленная на подрыв или ослабление Советской власти»). Осипов и Кузнецов получили по 7 лет лагерей, Бокштейн — 5 лет.

В 1965 году отправили в ссылку поэта Иосифа Бродского, будущего Нобелевского лауреата. Оказались за границей неудобные властям режиссеры А. Тарковский и Ю. Любимов, писатель В. Некрасов, дирижер М. Ростропович.

В сентябре 1965 года подверглись аресту писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль, вина которых заключалась в том, что они, подобно Пастернаку, опубликовали на Западе свои произведения. Памя-

туя о судьбе своего предшественника, они печатались под псевдонимами — Абрам Терц и Николай Аржак. Их действия КГБ квалифицировал как «особо опасное государственное преступление» и предложил предъявить им обвинение по ст. 70 УК РСФСР. Верховный суд СССР в феврале 1966 года приговорил Синявского — к 7 годам, а Даниэля — к 5 годам лагерей строгого режима.

Этот процесс курировал лично Суслов. Перед самым судом он позвонил мне и дал указание постоянно находиться на процессе и координировать там всю информационно-пропагандистскую работу. Я долго отнекивался, ссылаясь на то, что проблемы литературы находятся в ведении отдела культуры ЦК. Говорил также, что я не в курсе всего этого дела, ничего не читал из написанного Синявским и Даниэлем.

Перед этим разговором вместе с отделом культуры я подписал рутинную для подобных случаев записку, поддерживавшую предложения КГБ о том, как освещать сам процесс. Слава Богу, ничего вразумительного напечатано не было. К записке отдела была приложена записка КГБ, в которой излагались «прегрешения» писателей. Аргументы КГБ были крайне зыбкими, надуманными и, естественно, бездоказательными.

Всего этого я, конечно, Суслову не говорил, но пытался как-то выкрутиться. Наконец, он согласился с моим предложением направить туда работника отдела культуры Ю. Мелентьева.

Сегодня я сожалею, что в то время не нашел времени хотя бы раз побывать на суде. Игорь Черноуцан и Альберт Беляев (из того же отдела культуры) говорили мне потом, что суд произвел на них впечатление мерзкого спектакля — глупого и вульгарного. Доходило до меня и то, что Суслов выражал недовольство слабой эффективностью этой акции.

Репрессиям были подвергнуты К. Богораз, Л. Богораз, П. Литвинов, В. Делоне, В. Дремлюга и В. Файнберг, выразившие несогласие с вводом войск

Варшавского Договора в Чехословакию в августе 1968 года. За демонстрацию протеста, проведенную на Красной площади, Дремлюга был приговорен к 3 годам, Делоне — к 2 годам и 10 месяцам лишения свободы, Литвинов — к 5, Богораз — к 4, Бабицкий — к 3 годам ссылки. Файнберг был направлен в тюремную психиатрическую больницу в Ленинграде.

Летом 1969 года газеты «Советская Россия» и «Социалистическая индустрия» напечатали одна за другой погромные материалы о журнале «Новый мир», который был в то время практически единственным центром притяжения интеллектуальной элиты страны. С этих статей началась целенаправленная травля журнала и его главного редактора А. Твардовского.

Вслед за этим в журнале «Огонек» (№ 3 за 1969 год), где главным редактором был А. Софронов, публикуется откровенно доносительское письмо, озаглавленное «Против чего выступает «Новый мир»?». Письмо подписали одиннадцать писателей: М. Алексеев, С. Викулов, С. Воронин, В. Закруткин, А. Иванов, С. Малашкин, П. Проскурин, А. Прокофьев, С. Смирнов, В. Чивилихин, Н. Шундик. В литературных и политических кругах, в среде интеллигенции хорошо поняли, что начался новый раунд удущения остатков инакомыслия. Его связывали со страхами власти перед возможными последствиями чехословацких событий августа 1968 года.

В ответ на письмо одиннадцати «автоматчиков», как их стали называть, «Новый мир» в очередном номере журнала печатает заметку «От редакции», в которой опровергает наскоки группы «Одиннадцати» и попутно отмечает, что многие авторы, подписавшие письмо в «Огоньке», не раз подвергались «весьма серьезной критике на страницах «Нового мира» за идейно-художественную невзыскательность, слабое знание жизни, дурной вкус, несамостоятельность письма».

4 августа шесть членов правления Союза писателей СССР К. Симонов, А. Сурков, М. Исаковский,

С. Смирнов, В. Тендряков, С. Антонов обратились в «Литературную газету» с просьбой опубликовать их ответ на письмо «Одиннадцати» в «Огоньке». «Литературная газета» письмо не напечатала.

Тогда Симонов 12 августа 1969 года написал письмо в Секретариат Союза писателей СССР на имя Маркова, в котором, выражая возмущение отказом «Литературной газеты» опубликовать письмо шести членов правления СП СССР, задает вопрос: *«Если следует считать письмо одиннадцати литераторов выражением их собственной точки зрения, а публикацию этого письма в «Огоньке» — отражением точки зрения редакции «Огонька», то, спрашивается, почему орган Союза писателей СССР не желает или не считает возможным напечатать на своих страницах письмо шести литераторов, выражающих их точку зрения на этот вопрос и оспаривающее точку зрения на этот вопрос, выраженную в письме одиннадцати литераторов на страницах «Огонька»?»*

Симонов просил *«...решить вопрос о публикации нашего письма «Литературной газетой» в оперативном порядке, а если это будет сочтено, — по непонятным для меня причинам, невозможным — прошу созвать Секретариат и обсудить вопрос о публикации нашего письма в нашем присутствии».*

Ни обсуждения, ни публикации письма «Шести» не последовало.

Обстановка вокруг «Нового мира» и его главного редактора Твардовского продолжала сгущаться. А тут еще в зарубежной прессе — в ФРГ, Франции и Италии — была напечатана без ведома автора поэма А.Твардовского «По праву памяти».

До этого поэму планировалось напечатать в июньском (1969 г.) номере «Нового мира», но она была запрещена цензурой. Просьбы Твардовского обсудить поэму на Секретариате Союза писателей СССР остались без ответа. Вместо обсуждения поэмы Секретариат Союза писателей СССР (по указанию ЦК) решил «укрепить редколлегияю «Нового мира» и назначил в ее состав людей, в том числе тех, кто был

заведомо неприемлем для Твардовского. Одновременно от работы в журнале были освобождены близкие к Твардовскому сотрудники — Лакшин, Дементьев, Виноградов и некоторые другие.

В результате Твардовский был в полном смысле этого слова «выдавлен» с поста главного редактора журнала «Новый мир».

Твардовский запил, а «Новый мир» перестал быть живительным огоньком, мерцающим в темноте тех лет и подающим пусть и небольшие, но надежды на творческое свободомыслие.

Следует отметить, что в это время власти начали все чаще прибегать к психиатрии как средству борьбы с инакомыслием. Эта инициатива связана прежде всего с именем Юрия Андропова. В 60-е годы был (по настоянию КГБ) выдуман новый тип болезни, позволявший объявить больным любого человека, если это потребуются властям. Он был «теоретически обоснован» и получил название «вялотекущей шизофрении». Численность узников специализированных психиатрических больниц стала быстро расти. По свидетельству тех, кто, будучи здоровым, прошел такое лечение, «психушки» были страшнее тюрем и лагерей.

В числе «процедур» свидетели называют следующие: привязывание жесткое, «укрутка» (до онемения конечностей); введение сульфазана, запрещенного к применению везде, кроме СССР (делалось иногда сразу по 2—4 инъекции в разные части тела). Это вызывало не только сильную головную боль и временную потерю двигательных функций, но и высокую температуру (до 40°), жажду; введение газообразного кислорода (подкожно), вызывающее опухоль и многодневную боль; применение особо болезненных инъекций аминазина, вызывавших цирроз печени, амнезию.

В тех редких случаях, когда врачи отказывались ставить ложный диагноз, они жестоко преследовались. Так, при судебно-психиатрической экспертизе генерал-майора П. Григоренко доктор Федотов

отказался признать его душевно больным. То же самое сделал молодой психиатр из Киева Глузман. Федотов был уволен с работы и вскоре умер. Глузмана осудили на 7 лет лишения свободы и на 3 года ссылки. В пермском лагере он составил известное «Пособие по психиатрии для инакомыслящих», где раскрыл многие секреты советской психической «помощи» диссидентам.

Через своих агентов-журналистов КГБ вел массивную кампанию по дискредитации инакомыслящих как «психически ненормальных людей». Подобные кампании не прекращались и тогда, когда диссидентов высылали за границу и лишали гражданства. Так было с В. Тарсисом, В. Буковским, А. Есениным-Вольпиным и другими. Например, сразу после высылки Тарсиса за границу в записке, адресованной ЦК КПСС, зампред КГБ Н. Захаров и Генпрокурор СССР Р. Руденко в феврале 1966 года докладывали, что «КГБ продолжает мероприятия по дальнейшей компрометации Тарсиса за рубежом как психически больного человека»¹.

Иными словами, власть продолжала через КГБ осуществлять контроль за жизнью представителей интеллигенции, разделив их на подозреваемых и на временно неподозреваемых, на выездных и невыездных, на печатаемых и непечатаемых, на награждаемых и ненаграждаемых, приглашаемых на кремлевские банкеты и неприглашаемых.

Напомню наиболее близкие по времени примеры травли интеллектуалов. Речь идет об Андрее Дмитриевиче Сахарове и Александре Исаевиче Солженицыне.

В нашем сознании еще живет миф о реформаторстве Андропова, его благих намерениях. Я не буду сейчас приводить многочисленные факты, говорящие об обратном. Напомню лишь как он травил этих великих людей, составляющих гордость России. В сентябре 1973 года он пишет в ЦК КПСС:

¹ ЦХСД, ф.89,д.22,л.24.

«Комитет Госбезопасности информирует о том, что 17 сентября 1973 г. жена Солженицына пригласила к себе на квартиру академика Сахарова с женой и имела с ними двухчасовую беседу.

Выражая мнение Солженицына, его жена в беседе настойчиво проводила мысль о необходимости дополнительного обращения Сахарова к мировой общественности по более широкому кругу проблем, касающихся якобы отсутствия свобод в Советском Союзе...»¹

В январе 1974 года на политбюро специально обсуждался вопрос «О Солженицыне». Открывая заседание, Брежнев сказал о книге «Архипелаг ГУЛАГ»:

«Это грубый антисоветский пасквиль. Нам нужно в связи с этим сегодня посоветоваться, как нам поступать дальше. По нашим законам мы имеем все основания посадить Солженицына в тюрьму, ибо он посягнул на самое святое — на Ленина, на наш советский строй, на Советскую власть, на все, что дорого нам.

В свое время мы посадили в тюрьму Якира, Литвинова и других, осудили их и затем все кончилось. За рубеж уехали Кузнецов, Аллилуева и другие. Вначале пошумели, а затем все было забыто. А этот хулиганствующий элемент Солженицын разгулялся. На все он помахивает, ни с чем не считается. Как нам поступить с ним?»

Ю. Андропов заявил на этом же заседании:

«...Я, товарищи, с 1965 года ставлю вопрос о Солженицыне. Сейчас он в своей враждебной деятельности поднялся на новый этап... Он выступает против Ленина, против Октябрьской революции, против социалистического строя. Его сочинение «Архипелаг ГУЛАГ» не является художественным произведением, а является политическим документом. Это опасно, у нас в стране находятся десятки тысяч власовцев, оуновцев и других враждебных элементов... Поэтому надо предпринять все меры, о которых я писал в ЦК, то есть выдворить его из страны...»²

¹ Известия. 1992. 20 мая.

² АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро от 7 января 1974 г., лл.19—33.

И Солженицын вскоре был насильственно выслан из СССР и лишен гражданства.

В декабре 1979 года Андропов докладывает о Сахарове. Доносит, что он «в 1972—1979 годах 80 раз посетил капиталистические посольства в Москве», имел более «600 встреч с другими иностранцами», провел «более 150 так называемых пресс-конференций», а по его материалам западные радиостанции подготовили и выпустили в эфир «около 1200 анти-советских передач».

Как видно из этих цифр, за Сахаровым было установлено плотное наблюдение (слежка, подслушивание). Каждый шаг известен. Все было подсчитано. Но предать Сахарова суду тогда побоялись из-за «политических издержек». 3 января 1980 года политбюро решило лишить академика всех высоких званий и в «качестве превентивной меры административно выселить его из Москвы в один из районов страны, закрытый для посещения иностранцами»¹.

Перестройка резко изменила государственную политику в отношении духовного творчества. Но репрессивная машина и психология нетерпимости не хотели сдавать своих позиций.

Я, например, искренне надеялся, что творческая свобода предельно сузит поле доносов, безнравственных дрызг, разного рода разоблачений, личных амбиций, зависти, на основе чего карательные службы и держали в узде творческую интеллигенцию. Но все осталось по-прежнему. Соловьи политического и прочего сыска из писательского цеха продолжают сочинять компроматы, разоблачать «агентов влияния», заниматься доносительством. Сегодняшние публичные компроматы в газетах и на экранах телевидения очень похожи на донесения карательных служб прошлых времен, которые мне довелось читать в изобилии.

Все перемешалось: некоторые бывшие антисо-

¹ АП РФ. Рабочая запись заседания Политбюро № 117 от 3 января 1980 г.

ветчики стали певцами советской власти, бывшие антикоммунисты — новокрещенными большевиками, а те, кто клеймили империю последними словами и тем самым помогали ее краху, теперь магическим образом превратились в сторонников великодержавности. Есть и такие «инакомыслящие», которые обиделись на российскую Реформацию только за то, что она лишила их заработков на разоблачениях большевистского режима.

Несмотря на многие обнадеживающие события, связанные со свободой творчества после 1985 года, КГБ как крот советской истории продолжал, пусть и в сокращенном плане, свою карательную службу. Из КГБ, как и раньше, продолжали поступать записки о враждебной деятельности интеллигенции, литературные обзоры, разумеется, определенного содержания и подготовленные самими писателями. Один из многих примеров.

В июне 1986 года КГБ направляет записку в ЦК «О подрывных устремлениях противника в среде советской творческой интеллигенции». В записке перечисляются фамилии многих известных писателей, которых якобы настойчиво «обрабатывают» иностранные разведки. Сообщается, что Анатолий Рыбаков, Светов, Владимир Солоухин, Булат Окуджава, Фазиль Искандер, Можаев, Рошин, Корнилов и другие находятся под пристальным вниманием спецслужб противника». Вновь упоминаются Александр Солженицын, Лев Копелев, Владимир Максимов, Василий Аксенов как «вражеские элементы»¹.

Из советского опыта видно, что инакомыслие, весьма многообразно. На одном полюсе — творцы, мыслители, художники, мощные общественные фигуры. На другом — местные правдоискатели, «чудаки». Такие есть в каждом коллективе, в каждом городе, в каждой деревне или поселке. Для начальства такие люди очень неудобны. К преследуемому слою инакодумающих КГБ относил людей, отмеченных способностями и знаниями, нравственностью и

¹ АП РФ, оп.113, № П 1240, л.1—5.

гражданской активностью. Так что политика гонений была направлена не только против свободомыслящей части писателей, художников, ученых, творческой интеллигенции вообще. Она была нацелена против всего самостоятельного, инициативного, самобытного, ищущего.

Гонения на свободомыслие, как и репрессивная политика в целом, обернулась серьезной деформацией нашего национального характера и общественного сознания. Равнодушие, пассивность, двойная мораль. Распад общественных связей. Заглохла потребность брать на себя ответственность за собственную судьбу и судьбу своих детей.

Большевистский режим повинен не только в гибели миллионов людей, в трагедиях их семей, не только в создании атмосферы тотального страха и лжи, но и в глумлении над совестью, в формировании пресловутой «новой исторической общности людей», исковерканных злобой, двоемыслием, подозрительностью и притворством. Ленин, Сталин, их приспешники упорно и последовательно уничтожали генофонд народа, осознанно подрывая потенциальные возможности развития науки и культуры.

ПАСТЫРИ

Уже с весны 1918 года начинается открытый террор против всех религий и особенно против Православной Церкви. Инициатор его — все тот же Ленин. Его деяния против религии и церкви не могут не поражать своей дьявольской лютостью и безнравственностью.

За обращение к верующим не участвовать в первомайской демонстрации 1918 года, приходившейся по старому стилю на среду Страстной недели, начались аресты священнослужителей. В Вятке, например, было арестовано 20 участников пастырско-мирянского собрания. Было полностью уничтожено церковное руководство Пермской епархии. В Оренбургской епархии репрессировано более 60 священников, из них 15 расстреляны. В Екатеринбургской — за лето 1918 года расстреляно, зарублено и утоплено 47 служителей церкви.

В 1918—1919 годах погибли видные деятели Русской Православной Церкви. Среди них протоиереи Иоанн Кочуров, Петр Скипетров, Иосиф Смирнов, Павел Дернов, игумен Гервасий, иеромонах Герасим, священники Михаил Чафранов, Павел Кушников, Петр Покрывало, дьякон Иоанн Касторский, епископ Соликамский Феофан, архиепископ Воронежский Тихон, архиепископ Астра-

ханский Митрофан, архиепископ Вяземский Макарий, архиепископ Енотаевский Леонтий, архиепископ Ревельский Платон и многие, многие другие.

Под официальным словом «расстрел» часто скрывалось зверское изощренное убийство. Например, Киевский митрополит Владимир был изуродован, оскотлен, застрелен и голым брошен на поругание. Петербургский митрополит Вениамин, который должен был заменить Патриарха в случае его смерти, превращен в ледяной столб, его поливали холодной водой на морозе. Тобольский епископ Гермоген, в свое время добровольно поехавший с царем в ссылку, был живым привязан к колесу парохода и измочален лопастями. Пермский архиепископ Андронник, знаменитый в прошлом миссионер, побывавший в Японии, закопан живым в землю. Черниговский архиепископ Василий распят на кресте и сожжен.

Документы свидетельствуют, что многие священнослужители, монахи и монахини подвергались самым зверским расправам, их распинали на царских воротах, варили в котлах с кипящей смолой, снимали с них скальп, душили епитрахиями, причащали расплавленным свинцом, топили в прорубях. По «Статистике гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке», подготовленной православным Свято-Тихоновским богословским институтом, только на 1918 год приходится около трех тысяч расстрелов священнослужителей.

Надругательством над чувствами верующих явилось решение властей о повсеместном вскрытии мощей святых, о чем 14 февраля 1919 года Наркомат юстиции издал специальное постановление. Если в результате вскрытия обнаруживалось, что мощи не сохранились в целостности, то это обстоятельство выдавалось за обман верующих, то есть использовалось для травли Церкви.

1 ноября 1920 года в Новгороде перед ревтрибуналом предстали епископ Хутынский Алексей вме-

сте с архимандритами Никодимом и Анастасием, игуменами Гавриилом и Митрофаном, протоиереем Стояновым, иеродиаконом Иоанникием. Подсудимые обвинялись в тайном освидетельствовании мощей, почивавших в Софийском соборе, перед их официальным вскрытием.

А том же году московский трибунал судит видных пастырей и церковно-общественных деятелей: игумена Иону, протоиерея Николая Цветкова, председателя Совета объединенных приходов Самарина, членов Совета Рачинского и Кузнецова. Они обвинялись в распространении слухов о том, что участники вскрытия мощей преподобного Саввы Сторожевского вели себя оскорбительно для верующих, а Кузнецов подал в Совнарком «ложную жалобу» по этому поводу. В ней говорилось: «Грубость и издевательство членов комиссии по вскрытию мощей дошли до того, что один из членов комиссии несколько раз плюнул на череп Саввы, останки коего составляют святыню русского народа».

Самарин и Кузнецов были приговорены к расстрелу, но, как сказано в приговоре, «ввиду победоносного завершения борьбы с интервентами» суд заменил смертную казнь «заключением в концлагерь впредь до победы мирового пролетариата над мировым империализмом», то есть навечно. Другие обвиняемые получили разные сроки тюремного заключения.

Об отношении самого Ленина к религии и священникам говорят многие его записки, полные ненависти к православию. В одной из них (25 декабря 1919 года) он пишет: «...мириться с «Николой» (церковный праздник) глупо: надо поставить на ноги все чека, чтобы расстреливать не явившихся на работу из-за «Николы»¹.

Одновременно с физическим истреблением непослушных священнослужителей большевики развернули работу по созданию «красной» церкви. В конце 1919 года ВЧК на местах пытались выяс-

¹ РЦХИДНИ, ф.2, оп.12, д. 12176, л.1.

нить, есть ли возможность создания советской церкви с «красными» попами. Но создание такой церкви застопорилось из-за позиции некоторых руководящих деятелей РКП(б), прежде всего — Е.Ярославского и Ф.Дзержинского. Председатель ВЧК писал в декабре 1920 года М.Лацису:

«Мое мнение: церковь разваливается, этому надо помочь, но никоим образом не возродить ее в обновленной форме. Поэтому церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-нибудь другой. Официальные или полуофициальные сношения партии с попами недопустимы. Наша ставка на коммунизм, а не на религию».

Мародерская власть большевиков с завистью смотрела на богатства Православной Церкви, накопленные за сотни лет своего существования. Цари и императоры, аристократы и богатые купцы жертвовали огромные суммы и ценности, одевали иконы в золотые и серебряные оклады, украшенные сверкающей россыпью драгоценных камней. Священные книги заковывались в золотые переплеты. Драгоценная церковная утварь, выполненная искуснейшими ювелирами многих поколений, составляла гордость храмов, лавр, монастырей и их прихожан.

Церковь вела большую общественную работу, строила бесплатные больницы, приюты, богадельни, дома призрения, школы, училища и многое другое.

Во многих случаях Церковь смиренно терпела злодеяния ленинских опричников. Но в 1921 году не выдержала того, как рабоче-крестьянское правительство с хладнокровием Нерона взирала на голодное вымирание народа. Патриарх Тихон направил Ленину письмо, в котором предложил передать часть церковных ценностей для закупки хлеба в помощь голодающим.

Извращенный ум Ленина воспринял это предложение по-своему, изобразив его как вызов новым властям. В его мозгу не было места для понимания жертвенных порывов. Любое действие он оценивал

только с точки зрения беспощадного политическо-го фехтования до смертельного поражения. Церковь укоряет и унижает нас, хочет контролировать. Но не выйдет, хитрые попы! Не выйдет! Спешно собрав политбюро, Ленин зачитал послание Патриарха и заявил, что настало время покончить с церковниками, обвинить Церковь в нежелании поступиться своими богатствами для помощи голодающим, что и принуждает правительство конфисковать церковные ценности.

Пока Патриарх ожидал ответа на свое предложение, Ленин 23 февраля 1922 года подписал декрет «Об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих». Этот шаг восхитил всех люмпен-революционеров, уже начавших разочаровываться в Ильиче. Работа предстояла адова. В стране насчитывалось около 80 тысяч христианских церквей, главным образом православных.

Отряды ОГПУ ринулись в храмы и монастыри. С икон срывались драгоценные оклады: золотая и серебряная утварь, включая дароносицы и паникадила XV—XVII вв. Литые золотые кресты времен Ивана Грозного и первых Романовых складывались в ящики и мешки. Выковыривались драгоценные камни, срывались переплеты с Библий, конфисковывались все найденные золотые и серебряные монеты. Пылали костры из древних икон, горели рукописные старославянские книги. Крушились алтари.

Потрясенный Патриарх обратился с воззванием ко всем «верующим чадам Российской Православной Церкви» (28 февраля 1922 года). В нем говорилось:

«С точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства. Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольные пожертвования, освященных предметов, употребление коих не для богослужбных целей воспрещается канонами вселенской Церкви и карается ею как святотатство».

Воззвание Святейшего Патриарха объявлялось с амвонов церковей, передавалось из уст в уста, расклеивалось на стенах домов, призывая народ к сопротивлению. По всей стране у храмов происходили настоящие побоища. Но безоружные верующие не могли оказать сколько-нибудь организованного сопротивления вооруженным «чоновцам». Во многих местах толпу просто рассеивали пулеметным огнем, а арестованных в тот же день расстреливали.

Понимая, однако, насколько укоренен авторитет Церкви среди простого народа, и побаиваясь более организованного сопротивления, власти, как обычно, лицемерили, изворачивались, лгали. 28 марта 1922 года было опубликовано правительственное сообщение. В нем утверждалось:

«Правительству чужда мысль о каких-либо преследованиях против верующих и против церкви... Ценности созданы трудом народа и принадлежат народу. Совершение религиозных обрядов не потерпит никакого ущерба от замены драгоценных предметов другими, более простыми. На драгоценности же возможно купить достаточное количество хлеба, семян, рабочего скота и орудий, чтобы спасти не только жизнь, но и хозяйство крестьян Поволжья и всех других голодающих мест Советской Федерации...

Только клика князей церкви, привыкших к роскоши, золоту, шелкам и драгоценным камням, не хочет отдавать эти сокровища на дело спасения миллионов погибающих. В жадном стремлении удержать в своих руках ценности любой ценой церковная привилегированная клика не останавливается перед преступными заговорами и провокацией открытых мятежей. Сохраняя по-прежнему полное внимание и терпимость к верующим, Советское правительство не потерпит, однако, ни единого часа, чтобы привилегированные заправила церкви, облаченные в шелка и бриллианты, создавали особое государство церковных князей в государстве рабочих и крестьян».

Ленин был в ударе. Вернулись его былая энергия и боевой задор. Его лицемерность ярко иллюстрирует тот факт, что еще до правительственного воз-

звания он направляет 19 марта 1922 года секретное директивное письмо членам политбюро, руководству ОГПУ, Наркомата юстиции и Ревтрибунала, готовившихся к совещанию по поводу координации действий различных служб при выполнении Декрета об изъятии церковных ценностей:

*«На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства удастся нам поэтому **расстрелять** (выделено мною. — А.Я.), тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.*

19/III-22 г. Пред. Совнаркома В. Ульянов (Ленин)»¹.

Итак, чем больше расстреливать, тем лучше. Это завещание Ленина выполнялось Сталиным с широчайшим размахом и энтузиазмом.

Чистая прибыль от изъятия церковных ценностей составила по самой скромной оценке два с половиной миллиарда золотых рублей. По мнению западных специалистов, эту цифру можно, не греша истиной, увеличить раза в три. Напомним, что американская организация АРА, созданная для продовольственной помощи России, истратив 137 миллионов долларов, спасла более 20 миллионов обреченных на голодную смерть жителей Поволжья. Советская статистика указывает, что в 1922—1923 годах хлеба за границей было закуплено всего на один миллион рублей — и то на семена. Что же касается закупок скота и сельскохозяйственных орудий, то их не было вообще. Куда же пошли несметные сокровища, украденные большевистскими мародерами? Ведь если бы разделили поровну, то есть по-

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 192—193.

большевистски, как было обещано, только эти два с половиной миллиарда, то даже разоренная Россия смогла бы быстро превратиться в нечто богатое и цветущее.

Английская газета «Гардиан» писала в марте 1923 года: «Лихорадка на мировых биржах, вызванная резким падением цен на золото, связывается специалистами с поступлением на мировой рынок больших партий этого металла из России. Партию большевиков, правящую ныне в этой несчастной стране, вполне можно назвать «партией желтого дьявола».

То же самое отмечала газета «Тайм»: «Покупка левыми социалистами двух шестиэтажных домов в деловой части Лондона по аукционной цене в 6 миллионов фунтов стерлингов за дом и установка за 4 миллиона фунтов стерлингов помпезного памятника Карлу Марксу на месте его погребения свидетельствуют о том, что большевикам в Москве есть куда тратить деньги, конфискованные у церкви якобы для помощи голодающим. Мы только сейчас начали понимать, какой богатой страной была Россия».

В ответ на ленинский декрет от 23 февраля 1922 года об изъятии церковных ценностей якобы на нужды голодающих Патриарх Тихон написал гневное, протестующее послание¹. Оно было проигнорировано. Церкви были разграблены, как и приказал Ленин, «с беспощадной решительностью» и «в кратчайший срок». Расстреляны десятки тысяч священников, дьяконов и монахов, а также более 100 тысяч верующих. В мае 1922 года был арестован и сам Патриарх Тихон вместе с членами Священного Синода. 32 митрополита и архиепископа были расстреляны.

А еще раньше, на судебном процессе в Москве, 13 апреля 1922 года, в противодействии изъятию церковных ценностей обвинялись 54 человека, из них 20 священников. Трибунал вынес по этому

¹ ЦХСД, ф.89, оп.49 д.1, л. 6—7.

делу 11 смертных приговоров. По отношению к 5 осужденным приговор привели в исполнение¹.

С 10 июня по 5 июля 1922 года проходили заседания Петроградского революционного трибунала. На скамью подсудимых посадили 86 обвиняемых. Среди них — митрополит Вениамин, епископ Венедикт, настоятель Казанского собора Чуков, настоятель Исаакиевского собора Богоявленский, архимандрит Сергей, председатель правления совета петроградских приходов профессор Новицкий, члены правления Ковшаров и Бенешевич. Трибунал приговорил к расстрелу 10 человек, из них 4 были расстреляны, остальным шести расстрел был заменен тюремным заключением.

В архиве ФСБ хранится дело митрополита Ярославского Агафангела, на обложке которого есть чья-то резолюция «Дело представляет исторический интерес». 5 мая 1922 года в Толгский монастырь, где проживал митрополит, прибыл «красный» протоиерей Красницкий и потребовал от владыки, чтобы он подписал воззвание так называемой «инициативной группы» духовенства, обвинявшей Патриарха Тихона и его окружение в контрреволюционной деятельности. Митрополит отказался. Спустя два дня с него была взята подписка о невыезде, а возле кельи выставили охрану.

Еще через месяц с небольшим ОГПУ предъявило Агафангелу обвинение в том, что в 1917—1922 годах он «использовал церковь против существующей власти, распространил слух, что власть устраивает гонение на церковь, восстанавливал этим верующих против соввласти, тормозя изъятие ценностей, распространял воззвание Тихона, организовывал протесты собраний верующих против мероприятий власти». 22 августа 1922 года митрополит Агафангел был заключен под стражу в Ярославле, а затем переведен в Москву, в тюрьму на Лубянке. 30 октября 1922 года коллегия ОГПУ постановила дело Ага-

¹ См. К канонизации новомучеников российских. М., 1991. С. 29—30.

фангела «передать в Комиссию НКВД по административным высылкам». 25 ноября 1922 года семидесятилетнего митрополита, страдающего пороком сердца, выслали в Нарымский край.

Уж коль речь зашла о Толгском монастыре, я не могу не рассказать о его возрождении. Начну с того, что во время перестройки мы в политбюро, как известно, сделали крутой поворот в религиозной политике, прекратив преследования Церкви и священнослужителей. В соответствии с распределением обязанностей этим вопросом в политбюро занимался я. Религиозным властям разных конфессий были переданы тысячи храмов, десятки монастырей и мечетей.

Я никогда не забуду, как мы с женой ездили в Оптину Пустынь (Калужская область) и в Толгский монастырь (Ярославская область).

Оптина Пустынь — святое место для России — предстала перед нашими глазами в полном смысле слова грудой камней. Везде битый кирпич, ободранные стены, выбитые окна, полное запустение. По углам — сортиры. Насколько же мерзопакостной была та власть, направлявшая руки равнодушных бездельников и обезумевших от пьянства людей на разрушение российских святынь! Я внес в ЦК предложение передать монастырь церковным властям, что и было сделано.

В Толгском монастыре была колония для детей, совершивших преступления. Только закоренелые злодеи типа Сталина могли пойти на разрушение ценнейшего памятника русской истории, известного еще со времен Ивана Грозного.

Честно говоря, набрел я на этот монастырь случайно — искал подходящее помещение для организации школы реставраторов архитектурных памятников старины, и мне предложили посмотреть несколько зданий, в том числе и этот монастырь. Когда я приехал туда, то понял, что будет кошунством, если не восстановить все здания монастыря, отдав их церкви. Министр внутренних дел Алек-

сандр Власов отнесся к этому проекту очень внимательно и в течение полугода освободил монастырские здания. Сейчас Толгский монастырь красуется над Волгой, поражая своим великолепием всех, кто посещает эти места.

Продолжим историю преследований духовенства. Типична судьба священнослужителя Тихона (Шарапова), бывшего во время Первой мировой войны полковым священником русской армии. Его жизнь оборвалась по приговору «тройки» НКВД.

«Выписка из протокола № 72 заседания «тройки» УНКВД по алма-атинской области. 17 октября 1937 г.

«Слушали: Дело 4-го отдела УГБ НКВД КССР. Шарапов Константин Иванович, 1886 г.р., г.Тула, Московской области, русский, служитель культа, архиепископ Алма-Атинский. Был в эмиграции. За активную контрреволюционную деятельность орг.б. ОГПУ в начале 1925 года арестовывался и административно выслан из Гомеля, в конце того же года арестован и судим по ст.58-10 УК, приговорен к 3 годам концлагеря. В 1927 г. арестован и судим по ст.58-10, заключен в Соловки на 3 года. В 1930 г. судим по ст.58-10 УК в Северный край на 3 г. В 1931 г. арестован и судим по ст.58-10 УК, приговорен к 3 г. концлагеря. В различных городах Советского Союза организовал ряд антисоветских групп.

Обвиняется: В 1925 году был завербован разведкой одного из капиталистических государств и переброшен на территорию СССР с заданиями шпионского характера. До 1937 г. собирал материалы шпионского характера о развитии текстильной промышленности в Средней Азии и положении колхозов.

Прибыв в 1937 г. в г. Алма-Ату организовал и возглавил антисоветскую монархическую террористическую организацию церковников. Для непосредственного совершения террористического акта подготовил члена организации Перепечко. Подготавливал для шпионской работы в Красной Армии призывающегося в текущем году Нишгородова.

Виновным себя признал.

Арестован 21/УІІІ-37 г. и содержится под стражей в следтюреме НКВД.

Постановили: Шарапова Константина Ивановича — расстрелять».

Сегодня документально доказано: все эти обвинения были сфальсифицированы. Епископ Тихон посмертно реабилитирован.

Политику террора ощущали на себе все без исключения религиозные конфессии.

Регулярно организуемые антиисламские кампании в дни Ураз-Байрам, Курбан-Байрам, борьба против языческих форм вероисповедания среди мари, чувашей, удмуртов — все они носили агрессивно-репрессивный характер. Разветвленные организации Союза воинствующих безбожников и общества «Деглирjal» являлись фактически партийной структурой по борьбе с религией. Они взяли на себя организацию «безбожных пятилеток», социалистического соревнования в пропаганде атеизма, закрытия церквей, мечетей, синагог, молельных домов.

Одной из первых жертв в Татарии стал видный религиозный и общественный деятель муллы Габдулла Апанаев. Он был расстрелян в 1918 году в связи с обвинением его в организации так называемой Забулачной республики в Казани¹.

В связи со сложившейся ситуацией муфтий Р.Фахретдинов в мае 1930 года посетил Постоянную комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИК и пожаловался на практику административного закрытия мечетей, непосильных налогов, штрафов и арестов за их неуплату, раскулачивания служителей культа, их высылки на принудительные работы, конфискацию личного имущества, изъятия у верующих Корана и других религиозных книг. После встречи с Р.Фахретдиновым член президиума ЦИК СССР П.Смидович писал М.Калинину: «Все религиозные организации мусульман находятся на кануне полнейшего разрушения и исчезновения с

¹ ЦА ФСБ РФ. Каталог судебно-следственных дел.

лица земли. Пока закрылось 87% мухташтатов (мусульманские епископаты), из 12 000 мечетей закрыто более 10 000, от 90 до 97% мулл и муфзинов лишены возможности отправлять культ...»¹.

В общей атмосфере государственного психоза, связанного с коллективизацией, удобным для преследований священнослужителей оказался и жупел «кулака». В «Заключении по обвинению мулл, кулаков Карагушевского района Башкирской ССР» от 4 апреля 1933 года названа группа из 14 человек; из них 4 муллы (в документе они определены как кулаки). Обвинение гласит: «Кулаки деревень Тетер-Арсланово, Яширганово, Бузатово и Учаган-Асаново Карагушевского района под руководством мулл на протяжении ряда лет открыто проводили антисоветскую деятельность, направленную против мероприятий, проводимых Советской властью на селе, ставя своей задачей разложение колхозов, срыв хозяйственно-политических кампаний, терроризируя бедноту и батрачество, избивая коммунистов»².

Репрессии против духовенства проводились с конфискацией имущества. Служители церкви выбрасывались на улицу или выселялись вместе с семьями в отдаленные районы.

Наибольшее число жертв из православного духовенства приходится на 1937 год: всего тогда было репрессировано около 140 тысяч человек, из них расстреляно 85 300. В 1938 году соответственно — 28 300 и 21 500; в 1939 году — 1 500 и 900; в 1940 году — 5 100 и 1 100. И наконец, в 1941 году репрессировано 4 000, из них казнено — 1 900.

В 1918 году Русская Православная Церковь имела 48 тысяч приходов, в 1928 — чуть больше 30 тысяч. В Москве из 500 храмов к 1 января 1930 года осталось 224, а через 2 года — только 87. Взорвали и Храм Христа Спасителя. До революции в Ярославской губернии было 28 монастырей. К 1938 году

¹ ГАРФ, ф.393, оп.2, д.1799, л.65—66.

² ЦА ФСБ РФ Архивно-следственное дело № 4444, л. 85.

все они были закрыты. Ликвидировали и более 900 церквей¹.

То же самое происходило и с мусульманами. К 1937 году в Татарии насчитывалось 1375 зарегистрированных религиозных объединений против 2550 — до революции. В Дагестанской АССР к 1936 году была закрыта половина всех молитвенных зданий, в Кабардино-Балкарской АССР — 59%², в Башкирии — 69%³.

Во время Отечественной войны власти были вынуждены сделать некоторые уступки духовенству, но это вовсе не означало прекращения репрессий. В 1943 году общее число репрессированных православных священнослужителей составило более 1000 человек, из них половина расстреляна. В 1944—1946 годах количество смертных казней каждый год составляло более 100.

С неослабевающим энтузиазмом продолжалось закрытие храмов после войны. К 1963 году число православных приходов по сравнению с 1953 годом было сокращено более чем вдвое. В Москве летом 1964 года был разрушен храм Малого Преображения. В Днепропетровской и Запорожской епархии в 1959 году насчитывалось 285 приходов, а к 1961 году осталось всего 49. Были закрыты 5 семинарий. А в 1963 году — и Киево-Печерская лавра.

К началу 60-х годов вновь появились заключенные из числа верующих и духовенства, арестованные за свои убеждения. За 1961—1963 и первое полугодие 1964 года по ст.142, 143 и 227 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик было осуждено 806 человек⁴. По Указу о тунеядцах за это время выслан в отдаленные области 351 священнослужитель.

¹ Архив Управления ФСБ по Ярославской области. Справка. С.12, 19.

² ГАРФ, ф. 5263, оп. 1, д.145, л.1.

³ Там же, д.97, л.4—5.

⁴ Там же, ф. 6991, оп.4, д.173, л.187.

Сокращение религиозных объединений характеризуется следующими данными:

	1960 г.	1969 г.
Общее число церквей всех религий	20914	16321
в том числе:		
Русская православная Церковь	13008	7352
Мусульманский культ	2308	962
Католический культ	1179	1096
Иудейский культ	259	226 ¹

В период правления Брежнева закрытие церквей чуть-чуть притормозилось. Закрывалось в среднем 50 приходов в год. Однако новый генсек Ю. Андропов вновь ужесточил государственно-церковные отношения, призвал усилить атеистическую работу, возобновил преследования религиозных деятелей.

Авантюра в Афганистане подтолкнула правящую верхушку партии к поиску «врагов», на которых можно было бы свалить вину за собственные преступления. 5 апреля 1983 года ЦК КПСС принимает постановление «О мерах по идеологической изоляции реакционной части мусульманского духовенства». За этим последовали новые преследования мусульманских верослужителей.

Перестройка провозгласила новую политику по отношению к религии и Церкви. Началось возвращение религиозным объединениям монастырей, церквей, мечетей, синагог, молельных домов, вновь открывались учебные заведения. Какого-либо противодействия этому процессу в политбюро не оказывалось. И в то же время многолетняя инерция давала себя знать, и прежде всего на местах. Старые правила и привычки продолжали работать. Все же, несмотря ни на что, религиозная жизнь возрождалась довольно быстрыми темпами.

Я горжусь тем, что, занимаясь в то время культурой, информацией, наукой, принимал, как я уже

¹ ЦХСД, ф.5, оп.62, д.37, л.31.

писал, в этом оздоровительном процессе непосредственное участие. При моем прямом участии и содействии Православной Церкви были переданы вместе с Оптиной Пустынью и Толгским монастырем еще 16 монастырей. Более 4000 храмов, мечетей, синагог, молебных домов возвращены соответствующим конфессиям.

Патриарх Московский и всея Руси наградил меня орденом Сергия Радонежского.

Совсем недавно настоятель храма в Крестах (Ярославль) подарил мне старинную икону за спасение этого храма. В мирской суете я уже забывал об этом, но батюшка напомнил о тех временах, когда над церковью нависла реальная опасность разрушения. Обком партии аргументировал свою позицию тем, что церковь портит общую панораму въезда в Ярославль, ибо заслоняет «красоты» многоэтажных новостроек. Я не дал согласия на снос храма. Она красуется до сих пор, кстати, заметно облагораживая въезд в этот старинный русский город.

Вот так бывает. Память не у всех короткая.

Сам себя я к активным верующим не отношу, но крещен, равно как дети и внуки, причем не сегодня, а тогда, когда родились. Мать ходила в церковь до конца своих дней. До сих пор в родительском доме висят иконы, они никогда не снимались. Так уж получилось, что за всю свою жизнь я не прочитал ни одной атеистической лекции или доклада, не провел ни одного совещания по атеистической пропаганде.

Меня всегда приводили в смятение разрушенные церкви, склады и овчарни в храмах. По дороге из Москвы в Ярославль, по которой я ездил сотни раз, стояли десятки порушенных памятников прошлого как немые свидетели преступлений режима. Однажды, году в 1975-м, будучи в отпуске (работал в это время в Канаде), я поднял этот вопрос перед Андроповым (тогда председателем КГБ). Он внимательно выслушал меня, согласившись, что подоб-

ные картинки производят плохое впечатление на иностранцев, ему уже докладывали об этом. В моем присутствии Андропов дал кому-то указание по телефону внимательно изучить этот вопрос, но все на этом и закончилось.

Я напомнил о всех этих фактах потому, чтобы понятнее стали мои нынешние соображения на этот счет. Лично я считал передачу конфессиональной собственности в руки религиозных властей восстановлением элементарной справедливости. Но не только. Я надеялся, что с возрождением религиозной активности начнется и возрождение нравственности, духовности.

Не скажу, что полностью, но многие мои надежды, к сожалению, дали трещину. Немало священников на местах оказались просто жуликами, разворовывающими церковное имущество. Богословская теория и практика как бы застыли, не желая поступиться даже теми догматами, которые явно пришли в противоречие с жизнью. Нравственные проповеди не стали ведущими в деятельности немалого числа священников. Не может не вызывать удивления, что некоторые духовные пастыри идут на духовное сотрудничество с лидерами большевистской идеологии, подавая тем самым дурной пример короткой памяти своей пастве.

Сегодня мне особенно противны заявления тех деятелей Православной Церкви, которые пытаются доказать, что Сталин хотел, дескать, осуществить Христовы заповеди. Большого кощунства не придумаешь. Подобные деятели, примазавшиеся к церкви, предают и веру, и Христа.

Но особенно грязными и циничными выглядят клятвы нынешних лидеров компартии в верности христианским заветам. Разрушив тысячи храмов и уничтожив сотни тысяч священнослужителей, необольшевики пытаются сегодня преподнести себя как носителей нравственности, защищающих духовность.

Не могу найти слов, которые по достоинству ха-

рактизовали бы безнравственность людей, голосующих за большевистских наследников. Не может того быть, чтобы голосовали только атеисты, воспитанные марксистско-ленинской идеологией. Какая же бездна невежества снова затягивает нас в небытие!

Невольно на ум приходит вопрос-недоумение. Православный Синод отлучил от церкви Льва Толстого — гения, духовного отца русского народа. Отлучил за критику Церкви. Тогда почему же почтенные и высокочтимые иерархи нашей Церкви не предадут анафеме антипатриотическую и антихристианскую партию, разрушившую Церковь, объявившую христианскую религию своим врагом. Может быть, не стоит забывать о словах Патриарха Тихона, проклявшего «антихристову власть».

Я хорошо понимаю, что многих пастырей еще угнетает груз прошлого, когда всю религиозную деятельность контролировал КГБ. Эта организация подбирала людей для учебы в религиозных учебных заведениях, вербовала на службу в разведке и контрразведке. Я знаю по кличкам многих из этих двойников, равно как и людей из писательского и журналистского цеха. Иногда вижу их на разных демократических сборищах, официальных приемах. Не скрою, меня порой гложет вопрос: а что они думают о своем прошлом, как обходятся с собственной совестью? Впрочем, леший с ними. Что касается меня, то я не собираюсь предавать гласности эти свои специфические знания.

ДВАЖДЫ ПРЕДАННЫЕ

Безмерны преступления режима в отношении советских солдат и депортированных граждан, оказавшихся в годы Отечественной войны в Германии и других странах Западной Европы.

Точных данных о военнопленных нет до сих пор. Германское командование указывает цифру в 5 270 000 человек. По данным генштаба Вооруженных сил Российской Федерации, число пленных составило 4 590 000. Статистика Управления уполномоченного при СНК СССР по делам репатриации говорит, что наибольшее количество пленных пришлось на первые два года войны: почти два миллиона (49%) — в 1941 году, 1 миллион 339 тысяч (33%) — в 1942, 487 тысяч (12%) — в 1943, 203 тысячи (5%) — в 1944 и 40,6 (1%) — в 1945 году¹.

подавляющее большинство солдат и офицеров попало в плен не по своей воле. Раненые и больные. Не было боеприпасов и продовольствия. Развалилось управление войсками. Количество перебежчиков даже в самом тяжелом 1941 году на участках, например, Западного фронта не превышало 3—4% от общего числа попавших в плен.

С осени 1941 года началась массовая депортация в Германию и в оккупированные ею страны граждан-

¹ АП РФ, ф.3, оп.50, д.507, л. 76—81.

ского населения. За годы войны было депортировано 4 миллиона 829 тысяч мужчин, женщин и детей¹. Переселение было принудительным. Исключение составили примерно 250 тысяч человек — в основном советские граждане немецкой национальности и члены семей тех, кто поступил на службу в вооруженные силы Германии, в карательные оккупационные органы.

В плену и неволе погибло до 2 миллионов военнопленных и более 1 миллиона 230 тысяч депортированных гражданских лиц. В СССР было репатрировано свыше 1 миллиона 866 тысяч бывших военнопленных и свыше 3,5 миллионов гражданских лиц. Отказались вернуться более 450 тысяч человек, в том числе около 160 тысяч — военнопленных.

Отношение большевистской власти к пленным воинам Красной Армии сложилось еще в годы братоубийственной войны после октябрьского контрреволюционного переворота. Их нередко расстреливали без суда и следствия. После окончания советско-финской войны в 1940 году финская сторона передала советским властям 5,5 тысяч пленных. Все они оказались в спецлагере в поселке Южа Ивановской области. Лагерь, обнесенный колючей проволокой, охранялся конвойными войсками НКВД. Заключенных лишили права переписки, свиданий с родными и близкими. Место пребывания держалось в строгой секретности, проверка длилась почти год. Значительную часть из них приговорили к различным срокам заключения.

В первые же дни Отечественной войны советское командование полностью потеряло управление вооруженными силами, за исключением, может быть, флота. В политбюро царила растерянность. И только карательные органы оказались готовыми к подобному повороту событий. Уже 28 июня 1941 года, то есть через несколько дней после начала войны, издается совместный приказ НКГБ, НКВД и Прокуратуры СССР № 00246/00833/пр/59сс «О по-

¹ Там же, л.120—121.

рядке привлечения к ответственности изменников родины и членов их семей»¹. Еще не было мало-мальских данных о ходе боевых действий, но репрессивный аппарат продемонстрировал свою готовность сажать, ссылать и расстреливать тех, кого сочтут изменниками. Карательная кувалда обрушилась и на семьи пропавших военнопленных. Собственные преступления руководство страной перекладывало на солдат и офицеров.

Военнослужащий, оказавшийся в плену, рассматривался как преднамеренно совершивший преступление. Никакие обстоятельства в расчет не принимались. Под следствие попадали даже военнослужащие, пробывшие за линией фронта всего несколько дней. Бойцов и командиров, вырвавшихся из окружения, встречали, как потенциальных предателей и шпионов.

Когда мы, группа молодых офицеров, прибыли в самом начале 1942 года на Волховский фронт в 6-ю отдельную бригаду морской пехоты, то оказались живыми свидетелями того, как это происходило во фронтовой обстановке. Как раз в это время на нашем участке фронта переходили к нам отдельные группы (иногда до 40 человек) солдат и офицеров из окруженной 2-й ударной армии под командованием генерала Власова. Для нас все было внове. Но поразило то, что практически всех, кто приходил с той стороны, немедленно обезоруживали, заключали под стражу, поодиночке допрашивали, а затем по каким-то признакам сортировали и отправляли в тыл.

Но случались и нарушения установленных порядков. Когда приходили группы в 2—3 человека, их, вопреки указаниям, зачисляли рядовыми в постоянно убывающие ряды рот и батальонов. Происходило все это, как правило, по сговору с особистами: они заказывали (за спирт) нам «языков», мы у них как бы выкупали «окруженцев». Полная неразбериха как норма фронтовой жизни помогала иногда и здравым решениям.

¹ ЦА ФСБ РФ, ф.66, оп.1, к. 601, л.314—343.

В целом же дела с военнопленными обстояли куда трагичнее, чем можно представить даже в богатом воображении.

Ярким примером служит судьба комдива И. Ласкина. Выходя из окружения в августе 1941 года под Уманью, он был задержан и опрошен немецким унтер-офицером. Через несколько часов ему и его товарищам удалось бежать и выйти к своим. О факте кратковременного задержания немцами договорились не сообщать, а потому беспрепятственно вернулись в свою часть.

Но через полтора года, в феврале 1943 года, об этом стало известно военной контрразведке — СМЕРШ. Ласкин уже получил к этому времени звание генерал-лейтенанта. Будучи начальником Оперативного отдела штаба Донского фронта, он принимал капитуляцию фельдмаршала Паулюса. Награжден орденами Кутузова, Красного Знамени, американским крестом «За боевые заслуги». И тем не менее был арестован и обвинен в измене родине, шпионаже, добровольной сдаче в плен. Следствие по его делу тянулось до 1952 года. Генерал Ласкин перенес ужасы Лубянской, Лефортовской и Сухановской тюрем, был приговорен к 15 годам лишения свободы. Впоследствии реабилитирован.

За время войны только военными трибуналами было осуждено свыше 994 тысяч советских военнослужащих, из них свыше 157 тысяч — к расстрелу, то есть пятнадцать дивизий было расстреляно своими же. Более половины приговоров приходится на 1941—1942 годы. Большинство осужденных — бойцы и командиры Красной Армии, бежавшие из плена или вышедшие из окружения.

Жестоким репрессиям подвергались семьи предполагаемых изменников. Их ссылали, приговаривали к длительным срокам лишения свободы. Это предусматривалось постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) от 16 июля 1941 года, а также приказом наркома обороны Сталина № 270 от 16 августа 1941 года, по которым был, в частности,

обвинен в измене и переходе на сторону противника командующий 28-й армией генерал-лейтенант В. Качалов, на самом деле погибший в бою еще 4 августа 1941 года. В сентябре того же года были арестованы и приговорены к 8 годам лишения свободы его жена и мать жены. Доброе имя генерала Качалова восстановлено лишь после смерти тирана, благодаря неустанным хлопотам его жены, против которой, кстати, в 1950 году снова было возбуждено дело об антисоветской агитации.

27 декабря 1941 года издается постановление ГКО № 1069сс, регламентирующее проверку и фильтрацию освобожденных из плена и вышедших из окружения «бывших военнослужащих Красной Армии»¹. С того момента все они направлялись в специальные лагеря НКВД. Эти лагеря представляли собой военные тюрьмы строгого режима. заключенным запрещалось выходить за зону, общаться друг с другом, переписываться с кем бы то ни было. На запросы о судьбе этих людей руководство НКВД отвечало, что сведениями не располагает.

Характерно, что специальные лагеря для советских заключенных находились в ведении Управления НКВД по делам иностранных военнопленных и интернированных. Иными словами, партийно-государственное руководство приравнивало советских военнослужащих, бежавших из плена или вышедших из окружения, к пленным солдатам, воевавшим против Советского Союза.

В апреле 1943 года был издан Указ президиума Верховного Совета о создании каторги. Каторжане привлекались к тяжелому принудительному труду в шахтах, на рудниках, в металлургической промышленности, на стройках, лесозаготовках. Сюда направлялись «политические» и осужденные солдаты и офицеры из бывших военнопленных.

Начиная с 1944 года из освобожденных из плена или вышедших из окружения офицеров Красной Армии начали формировать «штурмовые батальо-

¹ АП РФ, ф.3, оп.50, д.506, л.9–10.

ны», где, независимо от воинского звания, их использовали в качестве рядовых. Дабы искупить «вину», офицеры должны были прослужить в штурмовых батальонах либо до первого ранения, либо до награждения орденом или медалью. Штурмовые батальоны использовались в ситуациях, когда остаться в живых было почти невозможно. Иными словами, бывших военнопленных из числа офицерского состава гнали на верную смерть¹. Через штурмовые батальоны прошло в общей сложности более 25 тысяч офицеров. По совокупности это сравнимо с численностью командного состава более чем 22 стрелковых дивизий.

По мере продвижения фронта на запад увеличился поток возвращающихся в СССР военнопленных и депортированных. В связи с этим в августе 1944 года принимается новое постановление ГКО об организации сети проверочно-фильтрационных пунктов, расположенных в пограничной зоне. Через них должны были пройти как гражданские лица, так и бывшие военнопленные.

В статистической отчетности НКВД указывалось, что не вызывающие подозрений репатрианты непризывных возрастов направлялись к месту жительства, а лица призывных возрастов и бывшие военнослужащие Красной Армии — в военкоматы. Судьба тех, кто вызывал подозрение, была другой — их арестовывали или брали на оперативный учет, что тоже означало неминуемый арест и осуждение.

Леденят душу документы, свидетельствующие о том, сколько пришлось пережить репатриантам, оказавшимся за колючей проволокой, в проверочно-фильтрационных лагерях. Приведу выдержки из некоторых писем:

«Собрали 20 тысяч в одном лагере и держат. Нам здесь очень плохо. Каждый день умирает много женщин и детей» (2.08.45 г. репатриантка В.С.Ляшенко);

«...Кажется, никогда за годы войны не приходилось так тяжело жить, как в настоящий момент. Мы уже

¹ АГШ ВС РФ, оп.37820, д.1, л.1—3, 37—39.

не можем двигать ноги. Кормят плохо. Обращаются, как с собаками... Ходим как мухи, обвевшиеся червивым борщом, которого за три года в Германии не видели... Люди не дорожат своей жизнью, многие покончили с собой. Каждый боец (охраны. — А.Я.) хочет иметь девушку, которой он не стоит, а о высшем начальстве и говорить нечего. Девушки не поддаются им, и многие за это сидят в темных и холодных подвалах. Люди мрут как мухи» (12.08.45 г., репатриантка Н.М.Островская);

«...Живем очень плохо, питание ужасное, дают хлеба триста граммов в день, натуральное тесто, горячая пища три раза в день — полтора литра наполовину с червями, с сушеной брюквой и красной капустой. Сказать по правде, при немцах мы получали гораздо лучше и сытнее. Очень многие девушки лежат в больнице, при смерти от голода. Все девочки грязные ходят, скоро заедят вши. Очень многие покончили жизнь самоубийством. Поживу неделю и кончу жизнь свою, так как жизнью не дорожу. Прошу передать маме, что дочь умерла при освобождении русскими. Для чего я буду жить, если каждый боец и офицер оскорбляет последним словом. Нас совершенно не считают за людей...» (13.08.45 г., репатриантка Г. Гелах).

К лету 1945 года на территории СССР действовало 43 спецлагеря и 26 проверочно-фильтрационных лагерей. На территории Германии и других стран Восточной Европы работало еще 74 проверочно-фильтрационных и 22 сборно-пересыльных пункта. К концу 1945 года через эту сеть прошли свыше 800 тысяч человек. Через 6 специальных запасных дивизий прошли еще 1 миллион 230 тысяч человек. Все эти люди в период проверки и после нее привлекались к тяжелейшему принудительному труду. Лучшим исходом была передача бывшего репатрианта в постоянные кадры предприятия, на которое работал спецлагерь. Передача осуществлялась без указания срока, иными словами — навечно.

Спустя два месяца после окончания Отечествен-

ной войны, 18 августа 1945 года, издается постановление ГКО № 9871с, регламентирующее новые отношения властей с бывшими советскими военнопленными и гражданскими репатриантами¹. Теперь они должны были проходить проверку и фильтрацию в составе рабочих батальонов наркомата обороны, опять-таки с обязательным привлечением к тяжелому труду. Через «рабочие батальоны» прошло в общей сложности около полутора миллионов человек, из них 660 тысяч — бывшие военнопленные. Остальные — гражданские репатрианты из военнообязанных.

Одновременно было принято решение о высылке на спецпоселение сроком на 6 лет выявленных в процессе фильтрации власовцев, а также граждан, служивших в немецких вооруженных силах и полиции, — общим числом до 145 тысяч человек. Руководство СССР не видело разницы между власовцами и ничем не запятнавшими себя бывшими военнопленными. Тех и других направляли на Крайний Север, в Восточную Сибирь, Казахстан, в отдаленные и гибельные места.

По результатам бесконечных проверок многие бывшие военнопленные и гражданские репатрианты были осуждены как пособники и немецкие агенты только за то, что в гитлеровских лагерях выполняли обязанности врачей, санитаров, переводчиков, поваров, иные обязанности, связанные с бытовым обслуживанием военнопленных и «остарбайтеров». Их априори считали связанными с немецкими разведывательными и карательными органами. Тех, кто был освобожден из неволи союзными войсками, брали на учет как возможную агентуру западных разведорганов.

Проверки длились годами, начальство не торопилось, поскольку спецлагеря и рабочие батальоны представляли дармовую рабочую силу, вполне сравнимую с той, что давал ГУЛАГ. Зарплата почти полностью шла в доход НКВД. Из того, что остава-

¹ АП РФ, ф.3, оп.50, д.507, л. 44—52.

лось, делались различные вычеты — налоги, займы. Из начисленных за работу в шахте, например, 500 рублей на руках оставалось не более ста рублей — ровно столько, сколько разрешалось по правилам внутреннего распорядка. Но и на эти гроши нечего было купить. Из соображений конспирации ни в спецлагерях, ни в рабочих батальонах торговых точек не было.

Тяжелые лишения несли и дети. Те, кому исполнилось 16, считались взрослыми, а тех, кто не достиг этого возраста, ставили на учет наравне с родителями. Директивы НКВД предписывали проявлять бдительность в отношении подростков 12—16 лет, которых, как говорилось, могли завербовать немецкие спецслужбы для шпионажа и диверсий.

Досье на бывших военнопленных и гражданских репатриантов особенно широко использовались после 21 февраля 1948 года, когда был принят пакет документов, регламентирующих создание особых лагерей и тюрем и ужесточивших репрессии в отношении ранее осужденных троцкистов, меньшевиков, эсеров, националистов, шпионов и диверсантов. Была названа и новая категория государственных преступников — «лица, представляющие опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности»¹. Это определение было отнесено и к бывшим военнопленным и гражданским репатриантам.

В районах Колымы, Норильска, Караганды, в Мордовии и Коми были созданы особые каторжные лагеря на 100 тысяч человек. Во Владимире, Александровске и Верхнеуральске — особые тюрьмы на 5 тысяч человек. Не менее половины обитателей этих лагерей и тюрем были лица, «подозрительные по своим антисоветским связям», — бывшие военнопленные и гражданские репатрианты.

Смерть Сталина мало что изменила в их положении. Более того, в 1955 году, то есть через 10 лет после войны, высшее начальство вернулось к про-

¹ Там же, оп.58, д.179, л.28—29, 30—34.

блеме военнопленных. Но вовсе не из милосердия, а совсем по другой причине. Дело в том, что председатель КГБ Серов сообщил в ЦК КПСС, что находящиеся на Западе «невозвращенцы» из числа бывших военнопленных и «остарбайтеров» могут быть использованы в качестве боевой силы в будущей войне против СССР. С учетом предложений Серова 17 сентября 1955 года был принят Указ Президиума Верховного Совета «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов»¹.

Вот так! Амнистия объявлялась тем, кто служил в полиции, вооруженных силах Германии, сотрудничал с карательными и разведывательными органами Германии и ее союзников, но не касалась тех, кто без всякой вины оказался в лагерях. Прощение не относилось и к тем людям, которые уже отбыли сроки на каторгах, в специальных лагерях, рабочих батальонах.

Публикация Указа вызвала поток писем в высшие партийные и правительственные инстанции. Бывшие военнопленные выражали свое недоумение и настаивали на скорейшем восстановлении справедливости. В результате была создана комиссия под председательством маршала Жукова. 4 июня 1956 года Жуковым был представлен доклад, в котором впервые были приведены убедительные свидетельства произвола в отношении военнопленных. Маршал поставил вопрос о пресечении творимых беззаконий².

В докладе говорилось, что подобное беззаконие стало возможным вследствие «господства культа личности Сталина, единолично принимавшего решения... по важнейшим государственным и военным вопросам...» В постановлениях ГКО и приказах Верховного Главнокомандующего вопросы, связанные с военнопленными и «окруженцами», говорилось далее в документе, «рассматривались односторонне, с

¹ Там же, оп.50, д.509, л.96—100.

² Там же, д.511, л.23—32.

позиции всемерного развязывания репрессий против них и их семей. Вследствие этого широкое распространение получила незаконная практика внесудебных репрессий против военнослужащих, попавших в плен, и нарушение законности при рассмотрении дел на военнопленных в судах»¹.

Комиссия Жукова предложила меры, предусматривающие материальную поддержку бывшим военнопленным, предоставление им в месячный срок работы по специальности, отмену всех ограничений при поступлении в учебные заведения и т. д. Предлагалось представить к правительственным наградам бывших военнопленных, имеющих ранения или совершивших побег из плена, но не отмеченных наградами.

Обсуждение записки Жукова вызвало острую дискуссию в президиуме ЦК. Многие предложения были отвергнуты. Однако в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей» от 29 июня 1956 года² большевистское руководство признало несправедливость политики сталинского режима в отношении бывших военнопленных, но не пошло дальше амнистии тех, кто, не совершив преступлений, длительное время находился на каторге, в тюрьмах, лагерях, в рабочих батальонах.

Практически бывших военнопленных уравнили с участниками немецких формирований, полицейскими карателями, которых амнистировали раньше. Таким образом, амнистию обрядили в одежду справедливости, а на самом деле она была гнусным лицемерием. Обвинения в измене родине, шпионаже были перекаленированы в обвинения в воинских преступлениях, что исключало возможность реабилитации этих людей как жертв политических репрессий.

С тех пор власть не считала необходимым обра-

¹ Там же.

² Там же, л.17—22.

щаться к проблемам бывших военнопленных и гражданских репатриантов, полагая их исчерпанными. Неоднократные попытки Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий и мои лично вернуться к этой проблеме встречали (в том числе и во времена Горбачева) упорное сопротивление со стороны Министерства обороны.

Я сам, будучи председателем этой Комиссии еще в политбюро, дважды разговаривал с начальником генштаба, маршалом Ахромеевым, но встретил резкие возражения. Позиция достаточно банальна: осуществление подобных мер якобы нанесет ущерб государственной безопасности, снизит боевой дух армии, отрицательно скажется на дисциплине в ее рядах.

Ненависть режима к бывшим военнопленным была всеобъемлющей и глубокой. Законные права бывших советских военнопленных и гражданских репатриантов так и не были восстановлены. На них удобно было сваливать собственные грехи за поражения в войне.

Большевистский режим так и не признал:

— что акты проверки и фильтрации вышедших из плена или из окружения репатриированных гражданских лиц, приводившие к лишению свободы, представляют собой одну из форм внесудебных репрессий, которым подверглись свыше пяти миллионов советских граждан;

— что направление в качестве рядовых в «штрафные батальоны» — на верную гибель — офицеров является внесудебной репрессией, а на простом языке — преднамеренным убийством;

— что репрессии в отношении членов семей советских военнопленных стали изощренной формой варварства и правовым беспределом, то есть преступлением;

— что репрессии без всяких доказательств вины в отношении репатриантов являются незаконными;

— что отказ в моральной и социальной защите советских военнослужащих, плененных при защите

отечества, более того, отказ даже в статусе участников Отечественной войны является ярким свидетельством преступности режима.

Вне человеческого разума находятся и требования властей о том, чтобы искалеченные в гитлеровских лагерях люди представляли справки о ранении и травмах. Какую справку может предоставить солдат, которому ампутировали ногу или руку в лагере для военнопленных?

Напомним также, что вопрос в анкете — «Были ли вы или ваши родственники в плену или на оккупированной территории?» — изъяти из анкет только в 1992 году!

Полное восстановление законных прав российских граждан, плененных в боях при защите отечества, стало возможным лишь после Указа Президента Российской Федерации № 63 от 24 января 1995 года, принятого по предложению Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Справедливость удалось восстановить только через 50 лет после окончания Отечественной войны... Миллионы людей так и покинули этот мир оскорбленными, униженными, оплеванными властью.

НА ВЕКА ОСКОРБЛЕННЫЕ

В жернова террора попали не только социальные слои, классы, группы — крестьянство, дворянство, казачество, купечество, офицерство, духовенство, — но и целые народы, насильно депортированные в районы Крайнего Севера и Сибири, в Казахстан и Среднюю Азию.

В трагической судьбе поляков, крымских татар, немцев, чеченцев, ингушей, калмыков, балкарцев, карачаевцев, турок-месхетинцев, хемшинов, корейцев, финнов, ингерманландцев, отдельных групп из числа других народов — армян, болгар, гагаузов, греков, курдов и многих других — большевистский фашизм получил едва ли не самое концентрированное выражение, обнажив шовинистические основы национальной политики большевизма.

Документы об этих преступлениях, скрывавшиеся многие годы в архивах, позволяют теперь представить действительные масштабы трагедии советского общества и его деградации.

Насильственная депортация народов началась задолго до Великой Отечественной войны. 26 апреля 1936 года СНК СССР принял секретное постановление о выселении из УССР в Карагандинскую область Казахской АССР 15 000 польских и немецких хозяйств как политически «неблагонадежных»¹.

¹ ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 12, д.209, л. 30—34.

Затем началась «чистка» приграничных районов. В первую группу депортированных были включены 35 820 поляков. Из них 35 735 человек были направлены в Казахскую ССР (Алма-Атинская, Карагандинская, Кокчетавская, Северо-Казахстанская и Талды-Курганская области). Остальных небольшими группами (по 5—15 человек) отправляли главным образом в Восточную Сибирь¹. В дальнейшем депортации охватили крупные промышленные центры Европейской части СССР.

К одной из первых акций по депортации относится переселение «неблагонадежных элементов» из приграничных районов с Ираном, Афганистаном, Турцией. 17 июля 1937 года ЦИК и СНК издали постановление об организации специальных запретных полос. И сразу же 1325 курдов из Армении, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана переселили в глубь страны. Всего освобождению от «неблагонадежного» элемента подверглись 40 районов.

В 1937 году была проведена операция по массовому выселению корейцев, проживавших на территории Бурят-Монгольской АССР, Хабаровского, Приморского краев и Читинской области, а также Еврейской автономной области. Корейцев отнесли к благоприятной среде для японской агентуры.

Тогдашний наркомвнудел Ежов докладывал:

«Совершенно секретно. Председателю СНК тов. Молотову В.М.

25 октября 1937 года выселение корейцев из ДВК закончено. Всего выселено корейцев 124 эшелона в составе 36442 семей — 171781 человек. Корейцы распределены в Узбекской ССР — 16272 семьи, 76525 чел., в Казахской ССР — 20170 семей, 95256 чел. Прибыли и разгружены на местах 76 эшелонов, в пути 48 эшелонов»².

Один из очевидцев пишет:

«Их привезли на грузовиках, оставляя меж высохших кустиков верблюжьих колючек и тамариска. Потеряв

¹ Там же, ф.Р-9479, оп.1, д.641, л.89.

² Там же, ф.Р-5446, оп.29, д.48, л.17.

всякое приличие и достоинство, люди в белых платьях и серых телогрейках хватали за голенища водителей и милиционеров, умоляя увезти их в людные места, потому что в мороз и ветер, без очага и крыши помрут маленькие дети и старики, да и молодые вряд ли дотянут до утра»¹. Переселение корейцев продолжалось и в Отечественную войну, но теперь уже из других районов страны.

Немцы Поволжья.

По данным статистики, на начало 1939 года немцев в стране насчитывалось 1 427 222 чел., в том числе в Российской Федерации — 700 231 чел.² В самом начале войны депортации были подвергнуты немцы Поволжья, а затем и все немцы, проживавшие в Европейской части.

Первое решение о депортации немцев Поволжья было принято 12 августа 1941 года. Их предполагалось выселить в районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахской и Киргизской ССР и другие соседние области³.

В Воркуту был отправлен классный руководитель моего выпускного класса Густав Шпетер вместе с семьей. Благороднейший человек, учивший нас любви к Родине, честности и порядочности. Он, слава Богу, жив. Живет в Ярославле. Мы, оставшиеся в живых одноклассники, до сих встречаемся с ним и восхищаемся его мудростью и мужеством.

27 августа 1941 года появился приказ НКВД «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей». В республику были направлены 1200 сотрудников НКВД, 2000 работников милиции, 7350 красноармейцев; в Саратовскую область — 250 сотрудников НКВД, 1000 работников милиции и 2300 красноармейцев. Руководство операцией поручалось замнаркома внутренних дел И. Серову.

¹ Простор. 1987. №2. С.59—60.

² ГАРФ, ф.Р-9479, оп.1, д.83, л.1—3.

³ Там же.

Переселение проводилось в предельно жестокой форме. Один из бывших переселенцев, Р.Гофман, пишет, что в сентябре сорок первого в двадцать четыре часа их семью — мать, отца и трех мальчиков — «без вещей выставили из дома, загнали в эшелон, набитый только немцами, и под конвоем отправили в Сибирь». Новые жители, приехавшие в ликвидированную республику, вспоминали удручающую картину: «...Бродили по улицам растерянные овечки, недоенные коровы с ревом бросались к человеку. В крепких домах было выметено и убрано, дозревал урожай на полях и огородах — и ни души»¹.

По словам Р.Гофмана, из 2114 советских немцев, работавших с ним на гремачинской шахте Молотовской области, к весне 1945 года в живых осталось чуть больше 700. Э.Айрих пишет, что из прибывших в Богословский лагерь в феврале 1942 года 15 тысяч немцев через год осталось в живых только три тысячи. Принудительному переселению в 40-е годы подверглись и немцы, проживавшие на территории Крымской АССР, Дона и Северного Кавказа, в Дагестане, Калмыкии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии. Переселение немцев из Прибалтики, Белоруссии, Украины и Молдавии продолжалось до конца 40-х годов.

Немцы потеряли свою автономию, оказались разбросанными по Северу, Западной Сибири, Дальнему Востоку, Средней Азии и Казахстану. Народ был обвинен только в том, что он принадлежал к нации, государство которой вело войну против СССР.

Калмыки.

Операция по выселению калмыков началась с проведения учета населения по улусам (районам) и по хатонам (селениям). В этих целях на каждый улус была выделена оперативная группа в 8—10 человек. Было объявлено, что на территорию Калмыкии выброшены вражеские группы с заданием уничтожать предприятия, мосты, запасы хлеба и фуража,

¹ Литературная газета. 1989. 11 окт.

травить скот и распространять среди населения различные болезни. Оперативники прибыли как бы для охраны населенных пунктов, мостов, складов, водоемов с питьевой водой. Под предлогом необходимости прививок от заразных болезней они провели учет всего населения и скота.

После этого (28 декабря 1943 года) началась операция по выселению. В ее осуществлении участвовало свыше 7 тысяч оперативных работников и 29 тысяч военных. Высылали калмыков не только из Калмыкии, но и из Ростовской, Сталинградской областей, из Ставропольского края. Всего было выслано 99 252 человека.

Крымские татары.

С середины апреля 1944 года началась подготовительная работа по депортации крымских татар. К этой операции было привлечено до 20 тысяч военных и 8 тысяч оперативных работников НКВД. Операция началась с рассветом 18 мая и закончилась 20 мая. Выселению подверглось около 200 тысяч человек. С 26 мая началось выселение болгарского (12 975 человек), армянского (9 919 человек) и греческого (14 300 человек) населения, проживавшего в Крыму.

Чеченцы и ингуши.

Среди автономных образований Северного Кавказа Чечено-Ингушская республика была самой крупной по численности населения. В ее 24 районах накануне войны проживало 731,4 тысячи человек, в том числе чеченцев — 387,8 тысячи (52,8 %), ингушей — 75 тысяч (12 %), русских — 205 тысяч (27,8 %).

Эта республика была предметом непрерывных экспериментов, проходивших в Северо-Кавказском регионе. В 1921 году здесь провозгласили Горскую советскую республику. На ее учредительном съезде присутствовал Сталин. Он принял условие съезда: горцы признают советскую власть, если

основным законом жизни республики будет признан шариат.

Горская республика просуществовала недолго. 30 ноября 1922 года была образована Чеченская автономная область, 7 июля 1924 года — Ингушская автономная область, 15 января 1934 года они были объединены, появилась Чечено-Ингушская автономная область, на смену которой 5 декабря 1936 года пришла Чечено-Ингушская автономная республика.

Первая волна массовых репрессий в Северо-Кавказском регионе связана с коллективизацией и раскулачиванием крестьянства. Местные партийные власти, выполняя указание Москвы, намеревались сделать Северный Кавказ «первым краем сплошной коллективизации на основе ликвидации кулачества как класса».

Этому лозунгу чеченцы сначала не придали особого значения, но когда власти стали забирать имущество и проводить аресты, чеченцы начали защищать себя. Органы НКВД расценили это как террористические, кулацкие действия. В официальных документах сообщалось, что «в начале 30-х годов в области создалась реальная угроза вовлечения в повстанческую авантюру значительных масс, кулачество переходило к открытым выступлениям, увлекая за собой значительную часть середняков... В 1932 году было организовано вооруженное восстание с участием 3000 чел., которое охватило все аулы Ножай-Юртовского района и ряд других аулов»¹.

Улаживать дело миром — не в правилах большевистских властей. В ответ на протесты в 1933 году было репрессировано около 2000 «кулаков и их пособников». В 1936 году СНК принял решение о переселении 1000 крестьянских хозяйств из Дагестана и Чечено-Ингушской области в Киргизскую ССР. Эту трагедию чеченские крестьяне разделили с крестьянами всей страны (по сведениям ОГПУ, только на сентябрь 1931 года из различных регионов

¹ ГАРФ, ф.Р-9479, оп.1, д.768, л. 129.

страны было выселено 381 026 семей кулаков, всего 1 803 393 человека)¹.

Вслед за раскулачиванием последовал «большой террор» второй половины 30-х годов. В ночь с 31 июля на 1 августа 1937 года по всем аулам и районам осуществлялась так называемая «генеральная операция по изъятию антисоветских элементов». Было арестовано до 14 тысяч человек. На всех был выписан ордер на арест, над всеми состоялся один заочный суд. Судила чрезвычайная «тройка» НКВД Чечено-Ингушетии. Судила не индивидуально, а по спискам и с заранее определенным приговором: одних — к расстрелу, других — в лагеря.

В течение трех лет в НКВД сочинялось дело о «буржуазно-националистической, контрреволюционно-повстанческой, бухаринско-троцкистской, антисоветской вредительской организации» — так гласила многоэтажная формула обвинения для группы арестованных. В эту группу входило 137 человек руководящих работников республики. В конце 1938 года они были приговорены к расстрелам, тюремным срокам и высылке.

Катастрофическими последствиями обернулась для чеченского и ингушского народов массовая депортация в годы войны. О том, как осуществлялась операция, зашифрованная под названием «Чечевица», подробно сообщается в документах и инструкциях периода 1943—1944 годов, а также в записке министра внутренних дел Дудорова Хрущеву от 5 февраля 1960 года.

В октябре 1943 года в Чечено-Ингушетию выехала бригада работников госбезопасности во главе с заместителем наркома Кубуловым для сбора материала «об антисоветских выступлениях» на Кавказе с первых дней советской власти. Итогом стал документ от 9 ноября 1943 года под названием «О положении в районах Чечено-Ингушской АССР». В нем отмечалось, что на территории республики насчитывается 38 религиозных сект, руководители которых

¹ Там же, ф. Р-374, оп.28, д.4055, л.47.

возводятся в ранг святых, а члены сект — свыше 20 тысяч человек — ведут активную антисоветскую работу, укрывают и снабжают бандитов, немецких парашютистов и призывают народ к вооруженной борьбе с советской властью.

Далее говорилось, что антисоветские авторитеты по заданию немецкой разведки организовали в октябре 1942 года вооруженные выступления. А также о том, что чеченцы и ингуши располагают значительным количеством оружия, от сдачи оружия уклоняются, храня его для очередного выступления против власти, которое планируется во время «вторичного успешного наступления немцев на Кавказ».

13 ноября 1943 года Берия начертал резолюцию: «Тов. Кобулову. Очень хорошая записка». Затем собрал оперативное совещание, на котором присутствовали высшие чины ведомства. В числе первоочередных задач Берия назвал создание оперативно-чекистских групп, которые должны отправиться в Чечню. Ответственными за выполнение «Чечевицы» были назначены заместители Берии — Серов, Апполонов, Круглов и Кобулов.

18 ноября 1943 года Берия утвердил план подготовительных оперативно-чекистских мероприятий по делу «Чечевица», предусматривающий создание по каждому району оперативно-чекистских групп в составе 10 человек, задачей которых, наряду с мероприятиями, направленными против бандитизма, являлось проведение точного учета всего населения, составление негласно, под различными благовидными предложениями, поименных списков по установленной форме, а также тщательное изучение дорог, троп, ущелий, выходов в леса и горы и путей сообщения с соседними районами и республиками. Все это — с целью предотвращения побегов со стороны элементов, подлежащих изъятию.

2 декабря 1943 года Берия получил докладную записку о ходе подготовительных мероприятий, в которой предлагались методы обеспечения скрытности подготовки операции от населения и местных орга-

нов власти. В частности, для сосредоточения в Чечено-Ингушетии внутренних войск (свыше 85 тысяч человек) и оперативных работников НКВД и НКГБ (свыше 17 тысяч человек) предлагалось «договориться с командующим войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-лейтенантом Курдюмовым о вводе в горные районы выделенных для операции войск НКВД под видом частей Красной Армии, проводящих тактическое учение в горных условиях».

29 января 1944 года утверждается «Инструкция о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей». В преамбуле говорилось, что «выселению подлежат все жители Чечено-Ингушской республики по национальности чеченцы и ингуши». Далее указывалось, что члены ВКП(б) и ВЛКСМ, независимо от занимаемого ими служебного положения, а также работники партийных и советских органов, хозяйственных учреждений выселяются для работы в новых регионах. Разъяснялось, что чеченки и ингушки, состоящие в браке с лицами других национальностей, выселению не подлежат, а женщины русской национальности, вышедшие замуж за чеченцев и ингушей, выселяются на общих основаниях. Однако им разрешалось расторгнуть браки — тогда они от депортации освобождались.

31 января 1944 года предстоящая операция получает нормативную базу в виде секретного постановления ГКО «О мероприятиях по размещению спецпоселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР». Что интересно: в самом постановлении чеченцы и ингуши не упоминаются, но поручается направить в феврале—марте для расселения в Казахской ССР до 400 тысяч человек и Киргизской — до 90 тысяч человек.

17 февраля 1944 года Берия доложил Сталину, что подготовка операции заканчивается. Учитывая ее масштабы и особенности горных районов, решено выселение провести (включая посадку людей в эшелоны) в течение 8 дней. В первые 3 дня будет закончена операция по всей низменности и предгорным районам и частично — по некоторым поселе-

ниям в горных районах с охватом свыше 300 тысяч человек. В остальные 4 дня будут выселены 150 тыс. человек из всех горных районов¹.

18 февраля 1944 года Берия о предстоящем выселении поставил в известность председателя СНК Чечено-Ингушетии Моллаева. Он мотивировал уже подготовленную операцию двумя причинами: вооруженные выступления против власти и пособничество немцам при их наступлении на Кавказ.

21 февраля 1944 года зам. наркома внутренних дел Серов доложил Берии о настроениях руководящих работников Чечено-Ингушской АССР в связи с предстоящей акцией. Он привел примеры, вызывающие у него опасения, и сделал следующий вывод: «...исходя из изложенного, а также учитывая местные условия (предстоящая погода, базарные дни и праздники у местных жителей), считаю необходимым доложить, что наиболее целесообразным днем начала операции является 22—23 февраля с.г.».

23 февраля 1944 года Берия доложил Сталину: «Сегодня, 23 февраля, на рассвете начали операцию по выселению чеченцев и ингушей. Выселение проходит нормально. Заслуживающих внимания происшествий нет. Имели место 6 случаев сопротивления со стороны отдельных лиц, которые пресечены арестом или применением оружия»². В последующие дни Берия почти ежедневно докладывал Сталину о ходе проведения этой варварской операции. 1 марта он сообщал: «По 29 февраля выселены и погружены в железнодорожные эшелоны 478.479 человек, в том числе 91250 ингушей. Погружено 177 эшелонов, из которых 157 эшелонов отправлено к месту нового поселения»³.

29 февраля уехали в Алма-Ату отдельным эшелонном руководители республики. Им, а также трем секретарям обкомов, трем заместителям председателя правительства разрешили взять с собой по 1,5 тон-

¹ Там же, ф. Р-9401, оп.2, д.64, л.167.

² Там же, л.165.

³ Там же, л.162.

ны домашнего груза (населению была установлено норма в 500 килограммов, наркомам — по тонне). Этот эшелон отправили в дорогу без конвоя. Посадкой руководил Моллаев. Берия дал телеграмму в Казахстан, чтобы там людей из правительственного эшелона обеспечили жильем и дали работу.

Однако на этом операция не закончилась. Она охватила чеченцев и ингушей, уволенных из рядов Красной Армии (после февраля 1944 года). По фронтам были изданы специальные приказы. Так, в распоряжении, адресованном председателям фильтрационных комиссий, предлагалось «всех карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев направить в распоряжение отделов спецпоселений НКВД Казахской ССР — Алма-Ату». По данным НКВД, численность спецпоселенцев, служивших в армии с Северного Кавказа, составляла: 8894 человека (офицеры — 710, сержанты — 1698, рядовые — 6488), из них чеченцев — 4248 человека (офицеры — 238, сержанты — 724, рядовые — 3286)¹.

Спустя две недели после начала операции — 7 марта 1944 года — появился указ о ликвидации Чечено-Ингушской АССР. А на следующий день — о наградах за «образцовое выполнение заданий правительства в условиях военного времени». Руководители «Чечевицы» — Апполонов, Кобулов, Круглов, Серов, нарком госбезопасности Меркулов и начальник «Смерш» Абакумов были награждены орденами Суворова первой степени.

В указе о ликвидации Чечено-Ингушской АССР выселение двух народов обосновывалось тем, что в период Отечественной войны, особенно во время действий немецко-фашистских войск на Кавказе, многие чеченцы и ингуши изменили родине, вступили в отряды диверсантов и разведчиков, забрасываемых немцами в тылы Красной Армии, создавали вооруженные банды для борьбы против власти.

Указанные обвинения в какой-то мере имеют фактическую основу, но далеко не только в Чечено-

¹ История СССР. 1992. №1. С.134.

Ингушетии. Действительно, в период войны дезертирство и уклонение от призыва в Красную Армию приобрели в Северо-Кавказском регионе заметные масштабы. За первые три года войны дезертировали 49 362 человека, уклонились от призыва в армию — 13 389 человек¹. Они и были основным источником бандитствующих групп, которые помогали немцам. Приведу несколько строк из донесений НКВД.

Август 1942 года.

«В связи с приближением фронта к территории Чечено-Ингушской республики значительно активизировалась антисоветская деятельность контрреволюционных и бандповстанческих элементов... В республике действует более 240 бандитов, разгромлен Дзумоевский сельсовет, распущены колхозы... разгромлены линии связи с Грозным...»²

Август 1943 года.

«На учете в Чечено-Ингушской республике 33 бандгруппы (175 чел.), 18 бандитов-одиночек, дополнительно действовали еще 10 бандгрупп (104 чел.). Выявлено в ходе поездки по району: 11 бандгрупп (80 чел.), таким образом, на 15 августа 1943 года действовало в республике 54 бандгруппировки — 359 участников»³.

В информационных сводках приводятся примеры о террористических актах против частей Красной Армии: убийство солдат и офицеров, нападение на обозы, угон скота и другие. Имеются факты диверсионной и разведывательной работы.

Судя по всему, многие из этих и других фактов соответствуют действительности. Но подобное было не только на Северном Кавказе. По данным отдела НКВД по борьбе с бандитизмом, за первые три года войны в стране ликвидировано 7163 повстанческих группировок, объединявших 54130 человек⁴. Их рас-

¹ ГАРФ, ф.Р-9478, оп.1, д.137, л.15—16.

² Там же, д.32, л.237.

³ Там же, д.41, л.244.

⁴ Конференция репрессированных народов Российской Федерации (1991—1992). Документы и материалы. М., 1993. С.46.

пределение по Северному Кавказу: на территории Дагестана — 148 групп (3380 чел.), Кабардино-Балкарии — 50 (3241 чел.), Северной Осетии — 39 (323 чел.), Краснодарского края — 303 (2985 чел.), Ставропольского края — 88 (3316 чел.)¹.

Террор есть террор. Оправдывать его безнравственно. Как абсолютно безнравственны действия властей, когда в качестве наказания силой изгоняются из родных мест целые народы, в том числе участники и герои Отечественной войны. Депортации сопровождались массовыми бесчинствами со стороны работников НКВД и войсковых соединений.

27 февраля 1944 года в горном Галангожском районе началось выселение жителей Нашхойского сельсовета. Необходимых средств для перевозки больных, престарелых и детей через горы не оказалось, а лошади и буйволы уже были изъяты у населения.

Жителям предстояло совершить почти двухсуточный переход по заснеженным горным тропам. Тогда энкавэдэшники объявили, что все больные и престарелые должны остаться на месте для лечения, после чего они будут воссоединены со своими близкими. После того как здоровых мужчин и женщин увели, оставшихся (около 300 человек) загнали в колхозный сарай, заперли его и стали прошивать очередями из автоматов и пулеметов, после чего обложили сеном и сожгли. Были уничтожены все жители 32-х из 34-х хуторов в Мелхасте — самом крупном сельсовете того же района. Во время перехода по горам отстававших людей били прикладами, ослабевших пристреливали, оставляя трупы на дорогах.

Многие эшелоны не были обеспечены даже питьевой водой. Один из депортированных Магомед Тагаев, которому тогда было 44 года, вспоминает: «Вместе с семьей я был доставлен на станцию Грозный. Нас водворили в пульмановский вагон, в который было посажено до 60 человек, люди разместились где только могли... Кроме старосты вагона,

¹ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии. М., 1994. С.11—12.

который ходил под конвоем за получением пищи на остановках, остальным переселенцам выходить из вагонов не разрешалось... Было много случаев смертности; я сам видел, как из соседних вагонов чеченцы в сопровождении конвоя выносили трупы на остановках, клали прямо на снег, засыпали снегом и возвращались».

Огромный урон был нанесен экономике и культуре. Уничтожены уникальные памятники истории. В горных районах было взорвано и сожжено около 1000 памятников древней и средневековой культуры. Сжигались и растаскивались бесценные рукописи на арабском языке, общинные летописи — тептары, серебряная и деревянная инкрустированная посуда, кубки, вазы, подносы, мужские и женские украшения, шашки, сабли, кинжалы, ковры и многое другое. Уничтожались архивы.

После XX съезда, естественно, встал вопрос о том, чтобы изменить положение униженных и оскорбленных народов. Но позиция карательных органов мало в чем изменилась. Министр МВД Дудоров подготовил заключение, в котором говорилось следующее: «Восстановление автономии для чеченцев и ингушей в пределах прежней территории является делом трудным и вряд ли осуществимым, так как возвращение чеченцев и ингушей в прежние места жительства неизбежно вызовет целый ряд нежелательных последствий. В связи с этим можно было бы рассмотреть вопрос о создании для чеченцев и ингушей областной автономии на территории Казахской и Киргизской ССР...»¹.

Кроме того, МВД СССР 30 июня 1956 года, пытаясь как-то приспособиться к новой политической обстановке, внесло предложение в ЦК снять с учета и освободить из-под административного надзора органов МВД чеченцев, ингушей и членов их семей, но при этом установить, что снятие с этих лиц ограничений по спецпоселению не должно повлечь за собой возврат имущества, конфискованного при вы-

¹ ГАРФ, ф. Р-9479, оп.1, д.925. л.127.

селении, и права возвращения в места, откуда они были выселены¹. 16 июля 1956 года был принят указ Президиума Верховного Совета «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны» с установлением ограничений, предложенных МВД СССР.

Затем (9 января 1957 года) были изданы указы Президиума Верховного Совета РСФСР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области» и Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР». Последний указ важен тем, что в нем признан утратившим силу репрессивный указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 года о ликвидации Чечено-Ингушской АССР и отменено положение указа от 16 июля 1956 года о запрещении чеченцам и ингушам возвращаться на прежнее местожительство.

Документы свидетельствуют, что возвращение чеченцев и ингушей на родную землю происходило в очень сложной обстановке. Начать с того, что во второй половине 50-х годов началось их хаотическое перемещение к местам прежнего проживания. Дело дошло до вооруженных столкновений с людьми, которые приехали сюда после 1944 года. Например, в конце августа 1958 года в ответ на угрозы и насильственные действия чеченцев более 10 тысяч русских и украинцев потребовали от местных властей защитить их. Толпа попыталась захватить почту, телеграф, здания МВД и КГБ, взять штурмом здание обкома партии. В город были введены регулярные войска.

По статистике, на конец 1961 года население республики составляло 892,4 тыс. человек, из них 432 тыс. чеченцев и ингушей. Из 524 тыс. человек (418 тыс. чеченцев, 106 тыс. ингушей), проживавших в Казахской и Киргизской республиках, выехало в Чечено-Ингушетию 468 тыс. человек (384 тыс. чечен-

¹ Там же, ф. Р-9401, оп.1, д.480, л.358—359.

цев, 84 тыс. ингушей). Всего прибыло в Чечено-Ингушетию 432 тыс. человек (356 тыс. чеченцев, 76 тыс. ингушей), в Дагестанскую АССР — 28 тыс. человек. В Казахской и Киргизской республиках осталось 56 тысяч (34 тыс. чеченцев, 22 тыс. ингушей).

Начало нового этапа в процессе реабилитации репрессированных народов связано с принятием Верховным Советом СССР 14 ноября 1989 года Декларации «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», где впервые была признана незаконность депортаций и осуждена практика насильственного переселения народов.

26 апреля 1991 года Верховный Совет РСФСР принял Закон «О реабилитации репрессированных народов», в который 1 июля 1993 года внесено дополнение, распространяющее действие Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» на граждан из числа репрессированных народов, подвергшихся репрессиям на территории Российской Федерации по признакам национальной или иной принадлежности.

Я подробно остановился на судьбе чеченского народа прежде всего потому, что узел, завязанный большевистским правлением, не удастся развязать и сегодня. Более того, этот узел становится все более тугим, особенно после преступной войны в Чечне.

Лично я не вижу серьезного смысла в сепаратизме, ибо он служит в современных условиях только узкой правящей элите. Выделение того или иного народа в самостоятельное государство может быть оправданным, если за него проголосуют, на мой взгляд, не менее 75 процентов населения. В то же время преступные действия сталинского режима не могли не вызвать глубокую ненависть к имперской власти. России еще долго придется расплачиваться за уголовную национальную политику сталинизма.

АНТИСЕМИТИЗМ

Еще в конце прошлого века народник Нечаев говорил: «Бесперывно должен держаться слух о каком-нибудь покушении на народ». Сталин и Гитлер в качестве «покусителей на народ» избрали евреев.

Любая власть лицемерна, но большевистская в этом плане бьет все рекорды. На поверхности — слова о равенстве наций, о дикости шовинизма, национализма и антисемитизма. На деле же — политика, не имевшая ничего общего с декларациями. В одном из интервью Сталин назвал антисемитизм «каннибализмом», а по своему действительному мировоззрению, как свидетельствует его дочь Аллилуева, ему везде мерещился сионизм, он упрямо повторял, что вся история партии большевиков — это история борьбы с евреями.

Правда, в первые годы после октябрьского переворота властью были приняты меры по преследованию погромщиков и погромной агитации (постановление СНК РСФСР от 20 июля 1918 года). Публиковались статьи против антисемитизма. Но с этими верхушечными настроениями мало кто считался на местах. В годы Гражданской войны только на Украине и Белоруссии жертвами еврейских погромов оказались более 300 тысяч человек. Погромы и

убийства евреев были особенно активными в районах действий Конной армии Буденного.

И все же в целом власть тогда порицала антисемитизм, а тем более еврейские погромы, иногда наказывала бандитствующих антисемитов. Черносотенцы из «Союза русского народа», которых в свое время Бердяев назвал «отбросами русского народа», активно преследовались. Ленину хватало политического чутья понять, что всякие преследования по национальному признаку похоронят провозглашенную им линию на интернационализм.

Но с приходом к власти Сталина обстановка резко меняется. Начались ограничения в развитии еврейской национальной культуры, языка, религии. Евреи стали вытесняться из партийного аппарата, государственных и хозяйственных органов управления. Происходят аресты еврейских писателей, закрываются еврейские учебные и культурные заведения, запрещается издание книг на иврите. Надежда Крупская в 1938 году написала Сталину: «Мне сдается иногда, что начинает показывать немножко рожки великодержавный шовинизм... Среди ребят появилось ругательное слово «жид»¹.

Накануне войны Сталин в беседе с Риббентропом откровенно высказался о своих действительных взглядах на еврейский вопрос. Он обещал Гитлеру покончить с «еврейским засильем», особенно среди людей интеллектуального труда. Две родственные души и родственные системы начали работать в одном ключе.

Даже во время войны хранители истинного большевизма неоднократно демонстрировали свою бдительность. В августе 1942 года Управление пропаганды и агитации ЦК партии докладывает о том, что «в искусстве преобладают нерусские люди (преимущественно евреи)», и о том, что Управление сомневается в возможности предоставления работы в Большом театре таким мастерам искусства, как Самосуд, Файер, Штейнберг, Габович, Мессерер и др. В октябре

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. №3. С.179.

1943 года с одобрения ЦК КПСС Ф. Раневская не была утверждена на одну из ролей в фильме «Иван Грозный», поскольку «семитские черты у Раневской очень ярко выступают, особенно на крупных планах». О необходимости очищения культуры от евреев неоднократно пишет во время войны начальник Управления агитации и пропаганды Г. Александров.

После Отечественной войны антисемитизм становится практически государственной политикой. Бывший заместитель министра госбезопасности М. Рюмин заявил, что с конца 1947 года в работе его ведомства «начала отчетливо проявляться тенденция рассматривать лиц еврейской национальности потенциальными врагами советского государства».

До войны требовались одни ведьмы, их называли «врагами народа». После войны понадобились новые, хотя и прежние не выходили из трупного оборота.

Недовольство реальными трудностями (голод, отсутствие жилья, преступность, невыносимый духовный гнет и т. п.) нужно было направить в привычное спекулятивное русло: виноваты евреи. Как мрачно шутили над одним поэтом-антисемитом: «Сам горбат, стихи его горбаты. Кто виноват? Евреи виноваты».

Борьба с «безродным космополитизмом» ускорила сооружение «железного занавеса» между СССР и Западом. Внутри страны режим не мог существовать без крупных политических процессов, без перманентной гражданской войны. Карательные органы действовали в единой связке с партийными. По указанию ЦК создавались, например, специальные комиссии по выявлению космополитов. Результаты работы одной из многих таких комиссий точно представляют политику по еврейскому вопросу.

Комиссия под председательством секретаря парткома МГУ Н. Полтева (он же и профессор университета) донесла о состоянии дел с кадрами на физическом факультете, о сотрудниках, «имеющих сомнительные политические качества»:

а) профессор Гвоздовер С.Д., зав. кафедрой и отделением радиофизики, отец его был меньшевиком, а брат репрессирован по 58-й статье. Сам он родился в Мюнхене...

б) парторг на этой кафедре Карасев М.Д., исключенный из комсомола за защиту троцкизма и скрывший этот случай при поступлении в партию. Карасев исключался из партии и восстановлен со строгим выговором. Тесть его (Мартынов) бывший меньшевик.

в) профессор, зав. кафедрой Спивак Г.В. имеет сестру, проживающую в Палестине...

г) доцент Красильников, работающий на кафедре акустики, является сыном троцкистов, отец и мать репрессированы, отец умер в заключении, а мать отбыла срок и в настоящее время проживает с ним.

д) профессор Копцов Н.А., зав. кафедрой, сын купца, два брата репрессированы, один из них по делу промпартии расстрелян, жена — немка родом из Кенигсберга...»

Иногда безнаказанность и ослепление шовинизмом приводили к курьезам. К евреям причислили монаха Менделя, Моргана, Татлина, Мейерхольда, академика Варгу. Для невежд не имело значения, что многие из арестованных не были евреями, лишь бы фамилии звучали «убедительно».

Особое место в антисемитской политике занимают два дела: Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) и «врачей-убийц».

Еврейский антифашистский комитет был создан в годы войны наряду с другими общественными организациями — Антифашистским комитетом молодежи, Всеславянским антифашистским комитетом — с целью мобилизации сил на борьбу с гитлеровской агрессией. Этот комитет внес большой вклад в разоблачение фашистской идеологии и политики. Международные контакты ЕАК с прогрессивными организациями Северной Америки и Европы способствовали сбору за рубежом продовольствия, одежды, медикаментов, валютных средств в качестве безвозмездной помощи нашей стране.

Но каратели есть каратели. Уже 12 октября 1945 года в ЦК и правительство поступает записка МГБ «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета». Пока что о «некоторых», потом — обо всех. Отдел внешней политики ЦК обвиняет работников ЕАК в том, что они забывают о классовом подходе, а международные контакты строят «на националистической основе». Сие надо понимать так, что советские еврей-антифашисты встречаются, скажем, с американскими евреями-антифашистами, и, поскольку с обеих сторон выступают евреи, значит, основа у них националистическая.

Затем последовала записка Михаила Сулова от 26 ноября 1946 года, открывшая новую страницу репрессий. Он обвинил ЕАК в антисоветской и шпионской деятельности. Дело пошло. Из арестованных в декабре 1947 года И.Гольдштейна и З.Гринберга под пытками были выбиты показания, которые послужили поводом для возбуждения уголовного преследования ЕАК.

Впрочем, «разработка» этой организации началась с самого ее создания. Ответственными секретарями или их заместителями в ней, как и в других общественных международных организациях, в разные годы работали штатные сотрудники или осведомители госбезопасности — Ш.Эпштейн, И.Фефер, Г.Хейфец. Они докладывали о каждом шаге и всех высказываниях членов комитета.

Началом кровавой акции против комитета послужило убийство Михоэлса, деятеля культуры с мировым именем. После тяжких истязаний одного из узников Лубянки были получены «признательные» показания о якобы шпионской деятельности Михоэлса, о его интересе к личной жизни Сталина. 10 января 1948 года этот протокол допроса представили самому вождю. Немедленно с его стороны последовало указание о ликвидации Михоэлса, находившегося тогда в Минске.

Во второй половине 1948 года начались массовые аресты лиц, в той или иной мере связанных с ЕАК. Следственную группу по этому делу возглавил некий В. Комаров, который даже в кругу своих собутыльников именовался «палачом». В 1951 году арестовали министра госбезопасности Абакумова (по доносу следователя Рюмина, обвинявшего Абакумова в укрывательстве националистов и вражеской агентуры). Та же участь постигла и Комарова. Будучи уверенным в своей невинности, Комаров 18 февраля 1953 года обращается к Сталину с письмом, слова которого точно отражают настроения в карательных службах того времени, впрочем, не только в карательных. Вот они:

«...В коллективе следчасти хорошо знают, как я ненавидел врагов. Я был беспощаден с ними, как говорится, вынимал из них душу, требуя выдать вражеские дела и связи. Арестованные буквально дрожали передо мною, они боялись меня как огня. Сам министр не вызывал у них того страха, который появлялся, когда допрашивал их я лично. Арестованные враги хорошо знали и ощущали на себе мою ненависть к ним, они видели во мне следователя, проводившего жесткую карательную линию по отношению к ним, и поэтому, как докладывали мне следователи, всяким путем старались избегать встречи со мной, не попасть ко мне на допрос...

Особенно я ненавидел и был беспощаден с еврейскими националистами, в которых видел наиболее опасных и злобных врагов. За мою ненависть к ним не только арестованные, но и бывшие сотрудники МГБ СССР еврейской национальности считали меня антисемитом и пытались скомпрометировать перед Абакумовым. Еще в бытность свою на работе в МГБ СССР я докладывал Абакумову о своем политическом недоверии Шварцману, Иткину и Броверману.

Узнав о злодеяниях, совершенных еврейскими националистами, я наполнился еще большей злобой к ним и убедительно прошу Вас: дайте мне возможность со всей присущей мне ненавистью к врагам отомстить им за их злодеяния, за тот вред, который они причинили госу-

дарству... Прошу Вас, товарищ Сталин, не откажите мне в своем доверии. Не отдавайте меня под суд».

В томах следствия, полных доносов, грязи и крови, обращает на себя любопытная деталь — уникальная фотография как «вещественное доказательство» вредительской деятельности обвиняемых. На ней сняты гениальный физик Эйнштейн и рядом Михоэлс. Снимок сделан на вилле Эйнштейна в Принстоне¹. Чем не доказательство?!

В это же время была арестована член ЕАК П. Жемчужина — жена В. Молотова. Молотов смолчал. Его супруга пробыла в тюрьме до 1953 года.

20 ноября 1948 года политбюро постановило «...немедля распустить Еврейский антифашистский комитет, так как, как показывают факты, этот Комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки. В соответствии с этим органы печати этого Комитета закрыть, дела Комитета забрать»².

Это постановление открыло путь массовым репрессиям против советских граждан еврейской национальности. Среди арестованных оказались известные ученые, политические и общественные деятели, поэты, писатели. Нужные показания выбивались истязаниями.

О методах работы следователей говорит письмо Б.Шимелиовича, бывшего главного врача Боткинской больницы, направленное председателю Военной коллегии Верховного суда СССР 6 июня 1952 года. «...В ту же ночь ареста следователь подполковник Шишков меня повел в приемную министра, где был его секретарь — полковник, еще трое сотрудников в военном... Предложили снять очки и как футбольная команда кидали меня из одной стороны в другую и ударяли все время по лицу. Так как я падал

¹ ЦА ФСБ РФ, д.2354. л.227—239.

² Цит. по: Стецовский Ю. История советских репрессий. М., 1997. С.494.

каждый раз на пол (желтый ковер), раздавался голос стоящего возле стола «вставай»... Я становился, и вновь все продолжалось. Тут я впервые услышал многократно: «все евреи — антисоветские люди» и, наконец, «все евреи — шпионы...»

Как свидетельствует Шимелиович, министр Абакумов учил следователей: «Бить смертным боем». «Слово «бить» я услышал от него в первую же встречу, и при этом присутствовал Рюмин... Следователь Шишков говорил мне: «...Если вы будете не в состоянии ходить на допросы, мы будем приносить вас на носилках и будем бить и бить». Рюмин признавал, что сильно избитого Шимелиовича «на первые допросы буквально приносили» к нему в кабинет.

Свидетельство Юзефовича: «...Меня вызвал к себе министр государственной безопасности Абакумов и сказал, что если я не дам признательных показаний, то он меня переведет в Лефортовскую тюрьму, где меня будут бить. А перед этим меня уже несколько дней «мяли». Я ответил Абакумову отказом, тогда меня перевели в Лефортовскую тюрьму, где стали избивать резиновой палкой и топтать ногами, когда я падал».

3 апреля 1952 года министр госбезопасности С.Игнатьев направил текст обвинительного заключения Сталину. Вот это письмо:

«Товарищу Сталину. Представляю Вам при этом копию обвинительного заключения по делу еврейских националистов, американских шпионов Лозовского, Фефера и других. Докладываю, что следственное дело направлено на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР с предложением осудить Лозовского, Фефера и их сообщников, за исключением Штерн, к расстрелу. Штерн сослать в отдаленный район сроком на 10 лет».

Политбюро одобрило обвинительное заключение и приняло решение о расстреле всех обвиняемых, кроме престарелой Л. Штерн, ей срок ссылки сократили до 5 лет. Срок Штерн сократил «милосерднейший» Сталин.

В ходе судебного процесса ни одно обвинение не было доказано. Подсудимые отвергли их, обличив следствие в фальсификации и рассказав о пытках и избиениях. Дело рассыпалось. Но это не имело ни малейшего значения, поскольку политбюро уже утвердило приговоры. В июле 1952 года Военная коллегия проштамповала это решение. 12 августа расстреляли С. Лозовского, П. Маркиша, Л. Квитко, Б. Шимелиовича, Д. Бергельсона и других подсудимых.

Тогда же были организованы суды над участниками так называемых «организаций еврейских буржуазных националистов» в промышленности (завод им. Сталина в Москве, Кузнецкий металлургический комбинат и др.), в средствах массовой информации, в органах здравоохранения. Состоялся процесс над руководителями Еврейской автономной области, шли аресты среди евреев — сотрудников Министерства иностранных дел и Министерства государственной безопасности. В общей сложности таких дел было сфабриковано более 70. Практически Сталин организовал всесоюзный погром.

Крупнейшей антисемитской провокацией стало «дело врачей».

Травля врачей-евреев началась вскоре после войны. Устраивались бесконечные проверки по анонимным письмам, например, в области психиатрии, в институте питания и других. Проверки заканчивались арестами. В 1950 году были приняты два постановления ЦК с требованием ужесточить антиеврейские «чистки» в медицинских учреждениях. В этом же году был арестован известный кардиолог Этингер и его приемный сын Яков. Среди других обвинений им вменили в вину и то, что они слушали иностранные радиостанции. 2 марта 1951 года Этингера не стало. Он умер в тюрьме якобы от паралича сердца.

Через несколько месяцев следователь МГБ М.Рюмин, который вел дело Этингера, направил Сталину

письмо, обвинив министра госбезопасности Абакумова в утаивании террористических намерений «еврейского националиста» Этингера в отношении советского руководства. После этого доноса Абакумов был арестован, а новому министру С.Игнатьеву была дана директива вскрыть среди врачей группу, проводящую вредительскую работу против руководителей партии и правительства.

Сначала было организовано письмо некоей Тимашук, которое было использовано для начала массового преследования крупнейших медицинских светил, привлекавшихся к лечению высших правителей в Кремлевской больнице. Упорно искали доказательства того, чтобы обвинить врачей в «преступных методах лечения» с целью «умерщвления видных деятелей партии и государства». Среди арестованных были люди разных национальностей — русские, украинцы, евреи. Тем не менее всех объявили участниками сионистского заговора.

Следователи госбезопасности не смогли найти документальных материалов о существовании заговора врачей и их шпионской деятельности. Тогда осенью 1952 года следствие взял в свои руки Сталин. Он лично установил сроки подготовки открытого процесса. По его распоряжению людей далеко не молодых и слабых здоровьем подвергли чудовищным пыткам и истязаниям. Главный каратель сам определял, какие пытки и к какому арестованному нужно применить, чтобы добиться «признательных показаний». Сам проверял, насколько точно выполнены его распоряжения на этот счет.

13 января 1953 года в «Правде» было опубликовано сообщение об аресте группы «врачей-вредителей». Хотя следствие еще продолжалось, в сообщении шла речь о как бы уже доказанных преступлениях. Сообщение открывалось фразой о том, что

«некоторое время тому назад органами государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза.

Жертвами этой банды человекообразных зверей пали товарищи А.А. Жданов и А.С. Щербаков». И далее: «Установлено, что все участники террористической группы врачей состояли на службе иностранных разведок, продали им душу и тело, являлись их наемными, платными агентами. Большинство участников террористической группы — Вовси, Б.Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и другие — были куплены американской разведкой. Они были завербованы филиалом американской разведки — международной еврейской буржуазно-националистической организации «Джойнт». ...Другие участники террористической группы (Виноградов, М.Коган, Егоров) являются... старыми агентами английской разведки».

По стране прокатилась новая волна арестов врачей-евреев. Органы госбезопасности стремились создать впечатление, что заговор был повсеместным. Началась разнузданная антисемитская пропаганда. Уже сама формулировка «врачи-убийцы», пущенная в пропагандистский оборот, была рассчитана на то, чтобы во зло использовать естественное чувство беспокойства человека о своем здоровье. Организаторы этой провокации хотели разжечь, как и в 30-е годы, новый психоз в отношении «убийц» и «шпионов» и на этой основе перейти к новым массовым репрессиям.

Хорошо помню душную атмосферу того времени. Я работал тогда в Ярославском обкоме КПСС заведующим отделом школ и высших учебных заведений. Первым секретарем обкома был Лукьянов Владимир Васильевич — спокойный, уравновешенный человек, который вел себя вполне прилично, считая, что вопросы космополитизма к ярославской жизни не имеют отношения. Но однажды пригласил меня к себе и с тревогой в голосе сказал:

— Тебя вызывает Шкирятов (председатель Комитета партийного контроля, главного репрессивного органа партии), я не знаю зачем, но ты возьми на всякий случай данные о кадровом составе институтов.

Честно сказать, я был напуган. Было-то мне всего 28 лет от роду. Приехал. Позвонил по телефону в приемную. Назначили время приема. Шкирятов встретил меня хмуро. Начал с того, что в ЦК поступило письмо, осуждающее меня за отсутствие необходимой бдительности с засильем «космополитов» в вузовских коллективах, особенно в медицинском институте. Шкирятов упрекал меня в том, что я не понимаю линии партии и, как результат, способствую космополитизму. А посему должен быть наказан. Партия подобного поведения не прощает — и все в том же духе. Я мало что понял из этого монолога и лепетал что-то невразумительное, сказав, например, что в Ярославле космополитизм никак не проявляет себя.

— Иди, — буркнул Шкирятов, — будем принимать решение.

Но когда я пошел к дверям, он спросил:

— Почему прихрамываешь?

— Фронтовое, — ответил я.

— Где воевал?

— На Волховском.

— В каких частях?

— В морской пехоте.

Он велел мне вернуться к столу, а потом уже в относительно мягкой по тону форме стал рассуждать о бдительности, о коварстве империализма и прочем. И отпустил с миром. А в «козлы отпущения» избрали, видимо, кого-то другого.

Другая встреча на ту же тему закончилась конфузом. Меня вызвали сначала к инспектору Василенко, а затем повели к Шкирятову. Он сидел за столом, склонив голову к бумагам. Меня не узнал. Перед ним лежало письмо. Не поднимая головы, он начал говорить, что я не понимаю политики партии в отношении интеллигенции, допустил перегибы в борьбе с космополитизмом, зачитал несколько фамилий из лежащей перед ним бумаги, которые мне ничего не говорили, за исключением профессора Генкина. Я сказал, что Генкин уехал в Воронеж-

ский университет на повышение — заведовать кафедрой. Прошел по конкурсу. Другие фамилии мне были совсем незнакомы. Но я предположил, что многие преподаватели вернулись домой — в Ленинград, поскольку медицинский институт во время войны эвакуировали из Ленинграда в Ярославль.

А затем сказал Шкирятову:

— Матвей Федорович, вы беседовали со мной год назад, но обвиняли меня совершенно в обратном.

Он взглянул на меня и, видимо, вспомнил, затем спросил, в чем было дело. Я рассказал. Принесли прошлогодние бумаги. И вдруг он воскликнул:

— Смотри, а почерк-то тот же самый. Вот прохвост!

При мне Шкирятов позвонил первому секретарю обкома и приказал найти анонимщика. Нашли. Им оказался бывший секретарь одного из райкомов партии, которого сняли с работы за пьянство.

Вернувшись в Ярославль, я спросил первого секретаря обкома, почему мне оказана столь большая «честь», коль сам Шкирятов занялся моей персоной.

— Все просто, — ответил Лукьянов. — Искали фигуру для всесоюзного наказания. А тут письмо подвернулось.

Таковы нравы. Но я благодарен тем встречам. Они в значительной мере умили мою наивность уже в самом начале партийной деятельности.

Вслед за кампанией «по искоренению космополитизма» началась ничем не прикрытая политика уничтожения еврейской культуры, любых форм национального самовыражения. Были закрыты еврейские театры в Москве, Черновцах, Минске, Одессе, Биробиджане, Баку, Кишиневе; еврейские научные центры и библиотеки в Киеве, Львове, Минске; кафедра гебраистики факультета востоковедения Ленинградского государственного университета. Частично уничтожены богатейшие коллекции еврейских музеев в Тбилиси, Вильнюсе, Биробиджане. Закрывались синагоги. Их закрытие происходило

вместе с уничтожением свитков Торы, религиозной литературы, молитвенников.

Арестованы и в большинстве своем погибли в заключении, ссылке или были казнены сотни еврейских деятелей литературы, театра, руководителей еврейских общин, раввины. Об этом я частично рассказал в главе об интеллигенции.

В феврале 1953 года началась подготовка к массовой депортации евреев из Москвы и крупных промышленных центров в северные и восточные районы страны. Началось с того, что по указанию Сталина группа евреев подготовила письмо правительству с просьбой отделить «хороших» евреев от «плохих». Такое письмо было подготовлено и направлено в редакцию газеты «Правда». Сборщиками подписей были директор ТАСС Хавинсон и академик Минц. Они ездили по квартирам, приглашали людей в редакцию «Правды». К сожалению, им удалось собрать значительное число подписей.

Только смерть диктатора приостановила новые расправы.

Волна антисемитизма, поднятая Сталиным после войны, не прошла для страны бесследно. Ее болезненные последствия до сих пор хранит нравственная память общества. Кроме того, в стратегические планы Сталина входило и возбуждение бытового антисемитизма, и это ему удалось. Нынешние события в России, связанные с всплеском антисемитизма на политическом и бытовом уровне, это подтверждают.

С началом перестройки в 1985 году с государственным антисемитизмом было покончено. Однако реальная политическая и гражданская свобода открыла простор не только проявлению лучших качеств людей, но и выявила все то грязное, темное и подлое, что десятилетиями через террор, через официальное поощрение доноительства, через лживую пропаганду поощрял и культивировал в человеческих душах большевизм и его вожаки.

Сегодня в стране существует более 150 фашист-

ских и антисемитских газет. Действуют многочисленные организации подобного же рода, которым открыта дорога на выборах — как в законодательные, так и в исполнительные органы. Откровенно экстремистских взглядов придерживается, например, губернатор Краснодарского края Кондратенко, депутат Думы Макашов, и не только они. Фракция коммунистов в Думе, наследуя заветы Сталина, явно поддерживает антисемитизм. При попустительстве властей растет фашистское объединение РНЕ (Русское национальное единство). К сожалению, остаются безнаказанными многие наглые и позорные выходки антисемитов, демонстрирующих обществу свои охотничьи взгляды, открыто использующих лексику и атрибутику фашизма.

Является ли все это каким-то неожиданным явлением? Конечно, нет. После смерти Сталина были прекращены преследования евреев по признаку национальности, однако в партийно-государственной элите образовался некий негласный сговор-договор: не допускать евреев во властные структуры на всех уровнях. Кадровые аппараты партии, министерств и ведомств тщательно следили за этим под общим контролем КГБ.

Правда, в порядке прикрытия фарисейской политики в каждом министерстве работали по два-три человека — евреев по национальности, — как правило, сотрудники спецслужб. Как бы для ответа на возможный вопрос: ну что вы нас обвиняете в антисемитизме — у нас один еврей работает в МИДе, другой — в Минобороны, третий — в ЦК, четвертый — еще в каком-то министерстве. Сложнее обстояло дело в научной сфере. Здесь побеждал голый прагматизм власти, особенно в прикладных военных науках. Поэтому приходилось терпеть и евреев.

Любое нарушение негласного сговора сурово преследовалось. Всю эту гнусность мне довелось испытать на себе. Стоило мне в 1972 году написать статью об угрозе шовинизма, национализма и антисемитизма в СССР, то есть вынести сор из избы, как неза-

медлительно последовало мое отлучение от партийной работы. Более того, с тех пор я ношу на себе ярлыки «русофоба» и лидера «жидо-масонов», наречен четырьмя фамилиями (Эпштейн, Янкелевич, Якобсон, четвертую не помню, а в архиве искать лень).

Если интеллигенция, все порядочные люди России не поднимут голос против разгулявшихся молодчиков и их политических главарей, беда неминуема. Спекулятивно и подло будет разыграна, в числе других, и старая потрепанная карта антисемитизма, оскорбляющая прежде всего русский народ.

Закончить эту главу я хочу словами из послания чадам Российской Православной Церкви Патриарха Тихона. В 1919 году он писал:

«...Вся Россия — поле сражения! Но это еще не все. Дальше еще ужаснее. Доносятся вести о еврейских погромах, избиении племени, без разбора возраста, вины, пола, убеждений. Озлобленный обстоятельствами жизни человек ищет виновников своих неудач и, чтобы сорвать на них свои обиды, горе и страдания, размахивается так, что под ударом его ослепленной жаждой мести руки падает масса невиновных жертв. Он слил в своем сознании свои несчастья со злой для него деятельностью какой-либо партии и с некоторых перенес свою озлобленность на всех. И в массовой резне тонут жизни вовсе не причастных к причинам, пролившим такое озлобление.

Православная Русь, да идет мимо тебя этот позор. Да не постигнет тебя это проклятие. Да не обагрится твоя рука в крови, вопиющей к Небу. Не дай врагу Христа, дьяволу, увлечь тебя страстию отмщения и посрамить подвиг вместо исповедничества, посрамить цену твоих страданий от руки насильников и гонителей Христа. Помни: погромы — это торжество твоих врагов. Помни: погромы — это бесчестие для тебя, бесчестие для Святой Церкви!..»¹

¹ Архив Патриарха / Сов. культура. 1991. 25 янв.

ОТ КРОНШТАДТА ДО НОВОЧЕРКАССКА

Большевизм начал свою кровавую жатву сразу же после контрреволюционного переворота в 1917 году. Наиболее же выпукло методы насилия были отработаны на кронштадтских морях и солдатах. Так и пошло: от Кронштадта и Тамбова через сотни крестьянских восстаний, через лагеря и расстрелы, тюрьмы и «психушки».

На протяжении десятилетий советская историография изображала кровавые события в Кронштадте весной 1921 года как мятеж, подготовленный белогвардейцами, эсерами, меньшевиками и анархистами, которые опирались якобы на активную поддержку иностранных разведслужб, в частности французскую.

Утверждалось, что в кронштадтском мятеже, направленном на свержение советской власти, приняли участие только матросы отдельных кораблей и небольшая группа солдат гарнизона. Подчеркивалось, что руководители партии и государства делали все, чтобы избежать кровопролития. И только после того, когда все мирные обращения к матросам и солдатам остались без ответа, применили вооруженную силу. Сообщалось, что после взятия крепости к высшей мере наказания — расстрелу были приговорены лишь наиболее активные участники мятежа, пре-

имущественно белые офицеры, а в дальнейшем репрессий не было. Документы свидетельствуют, что все это — гнуснейшая ложь большевистской власти.

Кронштадтские события имеют свою кровавую предысторию.

Значительная часть крестьянства и рабочих еще в ходе братоубийственной гражданской войны, оставаясь пока на позициях поддержки советской власти, все активнее протестовала против монопольной власти большевиков. Выше я уже писал о сотнях крестьянских восстаний.

Крайне взрывоопасной становилась ситуация и в городах. Не хватало продовольствия. Многие заводы и фабрики закрывались из-за нехватки топлива и сырья, рабочие оказывались выброшенными на улицу. Особенно тяжелое положение сложилось в крупных промышленных центрах, прежде всего в Москве и Петрограде. 11 февраля 1921 года было объявлено о закрытии с 1 марта 93 петроградских предприятий. Среди них такие гиганты, как Путиловский, Сестрорецкий, «Треугольник» и другие.

28 февраля 1921 года состоялось заседание политбюро ЦК РКП(б), на котором обсуждалось положение в Москве и Петрограде. Было признано необходимым активизировать работу по подавлению политической оппозиции. В связи с этим ЧК поручалось усилить аресты меньшевиков и эсеров, не исключая «рабочих, особенно в тех случаях, когда они выдаются своей активностью»¹.

Слухи о событиях в Петрограде дошли до Кронштадта. Для выяснения причин и масштабов волнений в Петроград отправилась делегация матросов и солдат. Вернувшись, они доложили о результатах поездки. На следующий день, 28 февраля, моряки линейных кораблей «Петропавловск» и «Севастополь» приняли резолюцию, которую вынесли на обсуждение представителей кораблей и военных частей Балтийского флота.

¹ РЦХИДНИ, ф.17, оп.3, д.136, л.1—2.

Резолюция гласила:

«1) Ввиду того, что настоящие Советы не выражают волю рабочих и крестьян, немедленно сделать перевыборы Советов тайным голосованием, причем перед выборами провести свободную предварительную агитацию всех рабочих и крестьян.

2) Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов, левых социалистических партий.

3) Свободу собраний и профессиональных союзов и крестьянских объединений.

4) Собрать не позднее 10 марта 1921 года беспартийную конференцию рабочих, красноармейцев и матросов Петрограда, Кронштадта и Петроградской губернии.

5) Освободить всех политических заключенных социалистических партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движениями.

6) Выбрать комиссию для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях.

7) Упразднить всякие **политотделы**, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства на эти цели. Вместо них должны быть учреждены: с мест выбраны Культурно-просветительные комиссии, для которых средства должны отпускаться государством.

8) Немедленно снять все заградительные отряды.

9) Уравнять паек для всех трудящихся, за исключением вредных цехов.

10) Упразднить коммунистические боевые отряды во всех воинских частях, а также на фабриках и заводах разные дежурства со стороны коммунистов, а если таковые дежурства или отряды понадобятся, то можно назначать в воинских частях с рот, а на фабриках и заводах — по усмотрению рабочих.

11) Дать полное право действия крестьянам над своею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, т.е. не пользуясь наемным трудом.

12) Просим все воинские части, а также товарищей военных курсантов присоединиться к нашей резолюции.

13) Требуем, чтобы все резолюции были широко оглашены печатью.

14) Назначить разъездное бюро для контроля.

15) Разрешить свободное кустарное производство собственным трудом»¹.

Обратим внимание, что эта резолюция принята моряками Кронштадта, которые, как известно, составляли опору большевиков в октябре 1917 года. Резолюция, в сущности, не выходила за рамки той программы, на базе которой большевики захватили власть. Именно они требовали передачи всей власти не какой-то одной партии, а Советам, представляющим все социалистические объединения. Именно они обещали крестьянам землю. Именно они говорили о поддержке Учредительного собрания, которое и должно было установить форму власти в России. Не прошло и четырех лет, как все эти требования новая власть объявили контрреволюционными.

Днем 1 марта на Якорной площади состоялся митинг, собравший до 16 тысяч человек, для обсуждения резолюции. Комиссар Балтийского флота Н. Кузьмин пытался погасить митинговый накал, но безуспешно. Выступавшие требовали покончить с заградительными отрядами, голодом, холодом, облегчить положение народа.

Резолюция, принятая моряками «Петропавловска» и «Севастополя», была на этом митинге утверждена подавляющим числом голосов.

2 марта в Кронштадте был создан Временный революционный комитет. Его возглавил матрос с линкора «Петропавловск» С. Петриченко. Ревком взял на себя подготовку выборов в Совет путем тайного голосования, предоставив право участвовать в них и вести свободную агитацию всем политическим силам социалистической направленности. Советские учреждения в городе продолжали работать. Никто не был арестован.

Волнения в крепости сопровождались развалом партийных ячеек. На январь 1921 года насчитыва-

¹ Известия Временного революционного комитета матросов, красноармейцев и рабочих. Кронштадт. 1921. 3 марта.

лось 2680 членов и кандидатов в члены РКП(б). Многие из них покинули Кронштадт в первые дни волнений, хотя никто их не преследовал. Из оставшихся более 900 человек вышли из партии.

Кронштадтцы добивались открытых и гласных переговоров с властью, однако позиция последней с самого начала была предельно конфронтационной: никаких переговоров, никаких компромиссов, «мятежники» должны быть наказаны. Делегации от Кронштадта, неоднократно направлявшиеся в Петроград, арестовывались.

Уже 3 марта было опубликовано правительственное сообщение, озаглавленное «Новый белогвардейский заговор!». В нем говорилось, что все, что произошло в Кронштадте, «несомненно подготовлялось французской контрразведкой», что «задержаны шпионы». Вышеупомянутая резолюция матросов и солдат объявлялась «черносотенно-эсеровской». Ввиду этого Совет труда и обороны (СТО) постановил объявить Петроград и Петроградскую губернию на осадном положении. Дикое нагромождение лжи было одобрено председателем СТО Лениным и председателем Реввоенсовета Троцким. Они явно стремились представить события в Кронштадте в предельно угрожающем виде, будучи уверенными, что «темные массы» проглотят и эту очередную провокацию. Так оно и произошло. Массы проглотили.

5 марта отдается приказ об оперативных мерах по ликвидации восстания. В этих целях вновь формируется 7-я армия под командованием Тухачевского.

Между тем в Москве заканчивалась подготовка к X съезду РКП(б). Начать работу съезда было решено 6 марта. Уже съехались делегаты, но в назначенный день съезд не был открыт. 7 марта состоялось заседание пленума ЦК ВКП(б), который перенес съезд на 8 марта. Дело в том, что в ночь с 7 на 8 марта был назначен штурм Кронштадта. Ожидалось, что с кронштадтцами будет покончено одним ударом и делегатам доложат о взятии крепости как о новой победе над «контрреволюционерами».

Почему же столь жестоко увязывались дата открытия съезда и подавление Кронштадта?

К тому времени обстановка в стране была настолько опасной, что Ленин был вынужден искать коренной выход из положения. В докладе на съезде он решил объявить о повороте к новой экономической политике (нэпу) и, в частности, о замене продразверстки продналогом. Того же требовали и кронштадтцы.

Но Ленин, понятно, не хотел, чтобы изменения в экономической политике были поняты как уступки, сделанные под давлением кронштадтского восстания, рабочих и крестьянских волнений. Это могло стать опасным прецедентом. Вот почему вождь счел необходимым предварить экономические уступки карательной акцией. Он понимал, что изменения в экономике, да еще если они сделаны под давлением масс, потянут за собой и реформы в политической жизни. Расправа над кронштадтцами должна была продемонстрировать главное — незыблемость монополии большевиков на власть.

Однако сокрушить восставших одним ударом в день открытия съезда не удалось. Понесся большие потери, правительственные войска отступили. Одна из серьезных причин этого провала крылась в политических настроениях красноармейцев, которых бросили на штурм крепости. Дело дошло до прямого неповиновения и даже до выступлений в поддержку Кронштадта.

В полосе наступления Южной группы отказался подчиняться приказу штурмовать крепость 561-й полк. В телефонограмме об этом говорилось: «561-й полк, отойдя полторы версты на Кронштадт, дальше идти в наступление отказался. Причина неизвестна. Тов. Дыбенко приказал развернуть вторую цепь и стрелять по возвращающимся. Комполка 561-го принимает репрессивные меры против своих красноармейцев, дабы дальше заставить наступать»¹. Часть полка перешла на сторону крон-

¹ ЦА ФСБ РФ, ф. 114728, т.3, л.30.

штадтцев¹. На северном участке с большим трудом удалось заставить наступать петроградских курсантов, считавшихся самой боеспособной частью войск Северной группы.

В ночь на 17 марта после интенсивного артиллерийского обстрела крепости начался новый штурм Кронштадта. Телеграммой из Петрограда предписывалось «жестоко расправиться с мятежниками, расстреливая без всякого сожаления... пленными не увлекаться»².

В ходе штурма предусматривалось даже применение химических снарядов. Тухачевский отдал приказ, в котором, в частности, говорилось: «Не позже завтрашнего дня атаковать линкоры «Петропавловск» и «Севастополь» удушливыми газами и ядовитыми снарядами»³. Привести приказ в действие не успели. Во второй половине дня 17 марта, когда стало ясно, что дальнейшее сопротивление защитников крепости бесполезно, кронштадтцы решили отступать в Финляндию. (Уйти успело около 8000 человек.)

К утру 18 марта крепость была взята. И сразу же закрутился маховик репрессий. Было решено, что уже само пребывание в Кронштадте во время восстания следует считать преступлением. Наказанию подлежало даже оказание помощи раненым кронштадтцам. Только один пример. В ночь с 29 на 30 марта были арестованы сестры Зинаида и Мария Никифоровы. В заключении следователя по делу Зинаиды Никифоровой говорилось, что она «подбирала раненых мятежников и работала в госпитале». Следователь предложил «заключить гражданку Никифорову в лагерь принудительных работ сроком на пять лет условно». Что касается Марии Никифоровой, то ее сначала хотели освободить. Однако постановлением чрезвычайной «тройки» обе сестры

¹ РГВА, ф.33988, оп.2, д.324, л.505.

² Там же, л.16.

³ Там же, д.367, л.40.

Никифоровы были приговорены к пяти годам принудительных работ и сосланы в Архангельск¹.

Состоялось несколько десятков открытых судебных процессов. Особенно жестоко расправлялись с моряками линкоров «Севастополь» и «Петропавловск». Уже сам факт службы на этих кораблях был достаточным для расстрела. Каратели были особенно беспощадны к красноармейцам 560-го Кронштадтского полка и тех солдат 561-го полка, которые перешли на сторону кронштадтцев во время штурма крепости 7 марта². Однако открытые судебные процессы составляли лишь малую часть репрессивного айсберга. Судьбы тысяч людей решались на закрытых заседаниях чрезвычайных «троек», а иногда и «двоек».

20 марта 1921 года на заседании чрезвычайной «тройки» заслушали дело по обвинению 167 военных моряков линкора «Петропавловск». Все были приговорены к расстрелу. На следующий день расстреляли 32 военных моряка с «Петропавловска» и 30 моряков — с «Севастополя», а 24 марта — еще 27 моряков с «Петропавловска»³. Председатель выездной сессии Реввоентрибунала С.Цветков телеграфировал в Питер: «Дальнейшие аресты продолжаются и будут продолжаться до тех пор, пока не буду убежден, что Кронштадт обескровлен и обезоружен».

Большинство представших перед судами и «тройками» практически не принимало участия в обороне крепости. Так, в протоколы чрезвычайных «троек» попали:

Петр Самсонов, 29 лет, из крестьян, малограмотный, телефонист 1-го Морского воздушного дивизиона, беспартийный. Приговорен к расстрелу только за то, что его избрали делегатом на собрание, проходившее 2 марта на линкоре «Петропавловск».

Арсений Петров, 40 лет, младший писарь хозяйственной части. Расстрелян за то, что три раза нес караульную службу.

¹ ЦА ФСБ РФ, ф.114728, т.74, л. 2—4 об.

² Там же, ф.114728. Материалы по кронштадтскому мятежу, л. 24.

³ Там же, ф.114728, т. 82, л.436; т.83, л.1—2.

Таких примеров множество.

С особым пристрастием карательные органы подходили к тем, кто во время кронштадтских событий вышел из партии. Они были разделены на четыре категории.

К 1-й относили комиссаров, секретарей партийных организаций, а также «лиц, подавших злостные заявления, окрылявшие надежды мятежного ревкома и поднимавшие его авторитет». Они приговаривались к высшей мере наказания — расстрелу.

2-ю категорию составляли подавшие «менее злостные заявления и политически плохо развитые, молодые по возрасту и пассивно участвовавшие в мятеже». Они приговаривались к пяти годам концентрационных лагерей.

Наконец, в 3 и 4-ю категории включались «подавшие заявления без всякой мотивировки лица, заявлений которых о выходе из партии не обнаружено, но они сами сознались, что такие заявления подавали, а также те, кто подал заявление о выходе из партии, но находился под надзором у ревкомовцев». Они приговаривались к одному году общественных работ условно или освобождались¹.

К лету 1921 года только президиумом петроградской губчека, коллегией Особого отдела охраны финляндской границы, чрезвычайной «тройкой» кронштадтского особого отдела и ревтрибуналом Петроградского военного округа «за участие в кронштадтском мятеже» к расстрелу были приговорены 2103 человека, к различным срокам наказания — 6459 человек. Из них 1464 человека освободили, однако обвинение с них снято не было². К ним вернулись позднее — всех разыскали и всех репрессировали.

Звереющая система ввела в практику заложничество и концлагеря. Из следственных материалов по делу Тукиной: «Тукина Ольга Владимировна — жена секретаря ревкома Тукина, была взята в качестве заложницы 9 мая 1921 года и постановлением чрезвычай-

¹ Там же, ф.114728. Материалы по кронштадтскому мятежу, л. 25.

² Там же, л. 1.

чайной «тройки» заключена в концентрационный лагерь как заложница, что будет исполнено по ее выздоровлению и выходу из родильного барака кронгоспиталя»¹.

Приговоренных было так много, что встал вопрос о создании новых концентрационных лагерей. Этим занималось политбюро ЦК РКП(б). На его заседании 20 апреля 1921 года была создана комиссия под председательством Менжинского, которой поручалось подготовить вопрос «О создании дисциплинарной колонии на 10—20 тыс. человек, по возможности на далеком севере в районе Ухты, в большой отдаленности от населенных местностей»².

К началу апреля был завершен основной этап следствия по делу мятежа в Кронштадте. Руководителем следствия Я. Аграновым был подготовлен подробный доклад. Его выводы явно расходились с пропагандистской версией. В докладе, в частности, говорилось:

«Задачей моего расследования было выяснение роли отдельных партий и групп в возникновении и развитии восстания и связи организаторов и вдохновителей этого восстания с контрреволюционными партиями и организациями, действующими на территории Советской России и за рубежом. Но установить подобные связи не удалось... Восстание возникло стихийным путем и вовлекло в свой водоворот почти все население и гарнизон крепости. Кронштадтское восстание вообще является заключительным аккордом давнего этапа мелкобуржуазной стихии, представляющей собой реакцию против диктатуры пролетариата и коммунистического режима, недовольство крестьянства и отсталых слоев рабочего класса продовольственной политикой Советской власти и явное стремление к преодолению оков, наложенных последней на свободный оборот мелко-го собственника».

С докладом Агранова был ознакомлен лишь узкий круг руководителей партии и государства.

В 1921—1922 годах ЦИК объявлял амнистии уча-

¹ Там же, ф.114728, т.206, л.18.

² РЦХИДНИ, ф.17, оп.3, д.153, л.2—3.

стникам «белого движения», под которую попадали и кронштадтцы. Бежавшие в Финляндию получили возможность вернуться. Некоторые, по наивности, вернулись и тут же оказались в лагерях и тюрьмах.

С зимы 1922 года началось массовое выселение жителей Кронштадта. Для организации этой работы была создана эвакуационная комиссия. Выселению в первую очередь подлежали семьи, в которых кто-то был расстрелян, осужден или пропал без вести, а также исключенные из партии в ходе партийной «чистки» и вышедшие из партии добровольно. Только с 1 февраля 1922 года по 1 апреля 1923 года было выслано 2514 человек, из которых 1963 человека — «как кронмятежники и члены их семей». Это были в подавляющем большинстве женщины и дети.

Все высланные по прибытии на новое место жительства должны были регистрироваться в местных органах ВЧК. На протяжении многих лет следователи периодически возвращались к уже прекращенным и сданным в архив делам, стараясь найти в них новый материал для новых обвинений.

Реакция большевистской власти на события в Кронштадте отчетливо показала тоталитарную сущность партии, захватившей государственную власть, продемонстрировала предательство ее правящей верхушкой тех идеалов, за которые сложили свои головы миллионы обманутых людей.

...Когда после XX съезда запахло жареным и нависла угроза персональной ответственности за злодеяния, совершенные против народа, в высших слоях карательных и партийных служб началась трусливая перебранка. Каратели из спецслужб говорили, что они были всего лишь исполнителями, выполняли прямые указания партийных «паханов». В свою очередь партийные вожди утверждали, что все злодеяния — дело рук ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ.

Правы те и другие. Элита партии, элита службы безопасности — родные братья. Они вместе творили преступления. Если время от времени в общей мясорубке летели головы и членов политбюро, и

главарей спецслужб, шли на расстрел тысячи аппаратчиков из партии коммунистов и из рядов чекистов, то эта смертельная мельница говорит лишь о сложившемся в стране двоевластии. В конце концов, и Хрущева, и Горбачева свергали кагэбисты, а партийные бонзы исполняли лишь роль статистов.

Сталин не верил никому. Чтобы легче управлять, он постоянно сталкивал лбами всех со всеми. И потому сами аппаратчики дрожали от страха перед возможными санкциями. Так и шла жизнь аппаратчика — одновременно и в страхе, и в жажде власти.

XX съезд в 1956 году докладом Н.Хрущева осудил злодеяния Сталина, но система, сталинские оруженосцы остались неприкасаемыми. Они всячески душили едва-едва начавшуюся десталинизацию, понимая, что в какой-то момент встанет вопрос об их уголовной ответственности за совершенные преступления. На июньском пленуме ЦК КПСС (1957 год) была сделана попытка расширить сферу ответственности за преступления сталинского фашизма. Но она не увенчалась успехом.

Маршал Жуков, выступая первым в прениях, поднял вопрос об уголовной ответственности высших руководителей за преступления, расстрелы, злоупотребления властью во времена сталинизма. Он огласил документы, в которых содержались данные о расстрелах десятков тысяч людей без судебного разбирательства, только по прямому указанию членов политбюро или с их санкции.

«Они, засучив рукава, с топором в руках рубили головы... — говорил Жуков. — Как скот, по списку отправляли: быков столько-то, коров столько-то, овец столько-то»¹.

Во время выступления Кагановича Жуков прервал его репликой:

«Давайте говорить об ответственности за преступления, за расстрелы — это тоже важный вопрос».

Каганович. *Если члены Пленума хотят, чтобы я другие вопросы отложил...*

¹ Там же, л. 98.

Жуков. Скажи, почему ты 300 железнодорожников сплавил на тот свет?

Каганович. Вопрос, который поставлен, — это вопрос политики.

Жуков. И уголовный.

Каганович. Его надо рассматривать не под углом зрения 1957 года, а под углом зрения 1937—1938 годов. Так требует марксистская диалектика. Я скажу, что у нас была борьба политическая в стране...

Жуков. Ты, брат, прямо отвечай: членов ЦК расстреливал, это враги наши?

Каганович. Были враги, была классовая борьба острая. Вместе с врагами допустили извращения, безобразия и преступления? Допустили.

Я согласен и одобряю доклад Хрущева на XX съезде, хотя и скажу, что я очень переживал. Но я не думаю, что члены ЦК с легкой душой шли на такое развенчание Сталина и с легкой душой раскрывали свои язвы и болячки. Я переболел и поддерживаю этот доклад. Я считаю, что правильно мы раскрыли и разоблачили это дело. Но, конечно, этим я не снимаю ответственность. Я несу ответственность политическую.

Жуков. И уголовную... За нарушение власти следует уголовное наказание.

Каганович. Я говорю о политической ответственности. Обстановка была острая, мы действовали очень быстро, и то, что товарищ Жуков вытащил фамилии только двух-трех, которые подписывали документы, а других не упоминает, — это фракционный маневр. Вот где фракционность. Топите тех, кого выгодно, и замалчиваете о других. Все Политбюро. А тройки областные — во всех областях были тройки во главе с секретарем обкома.

Голоса. А по чьему указанию? Кто создавал?

Хрущев. Кто учредил этот преступный порядок создания этих троек? Все, кто входил в эти тройки, расстреляны.

Голоса. Правильно.

Каганович. Не все.

Хрущев. Абсолютное большинство расстреляно.

Каганович. *А вы разве не подписывали бумаги о расстрелах по Украине? Я из Москвы ушел в марте 1935 года, из ЦКК ушел в 1934 году, я работал на хозяйственной работе.*

Голос. *И там расстреливали.*

Жуков. *300 человек железнодорожников.*

Хрущев. *Разве судебные и чекистские органы были обкомам подчинены? Никогда не были. Меня считали польским шпионом.*

Каганович. *Многих считали, и меня, может быть, в том числе. Я сейчас расскажу. Обстановка была напряженная.*

Голоса. *Вы сами создавали ее.*

Каганович. *О железнодорожниках спрашивают у меня. Поступали без конца бумаги от НКВД. Спросите железнодорожников, сколько меня обвиняли в том, что я задерживал вопросы. Я защитил сотни тысяч людей железнодорожников, а часть людей, которые по бумагам казались врагами, мы арестовывали. А что же вы, товарищ Жуков, будучи командиром дивизии, не подписывали?*

Жуков. *Ни одного человека не поставил под расстрел.*

Каганович. *Это проверить трудно.*

Жуков. *Проверьте, пожалуйста.*

Каганович. *А вы что, не одобряли политику ЦК, политику борьбы с врагами?*

Жуков. *Борьбы с врагами, но не расстрелов¹.*

Завершая свое выступление, Жуков сказал:

«Если бы только народ знал, что у них с пальцев капает невинная кровь, то встречал бы их не аплодисментами, а камнями»².

После XX съезда КПСС немножко полегчало. Постепенно сворачивалась лагерная система. Но борьба с инакомыслием шла своим ходом, о чем я рассказывал выше. Продолжались и кровавые репрессии. Вспомним о событиях в Новочеркасске.

¹ Там же, л.142—144.

² Там же, л.103.

В первой половине 1962 года администрацией Новочеркасского электровозостроительного завода неоднократно пересматривались нормы выработки, в результате чего у многих рабочих заработная плата понизилась на 30 процентов. Снижение зарплаты и одновременное повышение цен на продукты питания создавали невыносимые условия жизни.

Утром 1 июня 1962 года рабочие завода, собираясь в группы, обсуждали решение правительства о повышении розничных цен на мясомолочные продукты. Постепенно бурные дискуссии из цехов перетекли на заводскую территорию. Число участников быстро возрастало.

По требованию митингующих к ним вышел директор завода. Собравшиеся высказали в адрес дирекции претензии о ненормальных условиях труда, об отсутствии на заводе техники безопасности, плохих бытовых условиях и низких заработках. Обстановка накалялась. Когда рабочие спросили у директора, как им теперь жить, тот цинично ответил: «Не хватает денег на хлеб — ешьте пирожки с ливером». Это и оказалось той искрой, которая взорвала коллектив.

Большая группа рабочих двинулась к заводоуправлению. Появились лозунги: «Мяса, молока, повышения зарплаты!». На площади собралось более 4 тысяч человек. Во время митинга группа рабочих остановила движение пассажирского поезда Саратов—Ростов-на-Дону. Забастовщики рассказывали пассажирам поезда о своих требованиях, тяжелом материальном положении, призывали сообщать об этом жителям других городов. Прибывшие на завод группа работников КГБ во главе с начальником областного управления и сотрудники милиции попытались оттеснить толпу рабочих от железнодорожного полотна и пропустить поезд. Однако эта попытка не удалась. Движение на магистрали было прервано.

Днем 1 июня в Ростов прибыл член президиума ЦК А. Кириленко, который с бранью начал отчиты-

вать командующего военным округом генерала Плиева и начальника политуправления генерал-лейтенанта Иващенко за бездействие. Кириленко потребовал немедленно ввести войска округа в Новочеркасск для пресечения «хулиганских действий». После телефонного разговора с Кириленко Хрущев согласился с его предложением. Плиев распорядился ввести в Новочеркасск подразделения частей округа.

В тот же день Кириленко вместе с Плиевым и Иващенко прибыли в Новочеркасск и расположились в военном городке, где разместился временный командный пункт. Сюда же приехали и прибывшие из Москвы Микоян, Козлов, Шелепин, Полянский, руководители центральных органов КГБ, командования внутренних войск МВД. По распоряжению членов президиума ЦК КПСС к Новочеркаску подтягивались воинские части Северо-Кавказского военного округа, а также силы внутренних войск МВД из Каменск-Шахтинска, Грозного и Ростова-на-Дону.

К исходу дня 1 июня к площади у заводууправления направились 5 автомашин с солдатами и 3 бронетранспортера. Толпа заводчан преградила им дорогу и остановила машины. Офицеры и солдаты этого подразделения растерялись и не знали, что им делать. С бронетранспортеров выступали рабочие, призывая продолжать забастовку, а солдат — присоединиться к ним. В ночь на 2 июня по распоряжению членов президиума Кириленко и Шелепина к электровозостроительному заводу были направлены танки и снова солдаты на бронетранспортерах. Завод был взят под военную охрану, в городе установлен комендантский час, начались аресты рабочих.

Утром 2 июня требования рабочих-электровозостроителей поддержали рабочие нефтемашиностроительного завода и других предприятий города. Безоружные люди колонной двинулись к центру города с тем, чтобы высказать свои претензии. Это было мирное шествие с красными флагами, портретами Ленина и живыми цветами.

Среди демонстрантов было много детей и женщин. По пути к городу к демонстрантам присоединилась большая группа молодежи. Войскам была дана команда остановить мирное шествие. В трех местах танками и бронетранспортерами был перекрыт мост через реку Тузлов. Но и это не помогло. Люди перешли на противоположную сторону и продолжали идти к горкому КПСС.

Когда многотысячная толпа демонстрантов находилась примерно в 4—5 километрах от здания горкома, члены президиума ЦК Козлов, Кириленко, Микоян доложили Хрущеву об обстановке и попросили разрешения отдать через министра обороны и командующего войсками Северо-Кавказского военного округа приказ на силовое пресечение демонстрации. Всему личному составу внутренних войск и армейских частей выдали оружие и боеприпасы. К 10 часам все подразделения войск были приведены в боевую готовность.

Толпа рабочих, членов их семей — жен и детей — приблизилась к зданию горкома на расстояние 50—100 метров. Здание было оцеплено войсками. Начался митинг, выступавшие требовали снижения цен на продукты питания и повышения заработной платы. Свои требования они хотели передать партийным и советским руководителям. Но партийные боссы побоялись выйти к митингующим. Они предпочли разговаривать с ними через городскую радиотрансляционную сеть. Были переданы записи обращений Микояна и Козлова к жителям города. Рабочие настаивали на встрече с представителями высшей власти.

В ответ был отдан приказ открыть огонь по безоружным людям. Раздались выстрелы. 20 человек были убиты на месте. Из них две женщины. Раненых и получивших увечья оказалось более 40 человек. Позже 3 человека из них умерли¹.

Однако на этом кровавая акция не закончилась. В городе начались массовые аресты «зачинщиков

¹ АП РФ, ф.3, оп.58, д.211, л.146.

беспорядков». Среди демонстрантов было немало сотрудников КГБ в штатском, которые фиксировали наиболее активных участников митинга и фотографировали их. По показаниям этих сотрудников и арестовывались жители Новочеркасска.

В ходе следствия обвиняемым не смогли предъявить ни одного факта грабежа, захвата чужой собственности. В руках следователей оказалось лишь два обвинения в попытках завладеть оружием. При этом один из осужденных отверг его в ходе судебного заседания, а другой был убит и потому не мог ни признать этого обвинения, ни опровергнуть его.

В делах осужденных есть любопытные свидетельства. Услышав грохот танков, из дома выскочил в одних трусах (эта деталь не упущена в деле) тракторист Катков. Будучи не совсем трезвым, он воскликнул: «О Боже, и эти идут удовлетворять просьбы трудящихся!». Тракторист был осужден, а в приговоре сказано, что, «находясь около своего дома, злобно препятствовал продвижению военных машин, направляющихся для охраны НЭВЗа, допускал при этом враждебные, клеветнические выкрики».

Всего было осуждено 116 человек, семь из них приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Многие — к длительным срокам лишения свободы — от 10 до 15 лет в исправительно-трудовых лагерях строгого режима. Понимая шаткость попытки свалить вину за случившееся на «хулиганствующие элементы», властями было сделано все возможное, чтобы скрыть происшедшее, в том числе и хладнокровное убийство десятков человек. Даже трупы погибших были захоронены тайно на различных кладбищах Ростовской области.

В газетах того времени не было сказано ни слова о событиях в Новочеркасске. Только 6 июня в «Правде» было упоминание об этом городе в связи с тем, что там «трудящиеся правильно оценили повышение закупочных и розничных цен на мясо и масло». В той же публикации похвалили новочеркасцев за трудовой энтузиазм. Так и написано: «Хоро-

шо работают коллективы Новочеркасского электро-возостроительного, электродного заводов...» В городе провели серию собраний в поддержку «мудрой политики партии и правительства».

Все это произошло во время хрущевской «оттепели», когда пропаганда время от времени призывала к десталинизации, к демократизации общества, к повышению роли трудящихся в управлении государством. Но практика властей была направлена совсем на другое — на сохранение большевистской диктатуры, которая использовала ту же самую сталинскую машину насилия.

5 июня 1962 года, то есть через три дня после расстрела, состоялась встреча личного состава новочеркасского гарнизона и подразделений внутренних войск с членом президиума ЦК, секретарем ЦК Козловым. От имени ЦК КПСС, советского правительства и лично Хрущева он дал высокую оценку действиям участников ликвидации «беспорядков» в Новочеркаске и передал им благодарность за проявленную выдержку, стойкость и мужество.

От Кронштадта до Новочеркаска — этапы большой крови и позора!

КРЕСТОСЕЯТЕЛИ

(Вместо заключения)

Россия до горизонта усеяна крестами и безымянными могилами своих граждан, убитых в войнах, умерших от голода, расстрелянных по прихоти ленинско-сталинского фашистского режима. Под крестами их миллионы, а еще миллионы — в могилах безымянных. Лежат во рвах, канавах, болотах, в расщелинах гор, а то и просто скелеты разбросаны по лесам земли российской.

Точных данных, которые бы основывались на документах, о масштабах всенациональной трагедии нет. Называются самые разные цифры. Такой проницательный человек, как академик Вернадский, оценивая масштабы событий второй половины 30-х годов, записал в своем дневнике в январе 1939 года, что приводится цифра 14—17 миллионов ссыльных и заключенных в тюрьмах и лагерях.

Власть, разумеется, придерживалась другого мнения. В 1954 году министр внутренних дел С.Круглов (активный участник репрессий, организатор депортации народов Северного Кавказа) сообщил Хрущеву, что с 1930 по 1953 год в СССР репрессировано примерно 3,7 миллиона человек, в том числе 765 тысяч расстреляно.

Эти цифры, конечно же, ложные. Но они гуляют по официальным источникам до сих пор. В них не учитывается количество заключенных во внутренних тюрьмах НКВД, а они в те годы были переполнены. Не проанализирована смертность в лагерях для политических заключенных, проигнорировано число репрессированных крестьян, депортированных народов. Сюда же надо включить жертвы ле-

нинских репрессий, число которых никто не считал, жертвы Гражданской войны в количестве 13 миллионов человек. Приплюсовать еще 3,4 миллиона человек, подвергшихся репрессиям во время коллективизации и 3,3 миллиона — из числа репрессированных народов, а также — из побывавших в плену и репатриированных из Германии и других стран Европы.

Мой собственный многолетний опыт работы по реабилитации жертв политического террора позволяет утверждать, что число убитых по политическим мотивам и умерших в тюрьмах и лагерях за все годы советской власти в целом по СССР достигает 20—25 миллионов человек. К жертвам режима, безусловно, относятся и умершие от голода: более 5,5 миллионов — в Гражданскую войну и более 5 миллионов человек — в 30-е годы.

Уже опубликованные документы дают представление о масштабах карательной политики. Только по Российской Федерации с 1923 по 1953 год, по неполным данным, общая численность осужденных составляла более 41 миллиона человек.

Конечно, среди них были лица, совершившие уголовные преступления. Но и миллионы людей, лишенных свободы за опоздания на работу, за невыполнение нормы трудодней в колхозах и т. п. По указам от 26 июня 1940 года и 15 апреля 1942 года за эти проступки в 1940 году было осуждено более 2 миллионов человек, в 1946-м — 1,2; в 1947-м — более 938 тысяч и т. д. Даже в 1953 году по этим статьям осудили более 308 тысяч человек.

В целом за послевоенные годы за опоздания на работу и невыполнение нормы трудодней было осуждено более 6 миллионов человек. Многие из них «свои сроки» отбывали в лагерях ГУЛАГа...

Да разве обо всем расскажешь!

Пришествие большевизма на землю России было предсказано Федором Достоевским («погибнет 100 миллионов людей») в романе «Бесы».

Что большевизм дал миру, народам, человеку?

Миру — бунты, разрушения, насильственные революции, гражданские войны, насилие над людьми.

Народам — нищету, обездоленность, бесправие, рабство — материальное и духовное.

Человеку — постоянные страдания. Большевицкое государство отняло у человека свободу, честь, нравственность, достаток. Даже веру в Бога.

Большевизм — это многоликое бесовство, воинствующее античеловеческое явление. Он мог появиться где угодно. Идейным учением большевизма был марксизм немецкого происхождения и английского разлива. Но первую свою практическую победу он одержал в России.

Известно, что Русь приняла христианство в 988 году от Константинополя. Византийские нравы того времени — подлость, трусость, продажность, коварство, суперцентрализация, обожествление личностей — по сей день доминируют в социально-политической жизни России. В XII веке многочисленные раздробленные русские княжества — от Волги до Карпат — были покорены монгольскими завоевателями. Азиатские традиции и нравы с их неуважением к личности, правам человека, культом силы и насилия, властью деспотов и бесправием отразились на всем образе жизни народа, на его генетике.

Трагедию России определило прежде всего то, что ею тысячу лет правили люди, а не законы. Правили князья, цари, разные председатели, генеральные секретари. Правили бездарно, кроваво. Народ существовал для власти, а не власть для народа. Россия избежала классического рабства. Но до сих пор не вышла из феодализма, по сей день порабощена имперско-казенной идеологией, суть которой — государство — все, человек — ничто.

Россия оказалась на обочине цивилизации, ибо в ней никогда не было нормальной частной собственности. Собственность всегда принадлежала государству, его феодальной элите, а сегодня — номенклатурной олигархии из бывших аппаратчиков. Отсутствие частной собственности, прежде всего на зем-

лю, — первопричина всех бед России, ее роковая судьба.

Россия несколько раз предпринимала отчаянные попытки преодолеть отставание. Были реформы Петра I, Александра II, а также связанные прежде всего с именем Петра Столыпина Николая II. И все они сопровождались смутами и войнами. В 1861 году в России было отменено крепостное право. Лишь в конце XIX века страна мучительно и тяжело вступила на путь демократического развития.

Начало XX века — самый светлый период русской истории. Стремительно, самыми высокими темпами (их потом повторила только Япония в 50-х годах) развивалась промышленность, укреплялись финансы, росла производительность сельского хозяйства. Возник парламентаризм. Было введено обязательное начальное образование, открывались университеты, вузы, гимназии, реальные училища. Процветали науки, искусство, литература. Но в 1914 году началась Первая мировая война. В начале весны 1917 года царь отрекся от престола, была провозглашена Республика.

Но она продержалась всего 9 месяцев — большевики утопили ее в крови, совершив контрреволюцию. Три поколения россиян пережили экономическое рабство, немыслимый террор — физический и духовный, Вторую мировую войну, сталинщину, диктатуру партии и вождей.

В августе 1996 года я обратился к российской и мировой общественности, к Президенту России, Конституционному суду, правительству, Генеральной прокуратуре, Федеральному собранию с призывом возбудить преследование фашистско-большевистской идеологии и ее носителей. Реакции не последовало. Только группа депутатов-коммунистов подала в Генеральную прокуратуру заявление с требованием привлечь меня к ответственности за преследование инакомыслия. Демократы ограничились своей поддержкой поздравительными телефонными звонками.

Но несмотря на то что большевистские силы, всячески изворачиваясь, лицемеря, юродствуя, ведут дело к ползучей реставрации, я все же верю, что у народа России достанет разума окончательно избавиться от затянувшейся болезни.

Мы сумели достойно похоронить останки императора Николая II и его семьи. Президент России и Патриарх Алексий признали наконец необходимость духовного очищения, необходимость покаяния.

В этих условиях и с учетом трагической истории России я убежден в том, что

Большевизму не уйти от ответственности за контрреволюцию, за насильственный государственный переворот в 1917 году.

Большевизму не уйти от ответственности за установление диктатуры, ненавидящей человека как такового. В результате ее преступных действий уничтожено более 60 миллионов человек. Большевизм, будучи разновидностью и провозвестником фашизма, проявил себя главной силой, вставшей на путь геноцида собственного народа.

Большевизму не уйти от ответственности за развязывание братоубийственной Гражданской войны, в результате которой была разрушена страна, а в ходе бессмысленных и кровавых боев и разрушений было убито, умерло от голода, эмигрировало более 13 миллионов человек.

Большевизму не уйти от ответственности за уничтожение российского крестьянства. Крестьянская Россия была разрушена, попорчены ее нравственность, традиции, обычаи. Производительные силы деревни были подорваны настолько, что уже многие годы, чтобы спастись от голода, страна закупала прокормление за рубежом.

Большевизму не уйти от ответственности за уничтожение христианских храмов и монастырей, мусульманских мечетей, иудейских синагог, других молельных домов, за расстрелы священнослужителей, за гонения верующих — действия, покрывшие страну вечным позором.

Большевизму не уйти от ответственности за уничтожение целых сословий российского общества — офицерства, дворянства, купечества, корневой интеллигенции, ученых и мастеров искусств.

Большевизму не уйти от ответственности за практику неслыханного в истории попрания элементарных прав, фальсификаций, ложных обвинений, внесудебных приговоров, за расстрелы без суда и следствия, за истязания и пытки, за организацию концлагерей, в том числе для детей-заложников, за применение отравляющих газов против мирных жителей. В мясорубке ленинско-сталинских репрессий погибло более 20 миллионов человек.

Большевизму не уйти от ответственности за уничтожение свободы слова, всех демократических партий и движений, в том числе и социалистического направления.

Большевизму не уйти от ответственности за бездарное ведение войны с гитлеровским фашизмом. И только принесенные в жертву 30 миллионов наших сограждан и героизм народа спасли страну от порабощения.

Большевизму не уйти от ответственности за преступления против бывших советских военнопленных и репатриантов, за то, что они были загнаны после войны в советские лагеря и использовались на самых тяжелых работах с целью умерщвления.

Большевизму не уйти от ответственности за геноцид против нерусских граждан СССР — немцев, поляков, татар, чеченцев, ингушей, карачаевцев, корейцев, балкарцев, калмыков, турок-месхетинцев, армян, болгар, греков, гагаузов, подвергшихся насильственному переселению из родных мест в необжитые районы страны.

Большевизму не уйти от ответственности за организацию травли ученых, литераторов, деятелей кино, театра, музыки, врачей, за колоссальный урон, нанесенный отечественной культуре и науке. По преступным идеологическим мотивам были подвергнуты остракизму генетика, кибернетика, про-

грессивные направления в экономике и языкознании, в литературном и художественном творчестве.

Большевизму не уйти от ответственности за организацию расистских процессов (против Еврейского антифашистского комитета, «врачей-убийц»), направленных на разжигание межнациональной розни, на возбуждение низменных инстинктов толпы.

Большевизму не уйти от ответственности за организацию преступных кампаний против любого инакомыслия. Его многочисленные носители подвергались самому широкому набору наказаний: тюрьмы, ссылка, спецпоселения, высылка за границу, психиатрические больницы, лишение работы, опубликование клеветнических статей в печати, прочие издевательства над личностью.

Большевизму не уйти от ответственности за тотальную милитаризацию страны, в результате чего народ обнищал, а развитие общества катастрофически затормозилось.

Большевизму не уйти от ответственности за антигосударственный мятеж в августе 1991 года, который привел к беспорядочному разрушению государства и немислимым тяготам для всех народов бывшего Советского Союза.

Однако и сегодня еще насколько же коротка наша память. Мы ползем, задыхаясь, по вязкой болотистой топи, нас еще не озарило понимание главного источника наших бед: без дебольшевизации России не может быть и речи о ее выздоровлении, возрождении и приобщении к мировой цивилизации. Только избавившись от большевизма, Россия может рассчитывать на исцеление.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
Социально опасные дети	31
Подельники	56
Крестьянство	99
Интеллигенция	122
Пастыри	182
Дважды преданные	200
На века оскорбленные	213
Антисемитизм	229
От Кронштадта до Новочеркасска	245
Крестосеятели (<i>Вместо заключения</i>)	264

**Александр Николаевич ЯКОВЛЕВ
КРЕСТОСЕВ**

Редактор *Э.М. Розенталь*
Художественный редактор *Т.Н. Костерина*
Технолог *С.С. Басипова*
Оператор компьютерной верстки *А.В. Волков*
П. корректоры *В.А. Жечков, С.Ф. Лисовский*

Издательская лицензия № 065676 от 13 февраля 1998 года.
Подписано в печать 20.09.99. Формат 84 × 108/32.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Объем 8,5 печ. л. Тираж 5000 экз.
Изд. № 999. Заказ № 2861.

Издательство «ВАГРИУС»
129090, Москва, ул. Троицкая, 7/1
Интернет/Home page — <http://www.vagrius.com>
Электронная почта (E-Mail) — vagrius@vagrius.com

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Государственном ордена Октябрьской Революции,
ордена Трудового Красного Знамени Московском
предприятии «Первая Образцовая типография»
Государственного комитета Российской Федерации
по печати. 113054, Москва, Валовая, 28

**Оптовая торговля:
«Клуб 36,6»**

Тел./факс: (095) 265-13-05, 267-29-69, 267-28-33, 261-24-90
E-mail: club366@aha.ru

Фирменный магазин «36'6 — Книжный двор»:

Москва, Рязанский пер., д. 3
Тел.: (095) 265-86-56, 265-81-93

Склад:

г. Балашиха, Звездный бульвар, д. 11
(от ст. м. «Щелковская», авт. 396, 338А до ост. «Химзавод»)
Тел.: (095) 523-92-63, 523-25-56 Тел./факс: (095) 523-11-10

Книги почтой:

107078, Москва, а/я 245 «Клуб 36,6»

Книжная лавка «У Сытина»:

125008, Москва, пр-д Черепановых, д. 56
Тел.: (095) 156-86-70 Факс: (095) 154-30-40
Электронная почта: sytin@aha.ru

Интернет-магазин:

<http://www.kvest.com>

Электронная почта: info@kvest.com

Доставка в любую страну

В Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе России:
«Невская книга»: (812) 567-47-55, 567-53-30

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ **КРЕСТОСЕВ**

Александр ЯКОВЛЕВ — одна из знаковых фигур современной России. За ним прочно закрепилась репутация "архитектора перестройки" и "отца гласности". Одиннадцать лет А. Яковлев, возглавляя российскую Комиссию по реабилитации жертв политических репрессий, исследовал огромный массив документов о тотальном терроре против "врагов народа", идейной оппозиции и инакомыслия в годы строительства социализма в стране. Новые шокирующие факты о созданной и отлаженной большевиками технологии истребления людей настолько поразили А. Яковлева, что он не мог не поделиться этой информацией в своей книге-мартирологе.